

В. И. ПОДОВ

ОТКРЫТИЕ ДОНБАССА

Подов Владимир Иванович родился 25 февраля 1924 года в Белоруссии. По образованию историк. Окончил исторический факультет Ростовского-на-Дону госуниверситета. Член Союза журналистов СССР. Ветеран Великой Отечественной войны.

Работал в газетах, музеях, на предприятиях. Свои общественные и профессиональные интересы связал с изучением истории Донбасса. Им написан ряд книг, статей и очерков. Важной страницей истории Донецкого бассейна посвящена и предлагаемая книга „Открытие Донбасса“. В настоящее время работает над книгами „Социально-экономическое развитие Донбасса в 18 веке“ и „Белорусы в Донбассе“.

Принимает активное участие в общественной жизни. Более 10 лет возглавлял Лисичанскую городскую организацию Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Избирался делегатом съезда этого общества. Участвовал в работе Всесоюзной научной конференции по истории городов и сел.

В 1990 году принимал участие в работе Всеукраинского учредительного съезда краеведов, организовал и возглавляет региональный краеведческий клуб „Северский Донец“.

63.3(4УКР)-4ДСИ)
ПЧЧ

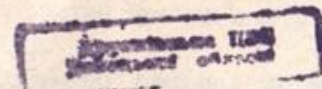
УКРАИНСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
ЛУГАНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. И. ПОДОВ.

ОТКРЫТИЕ ДОНБАССА
Исторический очерк. Документы.

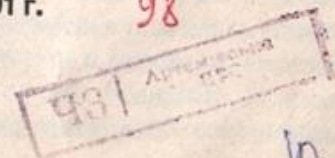
3032

61881-2

Луганск, 1991 г.

98

12

Рецензент – кандидат технических наук Л. П. Ткаченко.

Предисловие кандидата технических наук Лауреата Ленинской премии И. А. Григорьева.

Эта книга – результат длительного поиска и исследования автором архивных документов. Важнейшие моменты истории открытия Донбасса нашли в ней новое освещение. В книге даны архивные документы. Многие из них публикуются впервые.

Рассчитана на широкий круг читателей. Книга послужит хорошим подспорьем в кружках и на факультативах по краеведению для учащихся школ, средних учебных заведений и вузов.

Scan by twinpeaks 2016

Шахты и рудники Донбасса

<http://twinpeaks.blogspot.com>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Донецкий угольный бассейн – один из крупнейших промышленных центров страны. Его история, как и современность, никого не могут оставить равнодушным.

Одна из наименее исследованных страниц истории Донбасса – открытие каменного угля в бассейне. Правда, на эту тему написано немало статей. Ей посвящены разделы книг: „Открытие и начало разработки угольных месторождений в России” под редакцией А. А. Зворыкина, „Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна” Г. Д. Бакулева, „История геологических исследований Донецкого каменноугольного бассейна (1700–1917 гг)” Е. О. Новик, В. В. Пермякова и Е. Е. Коваленко, коллективного двухтомного труда „История технического развития угольной промышленности Донбасса.” Однако специального исследования по этой, одной из ключевых тем, до сих пор не было, и читатель по ряду вопросов темы не имел верного представления.

Поэтому следует всячески приветствовать инициативу историка В. И. Подова, заново изучившего архивные документы об открытии каменного угля в Донбассе в 18 веке, а также многочисленную дореволюционную и советскую литературу. В результате в истории открытия Донбасса автору удалось выявить немало „белых пятен” и, опираясь на архивные документы, осветить их с научных позиций.

Исторический очерк В.И. Подова „Открытие Донбасса” – это, по сути, первая монография, посвященная специально этой теме, исследующая деятельность разведчиков недр Донецкого края на протяжении всего 18 века.

Весь процесс открытия каменного угля в Донбассе, начиная с 1721 по 1795 год, автор делит на три этапа. И это вполне логично. Первый этап – 20 - е годы, второй – 40-е годы, третий – 80-е – 90-е годы 18 века. Каждый из этих этапов выделяется не только временными рамками, но и теми условиями, в которых протекали события, целями и задачами, которые выдвигались перед разведчиками недр.

Автор убедительно показывает причины, которые не позволили на первых двух этапах использовать открытый в Донбассе уголь в промышленных масштабах. Главные из этих причин – незаселенность края, угрозы нашествия кочевников, русско – турецкие войны. Только после присоединения Крыма к России и освобождения Причерноморья появилась возможность организовать широкую добычу каменного угля в Донбассе, поставить богатства Донецкого угольного бассейна на службу обществу. И вполне естественно, что третий этап открытия Донбасса завершился основанием в

урочище Лисья балка на берегу Северского Донца первой шахты Донбасса и началом промышленной разработки каменного угля.

Достоинством книги является обоснованность выдвигаемых положений, научная аргументированность фактов. Автор при необходимости не боится вступить в спор с маститыми исследователями, по-новому подходит к оценке ряда важных вех в истории открытия каменного угля. Выявленные им новые архивные документы позволили установить действительное место, где впервые в Донбассе был открыт каменный уголь. Им оказалась не речка Верхняя Беленькая, как ошибочно считали ранее, а речка Белал, правый приток Лугани, которую в начале 18 века называли Беленькой.

Автор по-новому оценивает вклад рудоискателя Григория Капустина в открытии Донбасса. На основе архивных документов он делает вывод, что Г. Капустину была необоснованно приписана роль первооткрывателя каменного угля в Донбассе. Заслуги его куда скромнее. Он имел отношение лишь к восточной части бассейна – к поиску угля в районе Кундрючьих городков. Местность эта относится к нынешней Ростовской области.

Восстановив историческую правду, автор книги возвращает лантрату Никите Вепрейскому и капитану Семену Чиркову, возглавлявшим Бахмутский солепромысел, честь действительных первооткрывателей каменного угля в Донбассе. Справедливость восторжествовала.

Более объективно, чем это делалось ранее, автор оценивает и деятельность такого противоречивого специалиста, как английского угольного мастера Никсона, приглашенного по просьбе Петра 1 в Россию и возглавившего в 1724 – 1725 годах экспедицию в Донбасс.

Ценность книги и в том, что к ней дается приложение архивных документов. Многие из них публикуются впервые. Как правило, это ключевые документы для понимания процесса и уяснения мест открытия каменного угля в Донецком бассейне, участия в нем конкретных разведчиков недр.

Читатель видит первое сообщение о найденном каменном угле вблизи Бахмутских солепромыслов (документ № 1), донесение Никсона от 25 марта 1725 года. В донесении Никсона из Бахмута от 7 января 1725 года (документ № 18) восстановлена последняя фраза, которая ранее сознательно опускалась в сборниках документов.

Немалый интерес представляют и документы, относящиеся к открытию и разработке каменного угля в 80 - 90 годах 18 века. Один из важнейших из них – донесение Н. Ф. Аврамова Екатеринославскому губернатору Коховскому об открытии каменного угля в декабре 1792 года в урочище Лисья балка, где спустя три года была заложена первая шахта Донбасса. Этот документ в нашем веке не публиковался.

Книга написана живым, доступным языком. Это тоже немаловажное ее достоинство. Ее с интересом и пользой для себя прочтут рабочие и специалисты, студенты, учащиеся и ветераны – все кто любит свой родной Донецкий край, кому дорога его история и современность, кто желает ему дальнейшего процветания.

И.А. Григорьев,
кандидат технических наук,
лауреат Ленинской премии.

1. ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ОТВЕТОВ

Первые попытки поставить богатства недр Донбасса на службу государству относятся к 17 веку. Более трех столетий отделяет нас от того времени. Все начиналось с соли. Выварку ее организовали в 1664 году на Торских соляных озерах. А в самом начале 18 века заявил о себе Бахмут – всерьез и надолго ставший соляной столицей Донбасса. Производство соли словно по цепной реакции, вызвало потребность в угле и металле.

Стойкий интерес к донецкому углю проявился уже в 1721 году. Тогда-то и был зафиксирован первый результат поисков каменного угля. Как говорят, и самый большой путь начинается с первого шага. Это и был первый успех, первый шаг бахмутских солеваров, открывших каменноугольное месторождение. И вполне закономерно, что 1721 год вошел в историю как год открытия Донбасса.

С тех пор в поиски каменного угля включаются многие деятели России на всех уровнях – от солеваров до царя. Указы и распоряжения, поездки энтузиастов и целые экспедиции, доставка образцов и массовая разработка каменного угля с практическим применением его в Бахмутских казенных кузницах – все это наблюдалось уже на первом этапе открытия Донбасса в 1721 – 1725 годах.

Первый всегда важен как начало начал. А всего их было три этапа открытия угольного бассейна. Второй относится к 40 - м годам, а третий – к 80-90-м годам 18 столетия. Последний, третий закончился тем, чем и должен был закончиться последний, – началом промышленной разработки каменного угля.

Истории открытия каменного угля в Донбассе посвящено немало статей и книг. В разное время писали об этом и специалисты, и энтузиасты - любители. Первым о поисках угля известил Н. Мурзакевич,¹ нашедший в 40 -х годах 19 века в крепости св. Дмитрия Ростовского и опубликовавший документ об экспедиции на Дон, в казацкие городки. Профессор А. Скальковский² пытался толковать документ. Его повторил П. И. Фомин.³

Но больше всего, разумеется, писали об открытии угля в Донбассе советские авторы. Первой из них выступила Е. И. Заозерская.⁴ В „ Известиях географического общества ” она опубликовала в 1943 году статью „Поиски каменного угля при Петре 1.” Наиболее существенным вкладом в изучение истории открытия каменного угля в Донбассе и в целом в стране

было издание в 1949 и 1952 годах сборников документов с комментариями „Открытие и начало разработки угольных месторождений в России”.⁵

Затем выходят солидные работы: Г. Д. Бакулева⁶ – „Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна”, Е. О. Новик, В. В. Пермякова и Е. Е. Коваленко⁷ – „История геологических исследований Донецкого каменно-угольного бассейна,” а также коллективный двухтомный труд „История технического развития угольной промышленности Донбасса”.⁸

Перечень работ можно было бы продолжить. Но не вернее ли спросить: а все ли стороны истории открытия каменного угля в Донбассе уже исследованы? Все ли ясно хотя бы самим историкам? К сожалению, утвердительного ответа дать нельзя.

Углубляясь в проблему открытия Донбасса, мы вынуждены поставить и другие, более конкретные вопросы.

Кто же открыл каменный уголь в Бахмутской провинции? Где та речка Беленькая, которая не раз упоминается в документах в связи с открытием каменного угля в Донбассе? Иными словами, где же впервые в Донбассе был открыт каменный уголь?

И, наконец, еще один: Как случилось, что Григорию Капустину приписали месторождения каменного угля, которых он никогда не открывал, и в то же время тех, кто действительно первым открыл каменный уголь в Донбассе, не только обошли, но и в ряде изданий подвергли унижению.

Ответы на эти вопросы – в документах. Заглянем в них, попытаемся разобраться.

2. БАХМУТСКИЕ СОЛЕВАРЫ

Первый год 18 века для Донбасса оказался во многом памятным. В 1701 году на юге России, в диких Донецких степях возник новый солепромысел, а вместе с ним и город-крепость Бахмут. Характерно, что солепромысел, появился не в результате действий сверху, реализации, как это чаще всего бывает, правительственного указа, а совершенно стихийно, но в силу закономерного развития экономических потребностей общества. Простые люди первыми почувствовали, осознали эти потребности и попытались ответить на них практическими действиями.

Примечательный факт этот нашел отражение в Грамоте Петра 1 от 14 октября 1704 года Изюмскому полковнику Федору Шидловскому.¹ „ А в прошлом же 1701 году, говорится в ней, торские жители обыскали местов дачах Изюмского полка, на речке Бахмут, где соль варить прибыльнее торского, и с того города Торю без нашего Вам государева указа и без

твоего ведома перешли все жить на ту речку Бахмут; також из того Изюмского полка, из городов и иных черкашских полков жители черкасы перешли в то место жить многи; так же и русские всяких чинов служилые люди; и крестьяне пришли многие и живут самовольно и службы никакой не служат и тебе чиниться непослушны. . .”

„Вследствие самовольного ухода жителей Тора и других городов на речку Бахмут, охранять те города от набегов татар стало некому. Поэтому 14 августа 1702 года в Белгород была послана царская грамота к генералу Кольцову-Мосальскому и велено из Белгорода на речку Бахмут послать человека для переписи всех жителей и взять у них скаски: с которых городов и каких чинов, и кто именно в то место на речку Бахмут пришли и оселились; и в тех городах, откуда пришли, какую службу служили или за помещика или вотчинники жили? И то новопоселенное место на речке Бахмут у соляных озер, и всех займищ, и строения осмотреть, и описать, и учинить чертеж с пространним начертанием, с подписью, с подлинною ведомостью: в которых местах прилично какую крепость построить и тому всему учинить описные книги. . .”

Не будем здесь вдаваться в суть спора между донскими казаками и изюмцами из-за Бахмута, который и послужил одной из причин всех этих переписей. Отметим только, что из Белгорода в Бахмут был послан поручик Петр Языков, который осуществил перепись.

„. . . В описных книгах, сделанных поручиком Языковым, писано: на новопоселенном месте на речке Бахмуте жителей русских: торских, маяцких и иных разных городов 36 человек; черкас Изюмского полку: торских и маяцких жителей 112 человек, донских казаков 2 человека. . .”

В документе приведены более подробные сведения, показывающие национальный состав, социальное положение и места выхода этих людей, число взрослых и детей в поселении Бахмутского солепромысла. „ А по переписке на той речке Бахмуте жителей: русских людей торских жителей 18 человек, у них детей 23, маяцких жителей 4, дети их 4, переяслав-рязанский волостной крестьянин 1, туленин посацкий человек один, москвитянин посацкий один, сибирянин посацкий один, староосколец городской один, курчан посацкий 2, города Королевца посацкий 1, суздалец гулящий человек 1, боярский крестьянин 1, арзамасец посацкий 1, у него сын 1, тополец гулящий один человек. У тех у всех жителей 29 солеваренных колодезей, 49 дворов, 49 изб, 11 анбаров, 48 куреней и землянок.”

Грамота предписывала далее „... впредь в то место на речку Бахмут донских казаков и никаких пришелых людей и черкас без царского указа и грамоты из Роззряду не принимать, и жить пущать не велено. . .”

Жить в Бахмуте было небезопасно. Жители сообщали, что по полученным

сведениям из разных мест „крымские орды из Перекопу выбрались и знатно, что хотят приходить войною. Да им же, бахмутским жителям, от калмыцких кочевых орд, которые кочуют близ Миюса, и от своевольных запорожцев чинится великое разорение. Лошадей у них отгоняют непрестанно, а укрыться де с лошадьми и пожитками негде. И оттого им на Бахмуте жить страшно.”

А потому грамотой предписывалось сделать на Бахмуте „для охранения деревянную крепость для убежища им самим и сгону скота, обставить острожек колами по обе стороны речки Бахмута. . .” „Далее предписывалось соляные промыслы описать „ и те писные книги” прислать в Семеновскую приказную палату.

Ясно, что государство проявляло интерес к сбору доходов от солепромысла.

Посланный из Белгорода для переписи на Бахмут в 1704 году капитан Скурихин зафиксировал, что построен „городок по обе стороны речки Бахмута стоячим дубовым острогом, в нем двое проезжие ворота. . .” Подле того городка построена часовня. Близ часовни полковые Изюмского полку, для пошлинного сбора из Семеновской канцелярии для мостового проезда таможенная изба и ратуша изюмского полку. Да около той тамажни и ратуши в разных местах построены для торгового промыслу Изюмского полку казаков и торских и маяцких жителей всяких чинов людей 15 анбаров, 9 кузниц. У солеваренных колодезей Изюмского полку казаков из разных городов 140 сковород солеваренных да 30 сковород людей других городов.”

Солепромысел, как видим, креп, расширял свое хозяйство. Однако борьба возникших здесь двух противоборствующих сил — донских и изюмских казаков — каждая из которых претендовала на безраздельное владение солепромыслом, лихорадила его, временами перерастая в настоящую войну. В результате несколько раз он переходил из рук в руки. А в 1705 году атаман Булавин полностью разрушил Бахмутский солепромысел.

Однако вскоре после разорения и подавления булавинского восстания роль Бахмута снова возросла. В результате заключения Россией Прутского мирного договора с Турцией в 1711 году и сдачи туркам Азова и Таганрога Бахмут стал главным опорным пунктом на юге страны против татар и турок. Сюда были переведены все войска из Таганрогской крепости.

В 1715 году Бахмутский солепромысел, до тех пор находившийся в частном ведении, перешел в казну.

Именно в период усиления и возросшей роли Бахмута на арену выходят управляющий соляным промыслом Никита Вепрейский и надзиратель Бахмутской крепости капитан Семен Чирков. Много проблем перед ними вставало в то время. Одна из важнейших — обеспечение прибыльной деяте-

ности солепромысла.

Бахмутский солепромысел находился в ведении Камор-коллегии, суть и задачи которой определил сам Петр 1 при ее учреждении. В указе рукой Петра было написано: „ Камор-коллегиум содержит учреждение и расположение и надсмотр всем доходам в государстве (кроме расходов) и отчет, также мундир и все подряды.”² Следовательно, обеспечение и учет доходов – вот главная ее задача.

В условиях степного безлесья все более острой проблемой для Бахмутского солепромысла становится обеспечение топливом, заставлявшая задумываться о поисках новых его видов.

Таким топливом мог стать каменный уголь. В немалых количествах он нужен был и взамен древесного угля для Бахмутских казенных кузниц. Выжигать на месте древесный уголь было все более затруднительно. Не хватало нужных пород леса. Доставлять же его издалека обходилось недешево. Да и в пути изрядное количество угля приходило в негодность.

В то время топливная проблема не менее остро стояла и перед страной в целом. На нужды металлургического производства изводились значительные массивы лесов. Не случайно правительству Петра 1 под угрозой строжайшей ответственности пришлось запретить рубку лесов. Выход виделся в применении каменного угля. И его повсеместно стали искать. Поиски полезных ископаемых стимулировала Берг-привилегия, принятая Петром 1.

3. ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Никита Вепрейский и Семен Чирков выехали в сопровождении десятка верховых солдат. За ними по еле заметной колее тархтели на неровностях три пароконные повозки, на которых сидели по двое рабочих. На повозках лежали топоры, ломы, кирки, лопаты и другие рабочие инструменты. На передней виднелся большой моток толстой веревки.

Двоим верховым Чирков отдал команду выдвинуться на полверсты вперед, чтобы в случае чего не оказаться застигнутыми врагами врасполох. Лантрат и комендант не раз выезжали вместе. То на осмотр местности в целях изучения условий и правильной организации дозоров и обороны крепости. То на поиски леса по окрестным балкам и речкам. И хорошо знали обстановку в этом диком крае. Солепромысел находился в зоне повышенной опасности. Кругом рыскали татарские орды и мелкие группы кочевников, готовые в любую минуту напасть на беззащитных, ограбить, увести и продать в рабство. Так что надо быть всегда начеку.

Высокий, худощавый лантрат и коренастый, среднего роста надзиратель

крепости сблизилась как-то постепенно, незаметно.

У каждого из них было свое направление в деятельности, конкретные служебные обязанности. Но общий успех дела, несомненно, зависит от сложения обоих этих направлений, от того, насколько они хорошо сочетались. Каждый из них это понимал.

Скорее, может быть, не столько сознавал, сколько ощущал интуитивно, каким-то особым чувством. И потому не чурались они друг друга, считали за честь посоветоваться, прислушивался каждый к голосу другого. Так совместно делали они одно общее дело. А ознакомление с Петровским указом от 10 декабря 1719 года,¹ который стали называть Горной регалией или Берг-привилегией, еще больше сблизило их. По несколько раз перечитывали и обсуждали они отдельные положения документа, в силу которого Берг-коллегия приобретала право центрального ведомства по руководству рудным делом в стране. В нем были изложены условия поиска и разработки руд и минералов. Искать руды разрешалось повсеместно и всем. Было бы желание. К тому же удачник, нашедший руду, щедро вознаграждался, а при желании мог получить даже жалованную грамоту на право разработки открытого месторождения.

– Вдумайся, капитан, в эти слова, – говорил Вепрейский, обращаясь к Чиркову. И он читал документ:

– Соизволяется всем и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и каменья, к чему каждый толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому подобным иждивению востребует”.

– Да, господин лантрат, не к нам ли государь обращается, призывая искать, копать во всех местах. А возможности у нас, ох какие...

– Согласен, капитан. Места нетронутые, возможности неограниченные. И не нам ли их испробовать? Впереди – цель. Большая цель. Интересы дела, интересы отечества...

Оказалось, что Берг-привилегия соединила их личные цели и интересы, интересы людей пытливых, романтиков, с интересами служебными, подтолкнула к совместным поискам угля и руд, что так необходимо было и солепромыслу для процветания его деятельности. Им не раз приходилось слышать от тех, кто бывал в Англии и Германии, что в кузницах тех стран жгут земляное уголье, которое имеется в тех землях. Да и в Россию привозят то уголье для кузниц адмиралтейства. Рассуждая об этом, они не исклю-

чали, что и в недрах Донецкого края могут быть запасы угля и руд.

Команда Вепрейского и Чиркова взяла направление на юго-восток от Бахмута. О цели поездки можно было судить по инструментам, лежавшим на повозках, — поиск полезных ископаемых. Часа через три достигли речки Лугани. Здесь, в самых верховьях, она была мелководной, особенно это было заметно теперь, в начале сентября, когда за лето выпали считанные дожди. Переехали вброд. Дальше решили идти по балке Скелеватой, которая начиналась слева. На дне балки протекала небольшая речка, скорее похожая на ручей. От впадения ее в Лугань и начали осмотр, постепенно продвигаясь вверх по течению. Не прошли и двух-трех верст, как в глаза бросился глубокий разрез горы, образовавшийся в результате многолетнего воздействия воды. Слово в слоеном пироге, здесь обнажались многие пласты земли. Четко выделялся верхний слой — чернозем, густо пронизанный корнями кустарников и трав. За ним шла глина, местами кропленая галькой и гравием, потом песчаник... А еще ниже чернел сравнительно тонкий, примерно с аршин, пласт незнакомого минерала. Что бы это могло быть? Вепрейский с Чирковым переглянулись. Каждого из них охватило радостное предчувствие, ожидание чего-то доброго, важного.

— Не то ли и есть, что мы ищем, — взглянув на спутников, вслух подумал Семен Чирков. Он взял кирку, с размаху ударил по выступу пласта. Кристаллы черного минерала со звоном брызнули на землю, в рядом текущий ручеек. Вепрейский и Чирков бросились подбирать их. На помощь пришли и стоявшие неподалеку работные люди. Все стали рассматривать подобранные осколки. Кое-кто пытался растереть их в пальцах. Но кристаллы оказались слишком крепкими для этого. Другие черные, блестящие кристаллики пробовали на зуб, нюхали.

— Уголье... Земляное уголье, — с восторгом произнес, наконец, Никита Вепрейский, держа в вытянутой руке взятую им черную грудку и показывая ее всем присутствующим.

— Оно самое, господин лантрат, — согласился капитан Чирков, принимаясь. — Запах тот самый. Как сейчас помню. В Петербурге кузнец-иноземец подковы делал, ковал полковых лошадей на аглицком угле. Я нюхал. И по виду такой же. Сомнений нет.

Разожгли костер. Положили в огонь несколько черных грудок. Все стали с интересом наблюдать, как пламя охватывает, лижет гладкие края кристаллов, как, раскалившись, они начинают гореть, издавая сильный жар и своеобразный запах. Одну грудку вынули из огня. Она и теперь продолжала тлеть, распространяя жар.

— Горючь-камень. Хорош минерал, — похвалили рабочие и тут же присту-

пили к работе: очищали пласт от земли, окапывали его со всех сторон, потом стали ломать уголь и укладывать его на повозку.

Результаты поисков угля и руд вскоре стали известны далеко за пределами Бахмутской провинции. В конце 1721 года образцы найденных полезных ископаемых Вепрейский и Чирков отправили в Петербург, в Камор-коллегию. Получив из Бахмута три боченка с углем и рудами, в ведомстве были озадачены. Здесь не было своих специалистов, чтобы определить качество присланных минералов и руд. В начале января 1722 года Камор-коллегия переслала доставленную из Бахмута посылку в государственную Берг-коллегию — центральное ведомство по управлению горнорудной промышленностью России, где были специалисты и лаборатория по определению качества руд.

Факт этот был официально зарегистрирован в канцелярии Берг-коллегии: „В прошлом 1722 году генваря 20-го дня в Берг-коллегию от президента Камор-коллегии господина Голицына прислано для объявления разных руд для проб в двух боченках да еще в боченке земляного угля, которые де сысканы близ Бахмутских заводов.“²

Зарегистрировать-то уголь зарегистрировали, а вот оценку факту первой находки донецкого каменного угля не дали. Ни Берг-коллегия по горячим следам, ни наши исследователи на почтительном расстоянии. А. А. Зворыкин лишь сухо упомянул об этом и тут же постарался забыть. Авторы же „Истории геологического исследования Донбасса“ совершенно обошли этот важнейший документ.

А между тем открытие каменноугольного месторождения в Бахмутской провинции стало настоящим событием большого масштаба. Довольные успехом, Вепрейский и Чирков вряд ли осознавали тогда всю важность этого события. Для них оно, скорее всего, казалось обычным, рядовым успехом, каких у деятельных людей бывает множество. С позиций же потомков роль открытия первого месторождения угля возрастает многократно. Ведь это бала первая официально зарегистрированная находка каменного угля в Донбассе. Словом, это был первый важный шаг в открытии Донецкого каменноугольного бассейна. Вепрейский и Чирков привезли каменный уголь в Бахмут, испытали его в казенных кузницах. Результат был выше всяких ожиданий. Вначале вместе с древесным, а затем и один, каменный уголь в горне, раздуваемом кузнечными мехами, быстро разгорался, давал сильный жар. Кузнецы были довольны. Радовались, конечно, и лантрат с комендантом. Но их одолевала и другая забота: удачный опыт надо было превратить в широко поставленное дело.

По натуре своей активные, деятельные, Вепрейский и Чирков обратились

в свое ведомство — Камор-коллегию с просьбой прислать людей для разработки найденных залежей каменного угля и дальнейшей разведки недр. И тут их деятельность незаметно для них самих перерастала те границы, которые определяли потребности только Бахмутского солепромысла. Их труд, их заботы отвечали интересам всего отечества. А если заглянуть вперед, то шли они на пользу не только близким, но и далеким потомкам.

Хоть и не так скоро, ведомство все-таки отреагировало на просьбу Бахмутских солеваров. Увеличение доходов, которое сулило применение угля, не было для него безразличным. Из Белгородской провинции в Бахмут стали прибывать первые партии рабочих людей. Увлеченные новым делом Вепрейский и Чирков организовали разработку найденного месторождения, снаряжали все новые и новые команды для поиска полезных ископаемых, ехали с ними сами в разных направлениях: то в Городни буераки и на речку Беленькую, то на речку Красную, а то на Айдар в Рыбинский полк. Искали новые соляные источники, уголь и руды. Формула „ Кто ищет, тот всегда найдет ” была известна еще древним. Поверили в нее и Вепрейский с Чирковым. И были вознаграждены.

На этот раз команда Вепрейского и Чиркова держала направление на Городни буераки и речку Беленькую. По уже знакомому пути переехали Лугань, но не свернули, как прежде, налево, в балку Скелеватую, а поехали прямо и даже взяли чуть-чуть правее. Еле приметная тропа, которая существовала здесь возможно, с незапамятных времен, шла по высокому седому ковылю, буйно волновавшемуся на осеннем ветру. Она медленно подымалась все вверх и вверх, на самую видную возвышенность, которую позже назовут куполом Донецкого кряжа. Верстах в десяти за Луганью впереди увидели высокий серый камень, торчком стоявший на большом кургане.

— Идол, — указал на него Чирков. — Большой идол.

То была половецкая баба. Объезжая Донецкие степи, пробираясь по балкам и оврагам в целях изучения местности для защиты от кочевников, Вепрейский и Чирков во многих местах не раз видели подобные каменные изваяния. Но те были меньших размеров. Эта же выделялась своим ростом, как бы показывая свое превосходство, а может, и власть над остальными.

Подъехав ближе, все остановились, а затем приблизились к старинному памятному знаку, стали осматривать его со всех сторон.

— А идол глядит на юго-восток, туда, где Городни буераки и речка Белинка, — заключил Вепрейский, вглядываясь в не очень выразительное лицо половецкой бабы. — Должно быть, путь нам показывает.

— Надо полагать, всевышний посылает нам хорошее предзнаменование, —

— не то в шутку, не то всерьез поддержал его Семен Чирков. — Есть надежда на удачу нашей экспедиции.

После короткой остановки команда снова продолжила свой путь. Скоро и видимость тропы исчезла. Растительность на возвышенности стала реже. Местами выступали совсем голые серые пятна почвы, лишенные всякой растительности. За многие тысячелетия дожди и вешние воды смыли здесь верхний слой почвы — чернозем. Кое-где обнажился суглинок, в других местах выглядывали серые супески, которые в условиях недостаточной влажности не всегда покрывались растительностью. Когда перевалили многокилометровую возвышенность, на юго-восточном ее склоне, где-то верст на десять, открылась прекрасная панорама местности, представляющая собой естественную, созданную природой картину. Основой ее был продолжающий понижаться разрезанный узкой впадиной на две части, выжженный за лето и пожелтевший холм. В глубине впадины угадывалась речка, окаймленная по обоим берегам зелеными, кое-где уже тронутыми багрянцем, полосами кустарников и деревьев. Местами к речке подступали балки и овраги.

Когда, спустившись с горы, подъехали ближе, в развилке речек увидели Городни буераки. С одной стороны петляла речка Беленькая, с другой, почти под прямым углом впадала в нее речка Чернушина.

Кто и когда назвал эти буераки Городними, не было ведомо ни Вепрейскому, ни Чиркову. Можно было только догадываться, что название это связано со словом город или городище, остатки которого прослеживались недалеко отсюда. Видимо еще в древности существовало здесь поселение, жители которого в примитивных горнах плавил руду, добывая железо. Это верный признак того, что в недрах здесь имеются руды. Татаро-монгольское нашествие смело с лица земли в этих краях все живое. Перестало существовать и это поселение, оставив по себе память в виде городища и названия буераков.

Высокий левый берег речки Беленькой местами был изрезан балками и оврагами. Сложный рельеф местности затруднял продвижение разведчиков недр. Приходилось переезжать с одного берега на другой, обходить крутые выступы каменных холмов, глубокие овраги и балки. По чертежу они видели, что речка Беленькая где-то верст через тридцать-сорок впадает в Лугань. Решили начать обследование от слияния Беленькой и Чернушиной и идти вниз по течению.

Чирков развернул чертеж, сличил его с местностью.

— Городни буераки и речка Беленькая — в 50 верстах от Бахмута, — констатировал он, подводя итог дня.

Преодолено немалое расстояние. Да и день клонился к вечеру. Выпрягли лошадей, напоили их в речке Беленькой, пустили на нетронутую траву, зеленевшую по низинам в пойме речки. Вепрейский отдал команду рабочим нарубить сухостоя, разжечь костер. Предстоял ночлег.

Рано утром все уже были на ногах. С первыми лучами солнца двинули в путь. Осматривали все, что привлекало внимание: разной формы и окраски камни, выступавшие кое-где из-под земли глыбы известняка. В одном месте цвет почвы был бурым. Копнули раз, другой. Ниже почва еще больше отличалась цветом, казалась ржавой. Пришли к выводу: тут явные признаки железной руды. Взяли на пробу в мешок.

Не прошли от того места и полверсты, как под горой по левому берегу речки Беленькой увидели черную породу, смешанную с землей. Стали копать. Сняли наносной слой земли, разложившиеся от времени кристаллы. Внизу, на глубине лишь нескольких штыков, обнажился каменный уголь.

— Я же говорил, господин лантрат, что нас ждет здесь удача, — сказал Семен Чирков, откалывая и извлекая из ямы большую глыбу угля.

— Идол не спроста глядит в эту сторону, на эту гору. Он знает, где хранятся сокровища, — довольный находкой в ответ пошутил Никита Вепрейский.

— Богата наша земля матушка, — с гордостью заметил Чирков. — Где ни копни — везде откроешь клад.

Тем временем работные люди расширяли яму, ломали глыбы каменного угля и складывали его на повозку.

В письме (как тогда говорили, отписке) на имя Петра 1 Вепрейский и Чирков доносили 23 января 1724 года,³ что государственная Камор-коллегия по императорскому указу повелела „прислать из Белгородской провинции в Бахмут к солянному правлению работных людей сколько надлежит.“ Цель определялась четко: „для учинения вновь изысканных земляных угольев и соляных вод пробы.“

Всего в распоряжение Вепрейского и Чиркова для этой цели было прислано 194 человека. Правда, они считали, что этого мало. Особенно недовольны они были тем, что люди присылались мелкими партиями, в разное время и в конце лета — в августе и сентябре. Это не позволило эффективно использовать для разработок угля самое благоприятное летнее время. Но и в этих условиях команда Вепрейского и Чиркова добилась реальных результатов. В названной отписке царю они доносили: „И теми работными людьми оное уголье окапывано в горе по мере: в длину пятнадцать сажен, в вышину десять сажен. И оное земляное уголье употребляетца ныне на Бахмутские соляные заводы в казенные кузницы на латание солеваренных сковород и

на прочие поделки.“

Организовав разработку открытого месторождения каменного угля, Вепрейский и Чирков не удовлетворились этим. Они развернули поиски новых залежей полезных ископаемых в Бахмутской провинции, искали соляные источники и вываривали соль на речке Красной, левом притоке Северского Донца, на речке Беленькой в Рыбинском полку (в бассейне р. Айдара) и в других местах. В реестре в числе посланных из Бахмута образцов полезных ископаемых мы видим уголь и руды из балки Скелеватой, с берегов речки Беленькой, с речек Бахмут и Берека. Реестр, как и отписку царю, подписали Вепрейский и Чирков.

В Москве бахмутский уголь испытал пробирный мастер Вейс. Он дал ему положительную оценку. В журнале Берг-коллегии по этому поводу сохранилась следующая запись: „№4. Черная земля, подобная камню. Взята на той же речке Беленькой — уголь хороший. 4 мая 1724 года.“⁴

На следующий день, 5 мая 1724 года, высокое качество каменного угля, взятого на речке Беленькой, подтвердил и английский угольный мастер Никсон. Он писал: „Показывали мне уголье каменное, которое я опробовал. И оное является изрядное.“⁵ Никсон признавал далее, бахмутский уголь по качеству не уступает лучшему английскому. Это была по тому времени высшая аттестация качества.

Что и говорить, успех Вепрейского и Чиркова на поприще поисков и использования угля был блистательным. Таких результатов в России в то время никто не получал. Они открыли два месторождения каменного угля в Бахмутской провинции — в балке Скелеватой и на речке Беленькой, организовали добычу и практическое применение угля, отправили пробы угля и руд в столицу. Высокое качество бахмутского угля подтвердили специалисты. И все это Вепрейский и Чирков сделали по своей инициативе. Как тут не сказать, что они проявили высокую целеустремленность, настойчивость в достижении цели, последовательность в действиях. Пример, достойный всяческой похвалы и подражания.

4. НА ДОН, В КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ...

Примерно в то же самое время, когда в центре Донбасса, в Бахмутской провинции, Никита Вепрейский и Семен Чирков открыли залежи каменного угля и приступили к их разработке в интересах Бахмутского солепромысла, Берг-коллегия предпринимала настойчивые попытки уточнить данные о наличии каменного угля в восточной части Донбасса — на Дону и правом притоке Северского Донца — речке Кундрючья. Места эти — казачьи городки,

C/881-2

или как их еще называли, Кундрючьи городки на Оленьих горах, и село Белогорье на Дону — часто упоминались в документах того времени. Упоминался в них и Григорий Капустин, российский рудоискатель, дважды совершивший туда поездки.

Что нам известно о тех поездках Григория Капустина? Многие однако не все, что нам бы хотелось. Особенно это касается первой поездки.

О первой поездке Г. Капустина на Дон, в казачьи городки, в архивах нет исчерпывающих документальных данных. Ехал ли Капустин с одной единственной целью как рудоискатель в поисках минералов и руд? Или он выполнял личное поручение руководителя группы рудоискателей Берг-коллегии Василия Лодыгина и попутно искал руды и минералы?

Первое предположение вряд ли можно принять безоговорочно. Если бы Капустин ехал с единственной целью — по заданию Берг-коллегии искать руды и уголь, она непременно должна была оформить эту поездку соответствующими документами. Таких документов нет. Да и сам Капустин о своей первой поездке на Дон, в казачьи городки ни словом не упоминает, хотя повод для этого был. И не один. Первый — когда он пытался отстаивать качество угля, привезенного во время второй поездки. Второй — когда Капустин добивался возврата израсходованных им личных денег, рассказывал о тяжелом материальном положении. Ни в том, ни в другом случае о своей первой поездке он даже не упомянул.

В пользу же второго предположения о том, что Капустин выполнял личное поручение Василия Лодыгина — свидетельствует определение Берг-коллегии о посылке Капустина во вторую поездку от 28 декабря 1722 года. Оно гласит: „... послать из Берг-коллегии... подъячего, который был послан от него, Лодыгина, Григория Капустина...“⁴

Могут возникнуть вопросы: почему Капустин мог послать Лодыгин без Берг-коллегии? И куда, зачем? Объясняется это положением Капустина в то время. Он не состоял в штате рудоискателей. Был, как бы мы теперь сказали, нештатным. Потому и жалования не получал. Престарелый руководитель команды рудознатцев Василий Лодыгин, владевший небольшим металлургическим заводом в степях между Доном и Хопром, нуждался в помощнике. Ведь Лодыгин еще задолго до того времени обнаружил рудные прииски между Доном и Хопром. А в 1708 году вместе с капралом Герасимом Воронцовым на речке Медведице „позади новопостроенного города Осереда в Козловском уезде построил железный завод.“² Вот с каких пор Лодыгину были известны те места. Он был заинтересован, чтобы иметь под рукой такого человека, как Капустин. Нередко он давал ему личные поручения. Так было и в этот раз. На Дон Капустин был послан Лодыгиным, скорее

всего, в личных интересах Лодыгина. Надо иметь в виду, что события происходили в крепостную эпоху.

С кем Капустин ездил в тот раз? Сведения о его спутниках отсутствуют. Вполне допустимо, что ездил он один.

Не очерчено точно и время первой поездки Капустина на Дон. Мы можем установить это лишь в ходе анализа фактов и документов. Известно, что в сентябре 1721 года Капустин еще находился в Устюжне Железнопольской. Поэтому поездка на юг могла состояться не ранее начала 1722 года. Скорее всего она проходила в середине 1722 года, потому что о доставке Капустиным руды из Белогорья на Дон Лодыгин доложил Берг-коллегии только 13 ноября 1722 года.³

Очень важно было знать, что же привез Капустин из первой поездки на Дон? Письменного отчета о той поездке он не представлял. Ведь совершалась она по личному указанию Лодыгина. Перед ним Капустин и отчитался устно. Поэтому и Берг-коллегии о находках докладывал не Капустин, а Лодыгин.

Судя по сообщению Лодыгина в Берг-коллегию 13 ноября 1722 года, Капустин доставил в этот раз серебряную и золотую руды. В приговоре Берг-коллегии по этому поводу сказано: „Берг-коллегия, слушав доношение рудоискателя Лодыгина, согласно приговорила: о руде, которую нашел подъячий Капустин в Воронежской губернии в Острогоржском уезде близ города Середы за черкашным городком Белогородьем по реке Дону. И она руда из Берг-коллегии пробирным мастером Кашнеем Вейсом опробована. По пробе ево явилась, она руда содержит центнер — один золотник серебра и три золотника золота. И из оной руды часть послать в Санкт-Петербург к ассесору Шлаттеру и велеть тое руды опробовать там же... и что по пробе явитца, в Берг-коллегию прислать... свое мнение.“⁴

Данные о привезенной Капустиным руде зафиксированы 1722 годом и в сводной таблице опробованных руд. И. Шлатер и А. Тубер сообщают по просьбе Берг-коллегии, что в руде ничего не содержится.⁵

А как же с углем? В данном случае нас больше всего интересует уголь. Но о нем-то как раз и нет упоминаний ни в приведенном донесении Лодыгина, ни в упомянутой сводной таблице проб. В императорском указе от 27 декабря 1722 года и в приговоре Берг-коллегии, вынесенном днем позже, содержится лишь упоминание о том, что „Лодыгин объявил о каменном угле.“ Какой же отсюда следует вывод? Угля никто не видал, его никто не опробывал. Следовательно, его не было. Капустин в этот раз уголь не привез.

Откуда же стало известно Лодыгину об угле? В документах об этом

ничего не сказано: можно лишь предположить, что об этом ему рассказал Капустин. Тогда возникает новый вопрос: почему же Капустин не привез уголь? Ответ может быть таков: потому, что сам он в тот раз в районе Кундрючьих городков на Оленьих горах в местах залегания угля не был. О наличии в тех краях каменного угля Капустину кто-либо рассказал на Дону. Возможно даже он где-нибудь видел, как каменный уголь использовался в кузницах. И это вполне объяснимо. Капустин вряд ли мог ехать в тот раз в район Кундрючьих городков на Оленьих горах. Во-первых, потому, что он не получал такого задания от Лодыгина. Во-вторых, на такую поездку требовались время и деньги. Ни тем, ни другим Капустин не располагал.

А расстояние от Белогорья и речки Осеред, где был Капустин, до Кундрючьих городков весьма значительное.

Как скажет он позже, на 1722 год ему дали всего три рубля с полтиной на пропитание. И в-третьих, одному ехать в те края в то время было весьма небезопасно. Легко можно было угодить в руки кочевников. Без сопровождения и охраны нельзя было удаляться в леса и степи. Не случайно, когда Берг-коллегия вскоре посылала его туда, для сопровождения и охраны был выделен солдат Никита Столбовой.

Таковы результаты первой поездки Капустина на Дон. Вопрос о посещении им в этот раз Кундрючьих городков остается проблематичным.

Что касается привезенных Капустиным с Дона руд, то они не были новостью. Еще в 1709 году стало известно, что на речке Кундрючья нашли серебряную руду. В те места был послан рудных дел мастер Иоганн Блиер с подъячим приказа рудных дел Иваном Косоговым.⁶

В 1716 году Блиер еще раз ездил на речку Кундрючью. Однако результаты опробования руд были противоречивыми и особых надежд не сулили. Другое дело — каменный уголь.

Мы уже упоминали о том, что президент Камор-коллегии Голицын еще 20 января 1722 года переслал в Берг-коллегию три боченка с образцами полезных ископаемых, привезенных из Бахута — два с рудами и один бочонок земляного угля. Все это было зарегистрировано в журнале Берг-коллегии. Но вот удивительно, никакой реакции со стороны горного ведомства по этому поводу не последовало. Полнейшее безразличие к углю, найденному впервые в истории Донбасса и в России в целом. Чем это объяснить? Тем, что и сами рудознаты еще в глаза не видели каменного угля и потому не смогли оценить первую находку? Или сыграла роль ревность? Ведь уголь нашли не они, штатные рудознаты, а какие-то люди из неизвестного Бахмута, совершенно из другого ведомства.

А вот сведения, полученные о наличии угля на Дону, в казачьих городках, не оставили равнодушной Берг-коллегию. Было доложено и Петру 1. Резуль-

татом был императорский указ от 27 декабря 1722 года. В соответствии с этим указом Берг-коллегия на следующий день, 28 декабря 1722 года, приговорила: „... послать из Берг-коллегии на те места, из которых мест Ладыгин объявил каменное уголье и руду, подъячего, который был посылаем от него, Ладыгина, Григория Капустина и с ним солдата, а именно: на Дон, в казачьи городки близ Кундрючьих городка в Оленьих горах да в Воронежскую губернию близ города Середы под село Белогородье* и велеть ему в тех местах того каменья и руд копать в глубину сажени три и более и, накопав пудов по пяти, привести к Москве на ямских, а ежели ямских нет, на наемных. И чтоб в том копании в тамошних местах ни от кого не токмо б помешания не было, но вспомошение б чинили, о чем к губернатору Измайлову послать указ, а ему, Капустину, дать наказ и указ с прочетом, а в военную коллегию о посылке. . . грамоты послать промеморию. И дать ему для той посылки и скудности его и. в. жалования из Берг-коллегии от расходу пять рублей да на наем работников и подвод десять рублей. Ему же и солдату дать до оных мест две ямские подводы, а от тех мест до Москвы давать им под руды по три подводы. И на те подводы в оба пути выдать прогонные деньги по указу от расходу Берг-коллегии, а при возвращении ему, Капустину, об расходе тех денег подать реэстр с расписками.”⁷

В приведенном документе — ключ к пониманию первой поездки и программа новой, второй экспедиции Капустина в Донбасс. Здесь четко обозначен маршрут, указаны места, где следует взять образцы угля и руд.

Начало второй экспедиции Капустина относится к январю 1723 года. В самом конце 1722 года, 27 декабря, был принят указ о его поездке, а 28 декабря — определение Берг-коллегии. На сборы оставалось несколько дней. Сам Капустин так уточняет начало поездки: „В нынешнем 723 году генваря в день . . . (число не указано) по е. и. в. указу из Берг-коллегии ездил я для выкапывания и взятия каменного уголья и руды в донецкие городки с солдатом Никитой Столбовым. . .”⁸

Поездка была сравнительно недолгой. Через три месяца, с наступлением весны, Капустин вернулся с образцами угля и руд, что и было зафиксировано документально: „1723 год. А сего апреля 11 дня в обер-берг-амт при доношении оной Капустин руды объявил, которых по привозу явилось: уголья каменного — три пуда, камня синего — 35 фунтов, руды признаку серебряной — 30 фунтов, золотой руды — пуд 5 фунтов. Из оных руд послано в Берг-коллегию по 5 фунтов да угля 1 пуд.”⁹

*Нынешнее село Белогорье на Дону в документах Берг-коллегии часто называлось Белогорьдем.

Привезенные Капустиным руды, как и прежде, были опробованы пробирными мастерами в Москве и Петербурге. Но результаты не радовали Капустина. Хотя московский пробирный мастер Вейс подтвердил, что руда взятая в Оленьих горах от города Верхне-Кундрючье в 10 верстах центнер содержит 2 золотника серебра и ползолотника золота, а взятые с реки Дону — два золотника серебра и золотник золота, петербургские пробирные мастера И. Шлаттер и А. Тубер, отрицали какое бы то ни было содержание драгоценных металлов в рудах, привезенных Капустиным.¹⁰

Еще более чувствительный удар получил Капустин в связи с определением качества привезенного им угля.

Распоряжение об опробовании качества угля Берг-коллегия отдала 4 июля 1723 года. В протоколе сказано: „Призвать в Берг-коллегию кузнеца Марка Резра и дать ему для пробы каменного угля, которые сыскал на Донце подъячий Капустин, и велено ему опробовать. И что по пробе явитца, объявить Берг-коллегии письменно.”¹¹

На следующей странице книги писарь занес результат определения качества угля: „. . . Артиллерии иноземец Марко Фрезер сказал: который земляной уголь дан ему опробовать, который взят в Воронежской губернии в донских городках, согласно доношениям, подъячим Капустиным, и он, Фрезер, тот уголь опробовал. И по пробе явилось, что от оною угля действия никакого не показалось. Только оною уголь в огне трещит и только покраснеет, а жару от него никакого нет. И как вынешь из огня, будет черно, как и первой. Разве в том месте буде оное уголье брать, а копать того места глубже. И не будет ли лучше, каков годно голанский уголь, объявил он, мастер Берг-коллегии.”¹²

Это была серьезная неудача Капустина. Тем более, что отрицательное заключение по качеству угля не могло не сказаться на его авторитете как рудоискателя.

Некоторые исследователи деятельности Капустина, в частности А. Зворыкин и Г. Бакулев, в отрицательных заключениях по качеству привезенных Капустиным угля и руд видят козни иностранных специалистов. Конечно, иностранцы бывают разные. Но для выяснения причин требуется прежде всего объективный анализ. Руды, как известно, опробовали Вейс, Шлаттер и Тубер. Все они иностранцы. Но Вейс дал положительное заключение, двое других — отрицательное. Кто из них прав? Если исходить из современных знаний, то ближе к истине были Шлаттер и Тубер, как раз те, кто дал отрица-

* В приведенном документе писарем допущена неточность в написании фамилии мастера. Из подписи, поставленной мастером под документом, видно, что его фамилия Резр (прим. автора)

тельное заключение по рудам.

С углем, однако, дело несколько сложнее. Тут Капустин, видимо, допустил немало просчетов. Указ требовал привезти пудов по пяти. Капустин привез три пуда угля (а руд и того меньше). Почему мало? Не попал на пласт? Брал из незначительных прожилок? Тогда, конечно, качество его будет низким. К тому же брал уголь в двух местах: в районе Кундрючьих городков на Оленьих горах и возле села Белогорья на Дону. Из документов не видно, чтобы уголь везли и испытывали отдельно. Но теперь уже всякому известно, что возле села Белогорья никогда не было хорошего угля.

Пытаясь отстоять качество привезенного им угля, Капустин писал: „А каменного угля взяв и в казачьем городке Быстрианске, и в Туле, и в Москве пробы чинили. Делали кузнецы тем каменным одним угольем топоры и подковы новые. И они, кузнецы, то уголье похваляли и сказывали, что от него великий жар. А в Санк-Петербурге по пробе иноземцы подписались, что будто жару от них нет. Знатно, не сущую пробу чинили”.¹³

Администрация не приняла в расчет это заявление Капустина. Подтверждение же самих кузнецов Капустин не представил. Даже имен их не назвал.

И уж вовсе непростительно, что не воспользовался он тем, что в Москве находился обер-берг-амт — филиал Берг-коллегии, при котором постоянно состоял на службе пробирный мастер Вейс. Судя по словам Капустина, кузнецы в Москве использовали уголь без какого-либо участия со стороны обер-берг-амта. Да и сам Капустин вряд ли лично участвовал в том испытании, о котором он писал.

Отрицательное заключение пробирных и кузнечного мастеров о качестве угля и руд повлияло и на материальное положение Капустина. Ему отказали в выплате вознаграждения по Берг-привилегии. Не был произведен с ним расчет и за поездку. В связи с этим Капустин жаловался: „Так же и за показанную руду золотую, за труд мой ... и по привилегии ничего мне не дали. Да которые деньги и свои издержанные и даванные за прогоны и на наем подвод и работников и тех я по се нижеписанное число не получил. А за рудным промыслом ездю на своем коште осьмой год, а получил в те годы самое малое денежное себе награждение: сего году из Берг-коллегии пять рублей да в прошлых годах три рубля с полтиной. В городах я без жалования пришел во всеконечную скудость и разорение”.¹⁴

Почему так обошлись с Капустиным? Причин тому несколько. Выше уже отмечалось, что Капустин не состоял в штате, а потому и жалованья не получал. Такое неопределенное положение Капустина было выгодно Лодыгину. Он мог использовать его по своему усмотрению, притом, почти не

оплачивая его труд. Понятна и причина, почему Капустину не дали вознаграждения по Берг-привилегии – качество привезенного им угля и руд было низкое.

Задержка с расчетом за поездку тоже вполне объяснима. Всего Капустин получил на поездку 25 рублей 10 копеек, в том числе 20 рублей 10 копеек на наем подвод и рабочих и 5 рублей на пропитание. В эту сумму он не смог уложиться. Перерасходовал 6 рублей 26 алтын 4 деньги, уплатив наемным рабочим из своих сбережений. Чтобы вернуть свои деньги, ему надо было отчитаться перед Берг-коллегией. Вспомним: в конце определения Берг-коллегии о посылке Капустина на Дон, в казачьи городки было сказано: при возвращении Капустину о расходе тех денег подать реестр с расписками. Но расписок-то Капустин и не привез. Отсюда, понятно, и отказ в оплате.

Оказывается, получив деньги за работу, казаки донских городков, как объяснил Капустин, „ без указа войскового атамана не подписав и расписок не дали. И села Белогорья черкасы также без указа полковника Ивана Телешева расписок не дали и сказали, что мы де без указа дать не смеем. Писал и о том, что у него, у Капустина, в городе Павловском *, что на Середи, в канцелярию марта 28 числа доношение подано”.¹⁵

Денежный вопрос Капустина вскоре был благополучно разрешен. Но об этом – ниже. А пока заметим, что намеченный Берг-коллегией маршрут: Петербург – с. Белогорье на Дону – Кундрючьи городки на Оленьих горах и обратно – Капустин строго выдерживал, никуда не отклоняясь.

5. ОШИБКА А. СКАЛЬКОВСКОГО

Поиски каменного угля в Добассе еще с середины прошлого столетия привлекали внимание историков. В „ Записках Одесского общества истории и древностей” в 1844 году была опубликована найденная Н. Мурзакевичем¹ в крепости св. Дмитрия Ростовского (г. Ростов-на-Дону) инструкция Берг-коллегии экспедиции Никсона, которая готовилась отправиться на Дон, в Воронежскую губернию и в село Петрово Ряжского уезда. Первым попытался осмыслить этот документ профессор Новороссийского университета А. Скальковский. Сперва в статье „ Каменноугольная промышленность в Новороссийском крае”, опубликованной в „ Журнале Министерства внутренних дел”² в 1847 году, а затем в книге „ Опыт статистического описания Новороссийского края” он писал:

* Павловск – второе название г. Осереда. Он и теперь известен на Дону как Павловск (прим. автора)

В недавно отысканном указе от 21 сентября 1724 года упоминается уже (по указанию какого-то подьячего Капустина) о нахождении каменного угля в урочище Белогорки на Дону и на Верхней Кундрючьей. Прикинув эти два урочища к настоящей местности каменноугольной области южной России, находим, что первое должно быть на Северском Донце, или близ нынешнего селения Привольного, где и теперь есть сельцо Белогорское; или же немного ниже, вблизи от селения Верхнего, где и теперь с большим успехом добывают каменный уголь рабочие горного ведомства. Другое урочище, речка и селение Кондрючьа...– находится в 20 верстах выше грушевских столь знаменитых теперь антрацитовских разработок и не более 25 верст ниже Екатериновского рудника в Земле Донских казаков.³”

Относительно местоположения Кундрючьих городков у Скальковского трудностей не возникало. Он верно отнес их к речке Кундрючьа, правому притоку Северского Донца (ныне в пределах Ростовской области).

С определением же района, где расположено село Белогорье (Белогорка, как он писал), у А. Скальковского вышла явная неувязка. Он искал Белогорье там, где в то время уже добывали уголь, т.е. в северной части Донбасса, на берегу Северского Донца, совершенно не приняв во внимание прямого указания документа, что Белогорье находится на Дону. Это привело Скальковского в район нынешнего г. Лисичанска, где в то время, когда писал Скальковский, уже существовал населенный пункт с несколько похожим названием – Белогорвка, хотя возник он лишь в 1785 году, много лет спустя после описываемых поисков каменного угля.

Читатель, вероятно, обратил внимание, что Скальковский относительно этого места разведок угля высказал лишь свое предположение. Оно ничем не обосновано, явно ошибочное. Однако многие приняли его за чистую монету, безоговорочно. Из дореволюционных исследователей с этим предположением согласился П. И. Фомин. В книге „ Горная и горнозаводская промышленность юга России,” вышедшей в Харькове в 1915 году, он повторил это ошибочное утверждение Скальковского.

Другие исследователи не могли не заметить ошибку. Ее пытались исправить авторы книги „ Открытие и начало разработки угольных месторождений в России,” подготовленной и изданной в 1949 году под руководством А. А. Зворыкина. Говоря о попытке определить место, где Капустин был открыт каменный уголь, они справедливо заметили, что А. Скальковский и П. Фомин „ допускают неправильное толкование географического положения каменноугольного месторождения, найденного Капустиним в

районе г. Осеред (Павловск) близ села Белогорье, спутав последнее с селом Белогорье, находящимся в районе Бахмута”⁴

Казалось бы, ясно: ошибка исправлена. Но нет. А. Зворыкин и его соавторы проявили непоследовательность в этом вопросе. В конце книги они поместили словарь важнейших имен и терминов, который составил И. И. Каплан. И вот в этом словаре после верного уточнения, что село Белогорье находится близ Середы (ныне Павловск), сделано ничем не обоснованное добавление, будто „ Русские рудознавцы в своих донесениях в Берг-коллегию ссылались и на другое село Белогорье, которое находилось рядом с с. Приволье по р. Белиньке в 60 верстах от Бахмута”. Вполне очевидно, что это утверждение противоречит указанному выше тексту книги. К тому же Каплан допустил новую путаницу, отнеся Приволье и Белогорьку к речке Беленькой, и даже приписал русским рудознавцам слова, которых они никогда не приводили в своих донесениях.

Правда, в последующее издание книги „ Открытие и начало разработки угольных месторождений в России”, вышедшей в 1952 году, словарь Каплана не вошел. Но ошибка осталась в другом разделе, посвященном поискам угля и руд в 40-х годах 18 века. К тому же она перекочевала в книгу Г.Д. Бакулева „ Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна”⁵, не говоря уже о ряде изданий краеведческой литературы.

Ошибке Скальковского полтора столетия. Но и поныне ощущается ее отрицательное влияние. Принятая за истину и размноженная в ряде изданий, она искажает представление о процессе открытия каменного угля в Донбассе, способствует приписке Капустину тех месторождений, которых он никогда не открывал.

Нередко случается, что одна ошибка порождает другую. Некоторые авторы, видимо, подумали: если возможно перенести Белогорье с Дона в район нынешнего Лисичанска, то почему бы заодно и Оленьи горы не перенести сюда с берегов речки Кундрючьей? И вот мы уже читаем в первом томе солидного двухтомного научного труда „ История технического развития угольной промышленности Донбасса” пояснение, которое дается к указу Петра 1 о посылке Капустина на Дон, в казачьи городки на Оленьих горах. Здесь сказано, будто Оленьи горы – территория, на которой ныне расположен Лисичанск.⁶ Вот так, без всяких доказательств. Хотите верить, хотите нет.

Но как же можно этому поверить, если мы уже знакомы с многими документами. А они с полной определенностью говорят, что урочище Оленьи горы находится на берегах речки Кундрючьей. Вот уже знакомая фраза из определения Берг-коллегии о посылке Капустина... на Дон, в

казачьи городки близ Кундрючьей городка в Оленьих горах... Разве не ясно, что Кундрючий городок на Оленьих горах, а рядом, вблизи, другие казачьи городки? А вот что сказано в сводном реестре проб: „ Руда, взятая в Оленьих горах от города Верхне - Кундрючьей в 10 верстах”⁷ Можно ли после столь точных и ясных документов отбирать Оленьи горы у Кундрючьих городков и переносить их к нынешнему Лисичанску?

Приведем еще один красноречивый документ на этот счет. Речь идет об изменении маршрута экспедиции Никсона в 1724 году. „Лейбгвардии унтер-офицеру Маслову и угольному мастеру Никсону с его помощниками на показанные места против именного указа в Воронежскую губернию конечно из Москвы поехать сего мая 21 дня и велел сначала заехать посмотреть земляное уголье в Переславской провинции Рязанского, а потом в Воронежскую губернию на Оленьи горы. И как оные места осмотрены будут, ехать в Бахмутскую провинцию.”⁸ Короче, после осмотра указанных мест на Оленьих горах ехать в Бахмутскую провинцию. Кому после этого еще не ясно, что Оленьи горы находятся за пределами Бахмутской провинции? А местность, где ныне находится Лисичанск, входила в Бахмутскую провинцию. Ее отделяют сотни километров от Оленьих гор.

И пусть не подумает кто-либо, что те холмы и кручи, на которых ныне раскинулся Лисичанск, были безымянными. Нет. Еще в древности народ давал имена всем рекам и речкам, которые он открывал, лесам и озерам, долинам и горам. Иначе невозможно было бы ориентироваться на местности.

Древние документы донесли до нас и название круч, что возвышаются над Северским Донцом в районе нынешнего Лисичанска. У них красивое, поэтическое имя. Еще в семнадцатом-восемнадцатом столетиях они имели название Соколовых или Соколых гор.

В разрядных росписях станичных разъездов на 1644 год – документе, который определял регламент сторожевой пограничной службы Российского государства, – указывалось, что станичники с Белгорода доезжали до речки Белой и устья Айдара и до Соколовых гор. А в грамоте Петра 1 в связи со спорами между донскими казаками и Изюмским полком из-за Бахмутского солепромысла и иных угодий так уточняется местонахождение Соколых гор: „ А те Соколы горы над рекою Донцом ниже речки Бахмута и Жеребца и Красной”. Ниже речки Красной над Донцом – это и есть район нынешнего Лисичанска. Эти кручи – северные отроги Донецкого кряжа носили название Соколых гор.

6. ЭКСПЕДИЦИЯ ЕДЕТ В ДОНБАСС

Неудачи Капустина были очевидны. Их надо было проанализировать, объяснить. Однако некоторые авторы избрали иной путь. Они пытались отнести их за счет недобросовестности иностранных мастеров. А Зворыкин писал: „Поездка Капустина была в значительной степени опорочена иностранцами”¹. Подобных взглядов придерживался и Г. Д. Бакулев, заявляя: „Открытия Капустина, имевшие громадное народнохозяйственное значение, которое понимал и Петр 1, были скомпрометированы”. И через несколько строк продолжал: „...Указанные выше отрицательные заключения известных мастеров и считавшегося большим знатоком кузнечного дела Марко Реэра подорвали авторитет Капустина в глазах царя. Петр распорядился произвести повторные исследования открытых Капустиным угольных месторождений...пригласив для этого „угольных мастеров из-за границы”².

Тут явная попытка со стороны Г. Бакулева подогнать факты под задуманную схему. Но факты, как говорят, вещь упрямая. Они сопротивляются. Вот они.

Факт первый. Петр Первый писал вице-адмиралу Гордону 21 января 1723 года. В письме сказано: „Зело нам нужно, чтобы ты из Англии или Шкоции выписал двух человек, которые знают находить уголья каменные по приметам сверху земли, и чтобы были искусны в своем мастерстве, о чем приложи свой труд”³.

Факт второй. Капустин вернулся из второй поездки только в начале апреля 1723 года.⁴

Факт третий. Распоряжение кузнечному мастеру Марку Фрезру опробовать уголь, привезенный Капустиным, было отдано 4 июля 1723 года.⁵

Сопоставим даты. И что же на деле получается? Когда Петр 1 решил пригласить иностранных угольных мастеров, Капустин только приступил к поиску угля. Еще не было известно не только о качестве угля, но и о том, привезет ли его Капустин. А из первой поездки Капустин угля, как известно не привез. Так что ссылку на козны иностранных специалистов нельзя принять всерьез.

Вернее полагать, что мотивы для приглашения иностранных специалистов у Петра 1 были иные, более серьезные, а подход государственный.

Петр хорошо знал своих специалистов и надо думать, по заслугам ценил их. Встает, однако, вопрос: были ли в ту пору в России свои специалисты угольного дела? Вы скажете: откуда им взяться? И будете правы. Ведь в стране не было еще ни добычи угля, ни знаний о залегании и поисках его. Соответствующие знания и опыт могли быть там, где уголь уже добывался

и нашел применение в промышленных масштабах. И вполне естественно и закономерно, что Петр 1 прибег к использованию иностранного опыта. Это никого не могло унижить, в том числе и Капустина.

Как известно, Капустин был рудоискателем-самоучкой. На поисках руд он, как говорят, чуть-чуть набил руку, с годами приобрел в этом деле некоторый опыт, хотя и тут особого успеха не добился. А поиски угля для него были делом совсем новым, незнакомым. Это мы видим и по результатам его поездок на Дон, в Кундрючьи городки.

Пока в Англии шли поиски специалистов угольного дела, в Петербурге появился немец Ронталлер, знакомый с методами поиска полезных ископаемых. Петр 1 решил сразу же включить его в дело. 11 сентября 1723 года, будучи в доме президента Берг-коллегии Якова Брюса, он подписал указ о посылке нарочных на Дон и Днепр для поисков каменного угля и руд. В соответствии с императорским указом Берг-коллегия решила вместе с Ронталлером в казачьи городки на Оленьих горах и в с.Белогорье послать и Капустина.⁶

Однако план этот вскоре существенно изменился. Дело в том, что в начале ноября 1723 года из Англии приехали приглашенные вице-адмиралом Гордоном угольные специалисты – мелкий шахтовладелец Георг Никсон и четыре его помощника.⁷ В связи с этим решено было сформировать две экспедиции. Одну во главе с Ронталлером послать на Днепр. Второй, которую возглавил английский мастер Никсон, предписывалось начать работы под Москвой, где в районе Андреевского монастыря были обнаружены признаки серебряной руды. Затем путь лежал на Дон, в Кундрючьи городки на Оленьих горах да под село Белогорье. А оттуда она должна была возвратиться в село Петрово на Рязанщине, где обнаружились признаки каменного угля. В состав экспедиции Никсона включили Капустина. В его задачу входило показать те места, где он брал уголь и руды, чтобы экспедиция могла более детально их исследовать.⁸

В ходе подготовки к экспедиции был решен и финансовый вопрос Капустина, по поводу чего он не раз обращался по начальству. 31 декабря 1723 года Берг-коллегия заслушала донесение Капустина о награждении его за поиски руд. Но делу было дана иное направление. Капустин был повышен в чине. Он был подъячим, а стал подканцеляристом. В решении Берг-коллегии было сказано: „Для посылки его с угольными мастерами ныне, так и впредь для происку рудных мест и для описи быть ему подканцеляристом.”⁹

Соответственно чину устанавливалось и жалование Капустину. Рудоискатели получали тогда по 12 рублей в год. Капустин же до этого был

нештатным рудоискателем, поэтому жалования не получал. Теперь он становился на голову выше других рудоискателей как по чину, так и по жалованию. В решении Берг-коллегии говорилось: „ Жалования учинить ему оклад против 1715 года денег по осьмнадцати рублев, хлеба и муки к выдаче по двадцати юфтей и выдать ему оное на нынешний 723 - год с приездом его в Санкт-Петербург, а именно, июня с 4 числа сего 1723 года”.

Берг-коллегия думала о будущем, смотрела вперед. Поэтому Капустину предписывалось не терять зря времени, во время предстоящей экспедиции обучаться с прилежанием у иностранных специалистов „ как буровами вертеть, руд сыскивать”. После обучения обещали ему, что „ произведен будет чином и жалованием награжден против горных слугителей”.

Не трудно заметить, что чин подканцеляриста и повышенное жалование даны были Капустину не только, а может быть, не столько за результаты в поисках руд и угля. Несомненно, учитывалась перспектива. Берг-коллегия надеялась, что, переняв у иноземных мастеров опыт и знания, Капустин станет первым подготовленным отечественным специалистом по разведке угольных месторождений.

Все это было для Капустина неожиданным и в то же время приятным.

Он, конечно, воспрял духом, приободрился. Вскоре, однако, доброе душевное настроение его снова было омрачено. На него неожиданно навалилась новая неприятность. В январе 1724 года он был арестован.¹⁰ Причина, по нашему времени, пустячная. Несколько лет тому назад, находясь в Устюжне Железнопольской, Капустин взял жалобу для доставки в Петербург. Отдал он эту жалобу Лодыгину, своему непосредственному начальнику, обещавшему передать ее по назначению. Но случилось так, что Лодыгин вскоре умер. И Капустина обвинили, будто он утаил жалобу.

Пока шло следствие, Капустин находился под арестом, что сказалось на его положении в экспедиции. Хозяйственно-финансовые функции, которые вначале на него возлагались, были переданы унтер-офицеру Маслову. Со временем, однако, все прояснилось. Следствие закончилось, обвинения с Капустина были сняты. Вместе с другими членами экспедиции он отправился в путь. Не были только возвращены ему первоначальные функции в экспедиции. Они остались за Масловым.

Здесь есть необходимость внимательно проследить изменение маршрута экспедиции Никсона. Первоначально он предусматривал обследование следующих районов:

1. Местности под Андреевским монастырем в Москве на серебряную руду;

2. „Ехать. . . в Воронежскую губернию в казачьи городки на Оленьих горах и в село Белогорье на Осеред и осмотреть те места, в которых есть каменное уголье и руды по указанию Григория Капустина. . .”

3. Из Воронежской губернии ехать в село Петрово на Рязанщине, где были обнаружены признаки каменного угля.

Обратим внимание на второй пункт маршрута. В нем указаны те места, где побывал Капустин – с. Белогорье на Дону и казачьи городки на Оленьих горах.¹¹ Бахмутская провинция в маршруте отсутствует. Это еще одно бесспорное доказательство того, что в Бахмутской провинции Капустин не бывал.

Маршрут этот составлялся до появления отписки Вепрейского и Чиркова. Когда экспедиция уже была в Москве, в Берг-коллегию из Камор-коллегии переслали отписку управляющего Бахмутским солепромыслом Никиты Вепрейского и капитана Семена Чиркова, адресованную Петру Первому. В ней содержались важнейшие сведения – о разработке каменного угля в Бахмутской провинции, о новых образцах угля и руд. В связи с этими сведениями в утвержденный маршрут Берг-коллегия вносит изменение. Устанавливается иная последовательность посещения тех районов, которые были намечены в первом варианте маршрута. Предусматривается уже поездка в Бахмутскую провинцию.¹²

Вот как выглядит новый маршрут экспедиции Никсона: Москва – с. Петрово на Рязанщине – с. Белогорье на Дону – казачьи городки на Оленьих горах – Бахмутская провинция. Подчеркнем: последний этап маршрута Бахмутская провинция – совершенно не знаком Капустину.

В состав экспедиции входило 12 человек. И не случайно ее иногда называют большой экспедицией. Кроме Никсона, в нее входили четыре его помощника, привезенных им из Англии, унтер-офицер Андрей Маслов – главный администратор, ведавший хозяйственными и финансовыми делами, Григорий Капустин, два лабораторных ученика – Иван Бекетов и Яков Власов, два солдата – Иван Баженов и Андрей Чеботарев и толмач (переводчик) Денис Джонсон. В состав экспедиции намечалось включить и копейца Федора Ахманова, но в дальнейшем имя его в документах среди членов экспедиции не встречается. Поэтому нет уверенности, что он поехал.

Как видно из перечня, экспедиция по своему составу была разношерстной. Она не отличалась единством взглядов и интересов. И это сразу же дало о себе знать. С первых шагов в экспедиции обнаружились противоречия по двум линиям: 1. Между Никсоном и его помощниками; 2. Между Никсоном с одной стороны и Масловым и Капустиным с другой.

Никсон был человеком расчетливым и жадным. Еще при заключении контракта он оговорил условия, по которым сам будет получать жалование на своих помощников и выплачивать им. Наша же сторона вовремя не разглядела в этом тайного умысла Никсона. А он вскоре вылез наружу. Надо сказать, что деньги им по тому времени платили огромные. Никсон получал по шесть фунтов стерлингов в неделю (24 рубля), его помощники — по 1 фунту стерлингов в неделю (по 4 рубля на человека). Получая на своих помощников деньги, Никсон присваивал часть их жалованья, а самих понуждал прислуживать ему. На этой почве начались взаимные упреки, жалобы. Дело дошло до драк. Помощники Никсона отказались работать с ним. Берг-коллегия вынуждена была вскоре отозвать их.

Уже возле села Петрово на Рязанщине в ходе обследования угольного месторождения обострились противоречия и по второй линии. Получая огромные деньги повремененно, Никсон не был заинтересован в скором получении результатов исследования недр. Он медлил, тянул время. Этим были недовольны Маслов и Капустин. Да и с методами работы Никсона они не всегда были согласны. В своих письмах в Берг-коллегию и в Московский обер-берг-амт они не раз сообщали о нарушении Никсоном инструкции. 4 августа 1724 года Капустин писал Аврамову: „... мастер Егорий Никсон на руде идет все копкою вглубь сажени по три и по четыре, а инструментами не идет. И ему сержант и мы станем говорить, чтоб шел инструментами, а он лишь бранитца и говорит: я де как хочу, так и делаю...“¹³

Но вот из села Петрово экспедиция выехала. К концу 1724 года она достигла села Белогорья на Дону, приступила к работе. Однако ожидания и здесь не оправдались. Результаты были неутешительными. 4 декабря 1724 года Никсон доносил: „Ныне проб не имею прислать, понеже вверх горы, которую Григорий показал, буровами вертели, но ничего не нашли, а вертели в той горе семь сажен“.¹⁴

Об этом же в сущности, сообщал Никсон и в своем итоговом рапорте 25 мая 1725 года. Он писал: „В Белом городе буравил я на четырех местах, и тамо лежат уголья в разных местах розсыпаны. И никакой надежды до оных не имеется“.¹⁵ Выходит, что в Белогорье, в тех местах, где показал Капустин, угля не оказалось. Это был еще один удар по рудоискателю Капустину. Теперь уже последний.

Село Белогорье (в документах его часто называют Белогородьем, а Никсон писал — Белый город) оказалось важным поворотным пунктом в деятельности экспедиции Никсона. Существенно сократился и обновился ее состав, были внесены изменения в ее маршрут. Трое англичан, помощников Никсона, не желавших с ним работать, под присмотром солдата Баженова

были отправлены в Москву, а оттуда — в Петербург. Четвертый англичанин уехал в Москву с жалобой на Никсона еще раньше. Был отозван из экспедиции и унтер-офицер Андрей Маслов, не сумевший обеспечить четкую работу и порядок в экспедиции. Вместо него 6 декабря 1724 года прибыли сержанты Иван Телепнев и Алексей Межаев. Выбывал и еще один член экспедиции. Это был Г. Капустин. Но об этом чуть ниже.

Важное изменение было внесено здесь и в маршрут экспедиции. Из Белогорья, не заезжая в Кундрючьи городки, она отправилась в Бахмутскую провинцию. По этому поводу Никсон писал 7 декабря 1724 года вице-адмиралу Гордону: „Вчерашнего дня прибыли сюда два человека (имелись в виду сержанты Телепнев и Межаев — В.П.) из коллегии... Оным людям велено со мною (ехать) в Бахмут для сыскания уголья отсюда 400 верст. И ежели там хороши уголья найду, оные пришло. Те ж последние люди сказали, что мне повелено от Бахмута в Петровское возвратитца“.¹⁶

Из приведенного документа видно, что Кундрючьи городки на Оленьих горах из маршрута экспедиции Никсона были вовсе исключены. Естественно, возникает вопрос: почему Берг-коллегия внесла такие изменения в маршрут — ехать в Бахмут, не обследовав район Кундрючских городков? В наличии каменного угля в Бахмутской провинции Берг-коллегия была уверена твердо. Образцы его дважды доставлялись в столицу и показали при испытании высокие результаты. Вепрейский и Чирков организовали добычу угля, использовали его в Бахмутских казенных кузницах. А что было известно об угле в Кундрючских городках? Почти ничего. Полная неопределенность. В первую поездку Капустин угля не привез. Во вторую привез три пуда, да качество его специалисты не подтвердили. Можно ли в таком случае быть уверенным в положительных результатах поездки?

Но прежде надо было посмотреть у села Белогорье. Посмотрели. Угля не нашли. Надежды на обещанный Капустиным уголь не оправдались. Это усилило недоверие и к Кундрючским городкам на Оленьих горах. В этих условиях Телепнев и Межаев передали команду Никсону ехать в Бахмутскую провинцию.

В документах не указано, по какой дороге экспедиция ехала в Бахмут: через Валуйки и Тор, или другим, более прямым путем добирались. Никсон 7 января 1725 года из Бахмута писал в Берг-коллегию: „Прибыл я сюда в прошлом 1724 году, а отсюда отвез меня шляхтич да сержант* 60 верст, где греб уголье буровом, которые, уголья, лежат в толщину 45 дюймов и

* Имеются ввиду Н. Вепрейский и сержант Телепнев.

под горой. Однако оные угля никакого прямого распространения не имеют. По тому месту на стороне реки еще 39 футов бурил и также там уголье нашел, под которым лежит крепкий камень. Оные угля не такие добрые (как те), которые мне смотреть показаны, которые будто от Бахмута взяты. Может быть, что оные под горою долго будут, ибо фундамент на горе имеет вид хороший и, как я чаю, то оные угля лежат тому фундаменту и долго протянутся. Я надеюсь, что здесь можно добрый угольный завод завести”.

Никсон далее сообщает: „И есть еще два другие места, одно расстоянием отсюда 3 версты, а другое — одна верста, которые также угольные признаки имеют. И отсюда поехал я на Скелеватое, 25 верст от Бахмута, и нашел новые угля, но там уже все угля, которые можно было, что позволяла вода, забраны были. И кажется мне, что угля под водой есть...”

Сообщая затем, что уголь есть и в других местах в балке Скелеватой, притом хорошего качества, ссылаясь на трудности вести исследование недр зимой. Никсон совершенно справедливо замечает, что лучше эту работу делать летом. Ведь исследования проводили в дикой, безжизненной степи, где и обогреться негде, не то чтобы переночевать. И Никсон сообщает о своем несчастье, „...Я при угле,— пишет он, — великое несчастье принял. Когда ночью при огне лежал, то ветер и пламя на меня дули, и оттого я руку и локоть сжег. Поэтому я сильную болезнь терплю. И без сомнения сгорел бы весь, если бы в ту пору спал”.

Естественно, что экспедиции пришлось действовать в условиях постоянной опасности со стороны татар и ногайцев. В связи с этим Никсон пишет:

„Также надобно на обоих местах (имеется ввиду речка Беленькая и балка Скелеватая — В.П.) конвои при себе иметь, понеже одну сторону турецкая, а по другую татарская границы лежат”.

Пишет Никсон и о той поспешности, с которой его стремились отсюда отправить снова в село Петрово на Рязанщину: „Я у шляхтича и у солдатов требовал, чтоб здесь помешкать, пока б погода переменилась. Лучше б можно опыт учинить. Но они сказали, что приказ имеют меня тотчас в село Петрово привезти”.

Никита Вепрейский и Семен Чирков могли быть вполне довольными. Доброе дело их получило солидную поддержку. Экспедиция подтвердила открытые ими месторождения каменного угля на речке Беленькой и в балке Скелеватой.

Очень важным был и оптимистический прогноз Никсона относительно промышленной разработки угля — высказанная надежда, что здесь можно добрый угольный завод завести.

7. ГДЕ Ж ТЫ, РЕЧКА БЕЛЕНКА?

Речка Беленка. Это простое и нежное географическое название часто встречается в документах Берг-коллегии. На берегах Беленькой брали уголь Вепрейский и Чирков. Отсюда они присылали пробы угля в столицу. На речке Беленькой побывала экспедиция Никсона. Правда, в донесении из Бахмута он не назвал речку по имени. Зато восполнив этот пробел в итоговом донесении, написанном 25 мая 1725 года, Никсон писал: „При речке Беленка нашел я уголь. . .”¹ Словом, с речкой Беленькой, как и с Балкой Скелеватой, связано открытие Вепрейским и Чирковым каменного угля в Донбассе. И нам надо знать ее. Знать не ради любопытства. Для доброй памяти людей, живущих ныне, и тех, кто будет жить после нас.

Итак, где ж та речка Беленка? Где ее начало? Где ее конец?

Ответить на этот вопрос оказалось не так просто, хотя расстояние от нее до Бахмута неоднократно указывалось в документах — 50-60 верст. Делал такую попытку и профессор А.А.Зворыкин. В книге „Открытие и начало разработки угольных месторождений в России”, подготовленной под его руководством и вышедшей в 1952 году, он писал: „Судя по донесениям, первые разведки были проведены в 60 верстах от Бахмута близ речки Белинки, северо-восточнее (по-видимому, в районе сел Белогорья-Привольного, о которых упоминалось в вышеуказанной статье А.Скальковского). Тут был обнаружен пласт угля мощностью в 45 дюймов (1,14 м)...”²

Вы чувствуете, как цепко держит Зворыкина ошибка А.Скальковского? Только что им раскритикованная, казалось, отвергнутая, она снова тянет его в сторону с торной дороги. А чтобы казаться более убедительным, свое предположение Зворыкин решил подкрепить словами: „северо-восточнее”. Дал направление: ищите-мол речку Беленькую в северо-восточном направлении от Бахмута.

Поданные в контексте с фразой из документа слова „северо-восточнее”, воспринимались читателем как документальные. Они уводили его в неверном направлении. И многие поверили, будто речь шла о речке Верхней Беленькой. Не было исключением и автор этих строк. Однако при углубленном изучении архивных документов стало очевидным, что ни в одном из них направление от Бахмута в сторону речки Беленка не указано. Возникли вопросы для размышления.

На чем основывалось предположение Зворыкина? Основной притягательной силой здесь, как в свое время и для Скальковского, явилось, конечно, урочище Лисья балка, где в 1795 году на земле крестьян села Верхнее (третья Рота) была заложена первая шахта Донбасса и возник

город Лисичанск. В связи с промышленной разработкой каменного угля район этот стал широко-известным. Поэтому при определении места открытия угля на вопрос „Где?“ само собой, инстинктивно возникало предположение: „а не здесь ли?“ А поскольку ни Скальковский, ни Зворыкин, как и многие другие, не были конкретно знакомы с местностью, о которой писали, их рассуждения дальше этого района не шли. Тем более, что и подкреплялось это предположение, казалось на первый взгляд, неоспоримым фактом: угольное месторождение в Лисьей балке находилось недалеко от речки Верхней Беленькой.

Посмотрим, однако, достаточно ли этих данных, чтобы согласиться с предположением Зворыкина? Конечно, нет. Лисья балка хоть и недалеко от речки Верхней Беленькой, всего в шести километрах, но она все-таки ближе к Северскому Донцу. На самом ее берегу. И если бы Вепрейский и Чирков брали уголь здесь, если бы здесь побывала экспедиция Никсона, в своих донесениях они обязательно указали бы Северский Донец. Такой ориентир не мог бы остаться незамеченным ими. Да и села Боровское и Краснянка, стоящие на противоположном, левом берегу реки, почти рядом, и хорошо просматривавшиеся с горы, не могли остаться незамеченным ими. Однако они тоже в документах в связи с поисками угля не упоминаются.

Вывод можно сделать только один: в упомянутых документах речь шла о какой-то другой речке с названием Беленка. Тем более, что в пределах Бахмутской провинции, которая включала в себя значительную часть современных Донецкой и Луганской областей, протекала не одна речка с таким названием. На расстоянии двух десятков километров одна от другой текут Верхняя и Нижняя Беленькие, впадая в Северский Донец. К тому же отличающие их определения „Верхняя“ и „Нижняя“ на планах и картах той поры не всегда указывались. Еще одна речка Беленькая впадает в Казенный Торец. В своей отписке Вепрейский и Чирков называли речку Беленькую в Рыбинском полку, где они вываривали соль. Она относилась к бассейну р. Айдар. Есть и речка Белая, впадающая в Лугань. На которой из них впервые был открыт каменный уголь?

Ответ на этот вопрос дают документы, выявленные автором этих строк в Центральном государственном архиве древних актов СССР. Прежде всего это план под названием „Городни буяраки, речка Белинка от города Бахмута 50 верст“.³ Уже само название речки и расстояние от Бахмута наводят на мысль о связи этого документа с местностью, о которой сообщали бахмутские солевары и Никсон. На плане показано верхнее течение речки Белинка и впадающая в нее речка Чернушина.

Но тут возникла одна загадка. Из современных карт и планов, из реального положения на местности мы знаем, что речка Чернушина (Чернуха) берет начало недалеко от г. Дебальцево и впадает возле села Малоивановка Перевальского района Луганской области в речку Белую, приток Лугани. На найденном же древнем плане показано, что Чернушина впадает в р. Белинку. Разрешить эту загадку помог другой план, обнаруженный в том же архиве автором. Он носит короткое название „Бахмутский дистрикт“.⁴

Из этого плана видно, что речка, впадающая в Лугань и носящая ныне название Белой, в начале 18 века называлась Беленка. Писали ее и через „е“ и через „и“. Но всегда с кратким окончанием. Вот и на плане „Бахмутский дистрикт“ нынешние Верхняя и Нижняя Беленькие обозначены каждая одним словом „Беленка“. Без мягкого знака, без определения „Верхняя“ или „Нижняя“, с полным окончанием – „ая“.

Интересующая нас современная речка Белая, приток Лугани, обозначена на плане как „Беленка“, с кратким окончанием и через „е“, хотя в заголовке плана этой речки она написана через „и“ – речка Белинка.

На плане „Бахмутский дистрикт“ обозначены и Городни буяраки. Они расположены в развилке между реками Беленкой и Чернушиной, при их слиянии.

Имея в руках копии древних планов, нам хотелось сличить их с местностью, увидеть все своими глазами. И вот мы едем по той дороге, которую почти три столетия тому назад торили Вепрейский и Чирков со своими помощниками – работными людьми и солдатами. Ознакомившись с балкой Скелеватой, поговорив с местными жителями, мы едем через Дебальцево в Луганскую область. Поравнявшись с шахтерским городком Зоринском, машина круто поворачивает направо. Несколько километров – и мы спустились с горы в село Малоивановке Перевальского района. Село лежит в узкой долине речки Белой (в прошлом Беленькой) у слияния ее с Чернушиной.

Стоим на мосту. Смотрим на речку, которую так долго искали. Вот она, оказывается, какая речка Белинка! Все в ней – и очертания берегов, и изгибы, и естественный фон – неповторимы. И в то же время она чем-то похожа на все другие речки Донбасса. А в развилке между речками виднеются балки, густо поросшие кустарником – это и есть Городни буяраки.

В летнее время речка здесь немногочисленна. Местами превращается в ручеек. Видимо, значительно обмелела она с тех пор как искали здесь уголь. Тогда, в двадцатые годы и даже в середине 18 века была дикая,

неосвоенная степь. Только во второй половине 18 века здесь возникли первые поселения.

Километра на четыре ниже Малоивановки, по обоим берегам Белой (Беленькой) раскинулся поселок Ящиково. Мы сличаем план с местностью. Именно в этих местах, как и в балке Скелеватой, впервые в Донбассе было открыто месторождение каменного угля. Но поселения тогда здесь еще не было. На плане показаны старинные горны, шурфы, ров. Время, к сожалению, стерло их следы. Там, где показаны старинный ров и цепочка шурфов по правому берегу речки, теперь дворы жителей поселка. Шурфами № 18 и 20 по левому берегу показан каменный уголь. Добывать его стали не скоро.

В начале 30-х годов 19 века здесь было уже известно пять угольных пластов. Один из них начали разрабатывать еще в 1795 году. Это была небольшая примитивная частная шахта, просуществовавшая совсем недолго. Километрах в двух от поселка Ящиково на горе видны теперь остатки старой шахты, заложенной в 1911 году.

Ее знали здесь под номером одиннадцать. Она уже выработана. Теперь ближайшая к поселку шахта — „Украина“. Один из ее участков действует вблизи поселка Ящиково, где и работают ныне многие местные жители.

В конце 18 — начале 19 веков рядом с с. Ящиково располагалась д. Михайловская. В экономических примечаниях, составленных в период генерального межевания, об этих населенных пунктах сказано следующее.

„Сельцо Ящиково, дворов 46, жителей мужск. пола 184, ж. п. — 180, деревня Михайловская, дворов 18, жителей м. п. — 20, ж. п. — 16.

Сельцо р. Белой на левой и по обе стороны оврага Ящикова. Дом господский деревянный. При оном овраге винокуренный завод деревянный, а на речке каменная мукомольная мельница о трех поставах с толчеей и сукновальной, действующая во весь год, кроме полой воды.

Деревня Михайловская при овраге Ящикове и отвершке безымянном. Дача речки Белой на левой стороне речки Долганькой, многих оврагов и отвершков.

Речка Белая в летне время шириною в пять сажений, глубиною до осьми вершков. В ней рыба — головли, щуки, окуни, плотва и пескари. Земля чернозем, местами каменистая. Из посева лучше родит рожь, пшеница, просо, ячмень, овес, горох...

Крестьяне на помещицьем издеии промышляют хлебопашеством, женщины занимаются полевой работой и домашним рукоделием”.

С. Ящиково и д. Михайловская в ту пору принадлежали наследникам помещика Штерича.

Знакомясь с этими интересными местами, оставившими заметный след в истории Донбасса, прослеживая связь современного с прошлым, как-то по особому ярко, будто с подсветкой изнутри, из глубины времен, видишь, ощущаешь полноту настоящего.

8. ПОЧЕМУ КАПУСТИН НЕ ПОЕХАЛ В БАХМУТ?

Выше уже было сказано, что в Белогорье из состава экспедиции Никсона вместе с другими выбыл и Григорий Капустин. Почему же он не поехал в Бахмут?

Чтобы уяснить это, необходимо напомнить кое-какие моменты из его прежней деятельности, связанной с поисками каменного угля. Капустин дважды ездил на Дон. Первый раз он угля не привез. Со второй поездки хоть и был привезен уголь, но оказался он низкого качества.

Вспомним теперь, что в состав экспедиции Никсона Капустин включался с задачей — показать те места, где он брал уголь в селе Белогорье на Дону и в Кундрючьих городках на Оленьих горах. До с. Белогорья Капустин в экспедиции проявлял некоторую активность. По архивным документам его деятельность прослеживается в селе Петрово на Рязанщине. Несколько раз упоминает по разным поводам имя Капустина в своих письмах и донесениях в Берг-коллегию Никсон. 4 декабря 1724 года, как известно, Никсон сообщал, что „вверх горы, которую Григорий показал, буровыми вертели, но ничего не нашли“. Следовательно, данные Капустина о наличии каменного угля в районе села Белогорья не подтвердились.

Мы уже знаем, как это сказалоь на дальнейшей деятельности экспедиции. Она не поехала в Кундрючьих городки на Оленьих горах. В этом факте просматривается недоверие к сведениям Капустина. Экспедиция берет направление на Бахмут. Что же остается делать Капустину? Ехать с экспедицией в Бахмут? Зачем? Он мог показать только те места, где он бывал раньше и брал уголь. В Бахмутской же провинции он раньше никогда не был. Поэтому показать там ничего не мог. Вся его деятельность в Донбассе раньше ограничивалась Кундрючьими городками. И как только экспедиция из Белогорья решила повернуть на Бахмут, функции Капустина в экспедиции оказались исчерпанными. Он оказался не у дел. И ему не оставалось ничего другого, как вместе с Андреем Масловым возвращаться в Москву, а затем в Петербург.

Это подтверждает и Никсон. В его донесении из Бахмута от 7 января 1725 года есть слова, в которые следует вчитаться особенно внимательно.

Никсон пишет: „А он, которому надлежало показать уголье, то здесь не обретаецца”.¹ О ком здесь речь? Конечно, о Капустине. Он один в экспедиции был с такими функциями – показать уголь. И Никсон счел необходимым в донесении сказать, что Капустин в Бахмутскую провинцию не поехал.

Читатель может спросить: на каком же тогда основании А. Зворыкин в книге „Открытие и начало разработки угольных месторождений в России” писал, имея в виду деятельность экспедиции Никсона на речке Беленькой в Бахмутской провинции, будто „Капустин, Телепнев и Межаев требовали от Никсона установить мощность пласта...” И далее Зворыкин утверждал: „Экспедиция с помощью Капустина установила еще два места на расстоянии 3,2 версты от пункта основных разведок, где также имелись признаки угля”.²

Разумеется, оснований для таких утверждений у Зворыкина не было. Вполне очевидно, что он стремился создать эффект присутствия Капустина в составе экспедиции в Бахмутской провинции, пытался приписать Капустину заслуги других.

Противоречивость своей позиции А.Зворыкин, думается, чувствовал и сам. Не случайно в книге „Открытие и начало разработки угольных месторождений в России”, вышедшей в 1949 году, публикуя названное донесение Никсона из Бахмута, он сократил данный документ, выбросив именно те строки, где говорится о Капустине, не приехавшем в Бахмутскую провинцию. В следующем издании книги, вышедшей под тем же заголовком в 1952 году, А.Зворыкин вообще не поместил донесение Никсона из Бахмута. Не исключено, что причиной такого отношения к Никсону была пресловутая борьба с космополитизмом, навязанная нашему обществу в период сталинского режима.

А. Зворыкина повторяет, а может, и предваряет И. Каплан. В 1949 году он написал брошюру „Первооткрыватель Донбасса Григорий Капустин”.³

Создавая видимость присутствия и деятельности Капустина в Бахмутской провинции, он пишет: „Приехав в Бахмутский уезд, приступили к испытанию открытых Капустиным (?) месторождений. Григорий Капустин сам таскал тяжелый буровой инструмент, извлекал образцы угля, проверял их качество. Тогда Никсон, чтобы не остаться в дураках, тоже начал буровые работы в указанных капустинных местах”.⁴ Вот так, по фантазии И. Каплана, методом личного примера действовал Капустин.

Нисколько не заботясь о достоверности фактов, Каплан даже речку Кундрючью перенес на запад километров на двести, поближе к Бахмуту, путая ее с Беленькой.

Необоснованные, ошибочные утверждения Каплана, искажающие исто-

рию, воспринял и уже много лет эксплуатирует в своей беллетристике Л.Губин. Однако, ему показалось мало отнять у Вепрейского и Чиркова их заслуги в открытии каменного угля в Бахмутской провинции. В своем романе „Камень – уголье”, как и в двух других произведениях, вопреки исторической правде, он изображает Вепрейского и Чиркова такими жестокими рабовладельцами, в интересах личной наживы идущими на тяжелые преступления.⁵ И это вместо благодарности, которую заслужили от потомков Вепрейский и Чирков.

ЧАСТЬ II

1. ПЕРСПЕКТИВА УХОДИТ В ДАЛЬ

Мы уже знаем, что в 1721-1725 годах благодаря инициативе бахмутских солеваров во главе с Никитой Вепрейским и капитаном Семеном Чирковым в центре Донбасса были открыты, а экспедицией Никсона подтверждены залежи так необходимого стране каменного угля. Остановка была за организацией промышленной его разработки. Ведь потребители – Бахмутские и Торские солепромыслы – находились почти рядом. Из-за отсутствия топлива они вынуждены были ограничивать свою производственную деятельность.

Однако к разработке каменного угля в Донбассе в то время так и не приступили, если не считать тех первых шагов, которые в 1722-1723 годах были предприняты Вепрейским и Чирковым. Причину охлаждения к разработке и промышленному применению каменного угля в Донбассе некоторые исследователи пытались усмотреть в скорой смерти Петра Первого и приходе к власти антипатриотически настроенных правителей. Не отрицая вовсе субъективного фактора, нельзя, однако, все к нему сводить и в то же время не видеть главную причину, которая сдерживала освоение края. А она состояла в объективных условиях, в которых находилась в то время Россия, и в особенности в сложном положении юга страны.

Освоение Россией южных земель, в частности, в пределах Донецкого бассейна, проходило в условиях постоянного противоборства с Турцией и Крымским ханством, которые в течение столетий, упорно следуя своим агрессивным намерениям, грабили и разоряли значительные просторы нашей Родины, истребляли, уводили в неволю тысячи наших соотечественников. В 1735 году не без поддержки Турции орды крымских татар совершили очередное массированное нападение на южные районы Украины. Оно

сопровождалось жестоким разорением сел и городов на обширных территориях юга страны. В то же время крымский хан Каплан-Гирей совершил захватнический поход на Кавказ.

Царские власти в 1737 году вынуждены были освободить уцелевшее население от уплаты податей, „так как от неприятельских людей — татар в Бахмутской провинции в слободах обывателей мужского полу многое число взято в полон и побито, и хлеб стоячий и молочный весь без остатка сожжен и скот отогнан”.*

Русские войска вынуждены были дать отпор вражеским силам. Донская армия осадила Азов и при поддержке Донской военной флотилии овладела им. Русская Днепровская армия, устремившаяся в Крым, штурмом овладела Перекопским укреплением. Вскоре был занят Бахчисарай. Однако успехи закрепить не довелось. Недостаток продовольствия, фуража и воды заставил русские войска оставить Крым.

В 1737 году в ходе боевых действий Днепровская Русская армия взяла крепость Очаков, а Донская вошла в Крым. Военные действия продолжались до 1739 года. Русские армии в ходе военных действий достигли значительных успехов. Однако в силу ряда причин закрепить достигнутое не удалось. По Белградскому мирному договору, подписанному в сентябре 1739 года, Россия возвратила себе Азов, но с одной оговоркой — не вооружать его и скрыть существующие укрепления. Следовательно, как крепость Азов терял свое значение. Как бы в счет компенсации за это Россия получила право построить крепость на острове Черкассе на Дону.¹

В то же время главная задача — выход России к Черному морю — оставалась нерешенной. Естественно, не была решена и задача предотвращения набегов крымских татар на наши территории. Спокойствие стране не было обеспечено, хотя после разгрома, который они потерпели в ходе военных действий, татарские орды временно и присмирели.

Последствия вторжения орд крымских татар в Бахмутской провинции ощущались на каждом шагу. В результате набегов были разорены Слеваковские солепромыслы. Обезлюдели многие селения. Если в 1719 году в самом Бахмуте по первой ревизии было 500 мужских душ, подлежащих подушному окладу, то в 1745 году из них осталось только 358. В Слеваковской слободе населенной однодворцами, которая подвергалась особенно жестокому разорению, из 811 мужских душ, которые там проживали в 1719 году, к 1745 году осталось всего 179, т. е. сократилось в 4,5 раза. За это же

* В. М. Кабузан. „Заселение Новороссии в ХУШ — первой половине XIX века”(1719-1858 г. г.). Наука, 1976 г., стр. 72

время число ревизских душ слободы Боровской, однодворцев, сократилось с 314 до 149, Краснянской слободы — с 586 до 301, Ново-айдарской — с 1176 до 548, города Тора — с 388 до 237, Райгородской слободы — с 162 до 65, Трехизбенской — с 533 до 346 душ и т. д.

За два с половиной десятка лет, прошедших между первой и второй ревизиями, т. е. к 1745 году, в Бахмутской провинции возникло лишь три новых поселения: село Муратово и слободки Капитановка и Петровская. Все они были частновладельческими, помещичьими, с числом ревизских душ от 5 до 12 человек в каждой. Так что они не могли повлиять на рост податного населения в провинции, которое с 1719 по 1745 год сократилось почти в два раза.

По первой ревизии, проводившейся в 1719 году, в Бахмутской провинции насчитывалось всего 14 населенных пунктов, в которых проживало податного населения 6841 мужская душа. В их числе было 6718 однодворцев, 93 купца и 30 помещичьих крестьян и дворовых.

К середине 18 века численность податного населения не только не возросла, но и в связи с частыми набегами крымских татар и русско-турецкой войной 1735-1739 годов почти на половину сократилась. В 1745 году, по второй ревизии, в провинции осталось всего 3538 ревизенных душ, подлежащих подушному окладу.²

Тут следует напомнить о заселении местности по Северскому Донцу. Тор возник в 1664 году. В 1665 г. — Маяки. Бахмут основан в 1701 году. Левый берег Донца ниже р. Жеребца тоже заселялся на первых порах стихийно.

В грамоте Петра 1 полковнику Изюмского полка Шидловскому сказано: „А после измены Брюховецкого и Разина они, донские казаки, поселили по реке Донцу до устья Жеребца Боровской, Краснянский, Сухорев. . . городки. В этом документе дается нижняя временная граница поселений. Уточним ее. Гетман И. М. Брюховецкий поднял мятеж против России в 1668 году. Крестьянская война под руководством С. Разина проходила в 1670-1671 годах. Следовательно, поселения возникли после 1671 года. Документы Посольского приказа о сыске беглых в Донецких городках за 1707 год уточняют время возникновения казачьих поселений. В них сказано:

„. . . Построены Луган (ныне станица Луганская) тому 30 лет, в нем 149 человек; Староайдарский тому 30 лет, в нем 77 человек; Теплинский тому 30 лет, в нем 67 человек; Трехизбенский тому 28 лет, в нем 62 человека; Боровской тому 30 лет, в нем 120 человек; Краснянский тому 20 лет, в нем 115 человек; Сухоревский тому 28 лет, в нем 88 человек; Новокраснянский юрт тому 2 года, в нем 28 человек, Новоайдарский тому 20 лет, в нем 70

человек, Беленской тому 8-й год, в нем 41 человек, Обливы, что на р. Деркул, тому 8 лет, в нем 35 человек; Закотинской — 8-й год, в нем 58 человек. . .”

Капитан Г. Скурихин в 1704 г. в описной книге указывал, что „ . . по речке Красной до Кабанья броду версты на 3 владеют пахотною землею, санными покосами, рабными ловлями и всякими угожьями новопостроенного казачья юрту Кабанья жители. В нем живут куренями русских людей человек с 50 и больше. . . А тот Кабаний юрт построен в . . . 702 году”.

По правому же берегу Северского Донца между речками Бахмутом и Луганью до середины 18 века, кроме Бахмута, не было ни одного населенного пункта. Правый берег Донца оставался дикой, незаселенной степью.

Таким образом, набег кочевников Крыма и Причерноморских степей, агрессия Турции, слабая заселенность местности не позволили в тот период организовать промышленную разработку открытых в Бахмутской провинции залежей каменного угля. В ходе военных действий и сами солепромыслы подверглись разрушениям, пришли в упадок. Бурный поток времени размыл, унес и те знания о каменноугольных месторождениях, которые были накоплены в первой половине 20-х годов 18 века.

Спустя два десятилетия уже новым людям, пытливым, неравнодушным, одержимым поисками полезных ископаемых, пришлось все начинать сначала, идти по новому кругу. Начинался второй этап открытия Донбасса.

Перспектива промышленной разработки каменного угля в Бахмутской провинции уходила в необозримую даль.

2. ПО СТАРЫМ СЛЕДАМ

В условиях относительного затишья, которое наступило в крае после разгрома татарских орд, началось оживление хозяйственной деятельности. Снова появился интерес к поискам и использованию полезных ископаемых и, в частности, к каменному углю. На юге, первыми в это время, деятельное участие в разведке недр проявили царицынский комендант полковник Петр Кольцов, белгородский купец Иван Иванович Морозов и их единомышленники. Объединив свои силы и средства, в 1740 году они создали компанию рудоискателей и заводчиков. В 1743 году между реками Хопром и Волгой при устье речки Терсы, впадающей в Медведицу, ими был построен металлургический завод. В связи с этим они вошли в историю как терсиские компанейщики. Их действия, начавшиеся на левом притоке Дона реке Медведице, вскоре распространились на Донецкий бассейн.

В январе 1742 года И. Морозов сообщал в генерал-берг-директориум, так с 1731 по 1742 года называли Берг-коллегию, о найденных им вместе со

своими компанейщиками П. Кольцовым и И. Григорьевым серебрянных и железных рудах. Он писал, что руда, „содержащая хотя малый вид серебра, состоит при речке Кундрючей, в берегах и полях во владении Донского войска,” что признаки такой руды есть в двух местах на расстоянии в четыре версты одна от другой. Морозов просил, чтобы месторождения этих руд освидетельствовал искусный горный мастер. В то же время он жаловался, что казаки не помогали им в разведке полезных ископаемых, а, наоборот, чинили препятствия. Поэтому он просил дать казакам указ о помощи и содействии в поисках руд.¹

Более детально о разведке недр, предпринятой компанейщиками, сообщил бригадир Петр Кольцов и секретарь Иван Григорьев. В своем письме они доносили, что после предъявления в Берг-коллегию образцов, найденных ими руд и минералов, указом им разрешили свободный поиск полезных ископаемых. Важно, что они получили право на строительство „водяных”, как они писали „железных заводов”. Для освидетельствования рудных мест, по их просьбе, к ним был направлен специалист из Петровских заводов — унтер-штейгер Гордей Фефелов.

Воспользовавшись своим правом, компанейщики построили на речке Медведице, притоке Дона, „железный завод”, провели пробную плавку металла. Однако особый интерес проявили они к недрам Донбасса. На берегу Северского Донца, близ городка Сухорева, они нашли железную руду, опробовали ее и пришли к выводу, что по своему качеству она превосходит все другие найденные ими руды и „к производству и содержанию завода состоит благонадежнейша.” В тех облюбованных ими местах близ Северского Донца, компанейщики высказали намерение построить металлургический завод. С этой целью в январе 1743 года они направили в Бахмутский уезд Ивана Морозова и Гордея Фефелова с мастеровыми и работными людьми, среди которых был и „железный мастер” из Тулы.

Далее Петр Кольцов и Иван Григорьев сообщали о найденной ими руде выше казачьей станицы Быстрианской в пяти верстах, а от устья речки Кундрючей в пятнадцати. Эта руда, как они писали, была похожа на ту, что нашли они на речке Кундрючей.

Не могли не заметить компанейщики в тех краях и каменный уголь, хотя их интерес к нему в ту пору был, видимо, не очень велик. Как бы между делом они сообщали: „И меж тем имеется слоями немалыми якобы земляные угля.”²

Экспедиция с участием И. Морозова и Г. Фефелова обследовала район Сухорева и Ямполя на берегу Северского Донца, верховья речек Лугани и

Беленькой. Побывала она и в верховьях Миуса. Она прислала в Берг-коллегию образцы найденных там руд и минералов. Среди них руда, взятая при местечке Ямполье, разных видов камня, взятые близ вершин речек Лугани и Беленькой.³

Подробный отчет о результатах работы этой экспедиции прислал Петр Кольцов. Ссылаясь на мнение Морозова, Фефелова и железного мастера из Тулы, который работал у них по найму, они пришли к выводу, что возле местечка Сухорева при Северском Донце „производить того заводу не для чего”. Словом, после тщательного обследования месторождения руды и ее содержания, от первоначальной своей идеи строить там металлургический завод они отказались.

Более определенно высказали они свои суждения и относительно руд, найденных в верховьях Лугани и Беленькой, где были найдены старинные горны, заросшие травой, в которых, по их сообщениям, „руда плавлена и железо делано было в давние времена.” По их заключению, там тоже отсутствовали условия для действия завода. Но причину они указывали иную. Незаселенность края, отсутствие городов и селений, незащищенность „от набегов крымских татар и прочих воровских людей” не позволяли, по мнению компанейщиков, строить там металлургический завод. Называли они еще одну причину — абсолютное отсутствие в тех районах продовольственного снабжения. Только „в Бахмут во время варения соли, и в Черкасской во время ловли рыбы в мае и июне иногда издалека привозили хлеб для продажи. В другое время продовольствия здесь неоткуда было взять.”

Читатель, наверное, уже заметил, что И. Морозов и П. Кольцов со своими компанейщиками, а затем и другие их последователи в поисках полезных ископаемых в первой половине 40 годов 18 века прошли по старым следам, по следам тех, кто проходил здесь в 1721 — 1725 годах. На речке Беленькой навечно оставили свои следы Никита Вепрейский и Семен Чирков, а затем прошел здесь вместе с ними и англичанин Иоган Никсон. По берегам речки Кундюрьчей шагал Григорий Капустин.

Каким путем новое поколение исследователей недр вышло на следы своих предшественников? Нет оснований утверждать, что они воспользовались информацией сверху, сохранившимися документами.

Скорее всего, сведения о богатстве недр черпали они в низах, в народе, который многое хранил в своей памяти. Да и представители молодого поколения обитателей Донецкого бассейна, бывая в разных местах, старались все примечать, обогащая свои знания окружающего мира и природы.

Как и прежде, толчком к поискам топлива была потребность в нем Бахмутских и Торских соляных промыслов.

В результате русско-турецкой войны поступление соли из Крыма значи-

тельно сократилось. Восполнить этот пробел можно было увеличением ее добычи на Бахмутском солепромысле. Проблем было много. Одна из важнейших — обеспечение солепромыслов топливом. Скучные леса провинции к тому времени уже были вырублены, дрова приходилось завозить из отдаленных мест. Однако надзиратель Бахмутских и Торских соляных заводов Готлиб-Фридрих-Вильгельм Юнкер противился применению каменного угля в выварке соли.

В ответ на запрос подполковника Глебина о состоянии Бахмутского и Торского соляных заводов и об использовании каменного угля при выварке соли, Юнкер в декабре 1743 года писал, что каменный уголь найден в 40 верстах от Бахмута, но при отсутствии возможности доставки и затратах на добычу его из глубины он вряд ли будет стоить дешевле дров. „... . Поскольку это сокровище никто не похитит, — глубокомысленно продолжал он, — то необходимо впредь рассмотреть, как полезнее использовать все намеченные возможности для улучшения работы завода”. „Короче, Юнкер пытался отодвинуть назревший вопрос на неопределенное время.

Подполковник Глебин, вскоре приехавший из главного соляного правления в Бахмут для обследования соляных заводов, не согласился с мнением Юнкера. Он предпринял меры, чтобы ускорить разведку и опробывание каменного угля. В донесении в соляную контору 12 мая 1744 года он сообщал, что в Городнем буераке проводились пробы выплавки металла из найденной вблизи железной руды с применением найденного в тех краях каменного угля. Качеству этого угля Глебин давал высокую оценку. Он писал: „Которое де уголье по учиненной там пробе для плавки железа, мешая с настоящим (древесным) углем, весьма способно. . .”

Образцы каменного угля, руд и выплавленное железо были направлены в главную соляную контору. Оттуда они были пересланы в Берг-коллегию. Кроме того, подполковник Глебин просил прислать знающих мастеров для осмотра месторождений железа и угля в Бахмутской провинции.⁵

Доставленные образцы каменного угля и руд, взятые в Бахмутской провинции, по указу правительствующего Сената Берг-коллегия поручила опробовать берг-пробирю Александру Дунилову. Пробирный мастер очень оперативно выполнил задание. О качестве бахмутского угля он писал: „Уголь каменный разгорается жарко и годен.”⁶

Вскоре Александр Дунилов провел тщательное исследование качества всех присланных из Бахмутской провинции руд, железа и действия угля при плавке руды. В рапорте в Берг-коллегию он затем сообщал: „Руда опробована, а по пробе содержит из центнера — чугуна сорок два фунта и к плавке

чугуна и к деланию железа годна. А уголь опробован же плавкою железа, а именно: угля взято один пуд, которым выковано железа десять фунтов. Да оной же уголь пробован вторично, смешав с ординарным деревянным уголем, а именно: простого угля было взято один четверик, а каменного один пуд. И оным выковано железа пятнадцать фунтов. И оный уголь в ковке железа имеет быть смешан с простым уголем и к ковке железа удобно. Но можно и одним им ковать, а з деревянным обыкновенным углем наилучше. А к плавке чугуна домнами не слыхал, где оно употреблялось.”⁷

Важно обратить внимание еще на одно направление использования угля. Пробирный мастер пишет: „К варению соли и особливо вместе с дровами может употребляться, ибо от него, как разгорится, жар немалый есть.” Пробирный мастер А. Дунилов в этом документе впервые из специалистов говорит о возможности применения каменного угля в процессе выварки соли.

3. СНОВА – В БАХМУТ

Результатами поисков полезных ископаемых в Бахмутской провинции заинтересовалась Берг-коллегия. Она решила более детально, на месте исследовать месторождения каменного угля и железной руды. С этой целью было принято решение послать туда экспедицию. Возглавить ее поручалось Густаву Ульриху Райзру. Выбор на него пал не случайно. Молодой специалист, сын вице-президента Берг-коллегии, он только что вернулся из Германии, где обучался вместе с М. В. Ломоносовым в числе первых посланцев от Российской Академии наук.

В определении от 22 июня 1744 года о командировании Г. У. Райзера в Бахмутскую провинцию было сказано: „По указу е. и. в. Берг-коллегия слушала ис Правительственного Сената указ, в котором объявлено:

... Для наилучшего оных мест уведомления, для осмотру и освидетельствования и разведывания по горному обыкновению и где водяной железный завод к пользе Бахмутских соляных заводов построить надлежит, послать в должности берг-офицера ис прибывших из немецкой земли обученных Густава Ульриха Райзера, дав ему из Берг-коллегии двух солдат, а к тому осмотру и описанию, к мерению, где запотребно будет, дать ему подъячего тамошней Бахмутской соляной канцелярии и солдат и других людей, сколько ему потребно будет.” Финансировала экспедицию Берг-коллегия. В документе сказано: „Дать от расхода Берг-коллегии 100 рублей.”

По случаю экспедиции в Бахмутскую провинцию Берг-коллегия составила специальную инструкцию. Райзеру предлагалось в ней, „прибыв на рудные

места, осмотреть и освидетельствовать их, сделать описание, и чертеж учинить”.

Выехал Г. У. Райзер в Бахмутскую провинцию в сопровождении солдат Ивана Кузьмина и Емельяна Еркачева. В рапорте в Берг-коллегию о результатах освидетельствования рудным местам и каменного угля в Бахмутской провинции 27 января 1745 года Г. У. Райзер писал: „Прибыл 24 июля 1744 года в Тор. Потом отправился в Бахмут, объявил коменданту подполковнику Спешневу указ из соляной конторы, получил от него работников, но подъячего не получил. 4 августа поехал в Городни буераки, которые в 50 верстах от Бахмута, не очень далеко от вершины Мияса, в Азовское море текущей. В сих Городних буераках освидетельствовал я по горному обыкновению с небольшой работой старинные горны в вершине р. Белинки.”

Райзер со своими помощниками провел детальное обследование местности. Он осмотрел старинный ров, который, вероятно, оставила после своей деятельности еще команда Н. Вепрейского и С. Чиркова, а затем в нем пытались найти железную руду Иван Морозов и его спутники. Обнаружив ряд шурфов на железную руду, Г. У. Райзер составил план местности, дав ему название „Городни буераки, речка Белинка в 50 верстах от Бахмута.” На план он нанес все обследованные им места, обозначив рвы и шурфы, в которых были обнаружены каменный уголь и железная руда.

„В шурфе № 14, — пишет в отчете Райзер, — показалось много темной красноватой и желтоватой железной руды в сером мраморе, будто жила к полудни склоняющаяся. Но как я работать по ней приказал, то она весьма непрочно пошла и пресекаться начала. Из того видно, что она руда гнездом лежит. Сей шурф от компанейщиков Сухоревских зачат в старинном маленьком рве, глубины оной полторы сажени. . . ”

Каменноугольные месторождения Райзер обнаружил в двух местах. Одно из них — „при речке Белинке”. На чертеже оно обозначено под номером восемнадцатым. Пласт угля здесь обнажен на две сажени. Начинается он, как сообщает исследователь недр, „от черной земли и падает в 50 градусов в зюйд-вест”. Как видим, пласт крутого падения. Мощность его 1 аршин. Кровля над пластом глиняная, поросшая корнями трав.

Качество угля здесь было невысокое. Во всяком случае той части пласта, которую удалось увидеть Райзеру. Этот пласт, находясь у поверхности и подвергаясь в течение многих веков воздействию атмосферы и влаги, в значительной степени уже выветрился. „Уголь, замечает в отчете Райзер, весьма распадается. И хотя я в слою 1 сажень глубиною шурфовал, однако крепче не достал. Упование есть об его довольстве”.

Последнее замечание исследователя недр весьма важно. Прогноз о

залегании здесь не отдельных вкраплений каменного угля, а большой его массы, открывал перспективу его разработки.

Говоря о результатах обследования Райзером этого месторождения каменного угля, нельзя не вспомнить о донесении Никсона из Бахмута от 7 января 1725 года, который тогда только-что побывал вместе с экспедицией на речке Беленькой. Несомненно, они осматривали одно и то же месторождение каменного угля. Никсон тогда шел по следам Н. Вепрейского и С. Чиркова, они же и сопровождали экспедицию Никсона в том районе. Теперь Райзер шел по тем же следам, где два десятилетия тому назад побывал Никсон. Не удивительно, что их заключения о расположении и качестве угля совпадали. Прогноз о массе залегания угля тоже совпадал. Сравните „упование на его довольство“, которое высказал Райзер, со словами Никсона: „Как я чаю, оные уголья. . . долго протянутся. Я надеюсь, что здесь можно добрый угольный завод завести“.

В нескольких верстах от первого месторождения Райзер нашел второе место залегания каменного угля. Находится оно тоже на берегу речки Беленькой в небольшом буераке. Этот уголь отличается лучшим качеством, чем прежний. Он, как говорит Райзер, сравнивая эти два месторождения, крепче и более на смолу походит. Второй пласт был обнажен на 4 сажени по простиранию. Он более пологий, чем первый. Угол его падения – 15 градусов в юго-восточном направлении.

Продолжая характеристику угольного пласта, Райзер показывает и другие условия его залегания. Кровлей здесь также служит глиняный пласт, а сверж него – чернозем. Почвой для угольного пласта служит серый песчаник. И пласт здесь чуть толще. Его мощность – 1 аршин с четвертью.

С этого пласта Райзер не взял образцы для проб. Счел его достаточно полно исследованным.

Комендант соляных заводов подполковник Спешнев, сообщает Райзер, много этого угля в Москву отправил. И мы уже знаем результаты его опробования пробирным мастером Александром Дуниловым. Качество его хорошее. Его испытывали и в Бахмуте. И по пробам, проведенным там, уголь этот годится к ковке железа „ежели к нему горсти две деревянных углей к разгоранию прибавить“.

Из Городних буераков и верхнего течения речки Беленькой Райзер вернулся в Бахмут. Оттуда он поехал к Северскому Донцу, к устью речки Бахмут. Там, в шести верстах от городка Сухорева он освидетельствовал шурфы на железную руду, которые несколькими годами ранее проходили разные рудоискатели – Морозов с Фефеловым, представители соляной комиссии, а также сухаревские компанейщики во главе с новым белгородским купцом Иваном Генкиным.

Этот район Райзер нанес на план под названием „Реки Донец и Бахмут в провинции Бахмутской“.³ На этом плане, снятом Г. У. Райзером, показан участок реки Северский Донец от Ямпольского перевоза до впадения в нее речки Бахмут и нижнее течение последней. На плане обозначено 32 разведочных шурфа. 24 из них расположены вдоль речки Бахмут на западном, левом ее берегу. Райзер тщательно обследовал их. Три шурфа были пройдены по его указанию, чтобы проследить распространение железной руды. Выяснилось, что из 24 шурфов только два – седьмой и девятый – обнаружили небольшие залежи руды. Остальные – лишь некоторые ее признаки. Еще восемь шурфов – с № 25 по № 32 – показаны на горе недалеко от Ямпольского перевоза. И в этой группе большинство шурфов либо вовсе не обнаружили железной руды, либо содержат незначительные ее залежи, которые практического значения не имеют. Лишь шурф № 25, как отмечал Райзер, содержит слой до полуаршина шириной.

На основе анализа залежей железной руды в верховьях речки Беленькой и в устье Бахмута Райзер сделал вывод, что в районе речки Беленькой и Городних буераков из-за отсутствия достаточного количества руды строить завод нельзя, хотя „тамошняя руда все здешние руды превосходит“. Он выразил надежду, что в будущем будут найдены новые ее залежи. Райзер склонен был строить завод на берегу Северского Донца. „И тако, ежели завод строить, писал он, то при реке Бахмуте, недалеко от его устья, где новозачатая плотина, его поставить надлежит, понеже около того места руда и лес в довольстве вблизи находятся“.

Завершив исследование недр, Райзер 2 сентября 1744 года приехал в Тор и там провел опыты. Об этом он писал следующее: „ . . . Данными мне от комиссии соляной Торской работниками и материалами соорил я в Тору плавильную печь вышиною в 4 фута и другое к тому надлежащее в пример и в пропорцию домны. И плавил я в ней 6 раз“.

В Бахмуте, в казенных кузницах Райзер испробовал в ковке каменный уголь из шурфа № 18, что на речке Беленькой. „Одни уголья, отмечал он, не разгораютца сырые, а ежели высушены, очень мелко распадают, и для того их меха прочь отдувают. Чего ради прибавил я деревянное уголье помаленьку и пропорция вышла так, что равную часть углей в прибавку требуют. После разгорания можно было всякое железо варить. . .“

Единственно, чего не смог сделать Райзер, так это освидетельствовать залежи каменного угля в балке Скелеватой. Летом он дважды проезжал мимо этой балки, – когда из Бахмута ехал на речку Беленькую и Городни буераки и на обратном пути. Однако тогда, как отмечал Райзер, времени у него не хватило. А с наступлением зимы помешали снежные заносы. „Степные дороги и буераки, писал он, снегом занесло так, что ради того

посланные казаки туда добраться не могли. Но я известие получил, что оные лежат слоем в 1 аршин ширины и наруже не крепки, распадаются.”

В отчете Райзера приведены данные о других полезных ископаемых, встречающихся по берегам речки Беленькой и в районе устья речки Бахмут, дано описание рельефа местности, рек, лесов. В документе содержатся данные, позволяющие составить представление о работниках соляных заводов, оплате их труда. Например, сообщается, что „кузнецы здешнии – Бахмутского батальона солдаты”, а „работники к заводам от провинциальной канцелярии даются, и им плата по плакату до пяти копеек каждому за день дается”.

За наемную подводку платили по десять копеек за пару волов за день, если с грузом, а порожняком – по пять копеек.

Вместе с рапортом о выполнении задания, написанном в Торе 27 января 1745 года, Райзер привез в Берг-коллегию 18 образцов руд, каменного угля и выплавленного им железа. Каменный уголь был представлен из известных уже нам шурфов №№ 18 и 20, находившихся на берегу речки Беленькой.

Еще один образец каменного угля, помещенный им в списке под номером 7, назван как „каменное уголье из Райгородского буерака.”

Выше уже отмечалось, что в ходе изучения местности, обследования месторождений каменного угля и железной руды Райзер составил два плана местности: района Городних буераков и речки Беленькой и второй – рек Северского Донца и Бахмута. На планы Райзер нанес все открытые к тому времени в этих районах полезные ископаемые. Для ориентировки в соляном направлении он получил карту Бахмутского дистрикта.⁴

Все три названные документа Райзер сдал в канцелярию Берг-коллегии вместе с отчетом о результатах экспедиции. Писарь, подканцелярист Андрей Клеменов по этому поводу сделал следующую запись: „Три чертежа, привезенные господином Райзером, положены с прочими в книгу и в реестр записаны.” Однако многие исследователи долгое время не могли обнаружить их в архиве. Это удалось сделать автору этих строк. Планы эти позволили установить, что впервые в Донбассе каменный уголь был открыт не на речке Верхней Беленькой в районе нынешнего Лисичанска, как утверждали ранее, а на другой речке, правом притоке Лугани, которая в начале 18 века называлась Беленькой, в конце века – Белой Луганью, а теперь ее зовут просто Белой. Именно на этой речке, в районе нынешнего поселка Ящиково Перевальского района Луганской области, а также в Балке Скелеватой ныне Артемовского района Донецкой области и был впервые открыт Никитой Вепрейским и Семеном Чирковым каменный уголь.

4. ЗАМЫСЕЛ ОСТАЛСЯ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫМ.

На первом этапе открытия Донбасса в 20-х годах 18 века найденный донецкий уголь обычно испытывался, как мы знаем, с ограниченными целями. Пробирные мастера, которым поручалось опробовать уголь, старались ответить на вопросы: горит ли он, дает ли жар, т. е. его теплотворность, можно ли его использовать в кузницах дляковки металла? О широком его применении в качестве топлива вместо дров на Бахмутских соляных заводах конкретно вопрос ранее не ставился, хитя такую перспективу нельзя было исключать.

Даже в определении Берг-коллегии, принятом в февраля 1723 года о посылке указа генерал-майору В. И. Генину об изыскании и применении на заводах каменного угля для бережения лесов вопрос формулировался в общей форме: иметь старание о приисках каменного угля, как в протчих европейских государствах обходитца, дабы оным лесам теми угольями было подспорье.”¹

Только в середине 18 века бахмутские солевары вынуждены были прямо поставить такую задачу. Этого требовала жизнь.

Для топок Бахмутских и Торских соляных заводов ежегодно истреблялось множество леса. Против порубки лесов по балкам и речкам, простиравшимся на юг и юго-запад от Бахмута активно протестовали запорожские казаки. Они видели, что вырубки лесов ухудшают среду их обитания. Поэтому изгоняли лесозаготовителей, нередко избивали их, писали жалобы правительству. Против вырубки лесов по Северскому Донцу протестовали жители ближайших селений.

Соляным заводам приходилось заготавливать дрова на большом удалении. Нередко дрова заготавливались на расстоянии 200-250 верст от заводов в верховьях Северского Донца и оттуда сплавлялись вниз по реке. Все это удорожало топливо, а следовательно, повышалась стоимость соли. Кроме того, это до крайности усложняло работу соляных заводов. В этих условиях солевары вынуждены были обратиться к каменному углю.

Не обошлось тут без вмешательства Правительственного Сената. Он принял 19 декабря 1744 года указ Соляной конторе о проведении опытной выварки соли на одном каменном угле. В указе сказано: „Подполковнику Спешневу и камерному советнику Юнкеру и отправленному туда офицеру” обще учинить пробу соль варить одним каменным углем возможно ль и не

* Имелся ввиду подполковник Глебин.

будет ли в соли от того угля какого противного запаху. Или несколько и дров к тому уголью прибавлять надлежит?"²

Далее в указе ставилась задача всесторонне исследовать процесс выварки соли на каменном угле, учитывая расходы на его добычу и доставку к соляным варницам. Предлагалось сравнить, будет ли выварка соли на угле дешевле, чем на дровах, и если будет, то на какую сумму, результаты исследований предписывалось прислать как в Сенат, так и в Соляную контору „с ясным показанием.” К документу предлагалось приложить три образца полученной соли:

1. Вываренной одним каменным углем, 2. Углем с прибавлением дров. И третий — на одних дровах. „И если к тому свидетельству подлинно явитца”, говорилось в заключении указа, „тем угольем соль варить способно и никакого от того угля в соли противного запаха не будет и против дров станет ценою дешевле, то б оным ту соль варить.” Замысел хороший.

Однако оказалось, что написать указ было легче, чем его выполнить. В связи с этим подполковник Глебин 11 апреля 1745 года доносил в Сенат, что Юнкер отбыл в Москву, а выполнять указ должны Глебин со Спешнёвым. И это — не единственная причина задержки с выполнением указа. Глебин сообщал, что пока земля не растаяла, достать угля невозможно. К тому же и старые печи на Бахмутском и Торском соляных заводах не были приспособлены под уголь, а новые, которые начали строить на Торском заводе, еще не были готовы. Подполковник Глебин в конце своего донесения пообещал: „Когда земля оттает, летним временем пробу чинить будем”.

Возможность использования бахмутского каменного угля в выварке соли подтвердила и Берг-коллегия на основе донесения Г. У. Райзера. В определении Берг-коллегии по этому вопросу было сказано: „Каменное уголье оказываетца довольно и годно как к вывариванию соли, так и к кованию железа”.³

21 сентября 1745 года Сенат подтверждает свой прежний указ о проведении пробы варения соли на каменном угле. Однако время шло, а дело стояло, не двигаясь с места. Правление Бахмутской соляной конторы сообщало в Правительственный Сенат 27 мая 1746 года, что в связи с отсутствием Юнкера опыты варения соли на угле не проводились. Оно просило прислать Юнкера, который в это время находился в Петербурге. Но Юнкер уже не мог приехать в Бахмут. В том же году он заболел и умер. Опыты вываривания соли на каменном угле не были проведены.

Так закончился второй этап открытия каменного угля в Донецком бассейне. Исследователи недр в это время прошли в поисках каменного угля по

тем же местам, что и их предшественники в первой половине 20-х годов. Отличие состояло лишь в том, что в этот раз внимание было сосредоточено почти исключительно на месторождениях угля на речке Беленькой. Как и в первый период, не был использован уголь в промышленных масштабах. Однако в этот раз солевары подошли вплотную к этой проблеме, поставили ее в повестку дня.

Здесь, пожалуй, не лишнее сделать небольшое отступление в область историографии. Во втором этапе открытия Донбасса сведения о местах залегания каменного угля приводились сравнительно более полные, нежели те, которые имелись в документах об открытии угля в 20-х годах. Теперь они не ограничиваются упоминанием речки Беленькой и балке Скелеватой. В 40-х годах сообщалось, что экспедиция Морозова и Фелелова обследовала верховья р. Беленькой и Лугани. Сочетание в документе этих двух рек дает представление о районе обследования, его местоположении. Если к этому еще добавить, что в этой же связи в документах упоминается и верховье реки Миус, то картина местности становится еще более определенной.

Воспользовавшись этими данными, ближе всех из исследователей подошли к истине в определении места залегания каменного угля авторы монографии „История геологических исследований Донецкого каменноугольного бассейна (1700-1917)” Е.О. Новик, В.В. Пермяков, Е.Е. Коваленко. На схеме, показывающей исследования Донбасса в 40-х годах 18 века, которую составила Е. Е. Коваленко (стр.31), верно указано, что залежи каменного угля и железной руды в этот период были открыты на речке Белой, правом притоке Лугани. Хотя и им не удалось до конца удержаться на этой позиции.

Что же касается самого А. Зворыкина, то он и в этот раз остался верен своей схеме. Не заметив новых ориентиров или пренебрегая ими, он по-прежнему продолжал привлекать внимание читателей к речке Верхней Беленькой, району нынешнего Лисичанска, что дезориентировало читателей.

ЧАСТЬ III.

1. ЗАСЕЛЕНИЕ КРАЯ.

Непременным условием промышленной разработки каменного угля в Донбассе по - прежнему было заселение края и создание здесь безопасных условий для жизни и деятельности людей.

До середины 18 века земли по правому берегу Северского Донца между реками Бахмутом и Луганью оставались незаселенными. Здесь не было ни

одного населенного пункта, не считая крепости Бахмут.

Крымские татары, претендовавшие на эту местность, изгоняли и уничтожали всякого, кто пытался здесь обосноваться. Заселить и освоить эти благодатные края, богатые полезными ископаемыми, можно было только организованно, на государственной основе. К осуществлению такой политики и приступило правительство Елизаветы Петровны в середине века.

Правительственный Сенат 29 марта, 1 апреля и 29 мая 1753 года издал указы о поселении на свободных территориях на правом берегу Донца между реками Бахмутом и Луганью¹ сербов, болгар, венгров и других выходцев из Балканских стран православного исповедования, бежавших из-под турецкого ига и находившихся на территории Австрии. Поселенцы были объединены в роты, из них сформировали два гусарских полка, носивших названия по именам их командиров – Ивана Шевича и Райко Прерадовича.

Первоначально И. Шевич вывел из-за границы 210 человек, а Р. Прерадович – 27. Затем команды пополнялись частично из старых гусарских полков, а также в значительной степени за счет вербовки украинцев. Однако обещанного числа людей они так и не сумели набрать. В 1763 году в полку Шевича насчитывалось 516 человек, в полку Прерадовича – 426. Кроме того, в обоих полках были женщины и дети – всего 571 человек.

Роты этих полков поселились в основном по правому берегу Донца и левому берегу Лугани, притом не все сразу. Поселялись и пополнялись они по мере привлечения нового пополнения. В каждом полку была своя нумерация подразделений. Ввиду их малочисленности в 1764 году оба полка были объединены в один, который получил название Бахмутского гусарского, с общей нумерацией рот. Всего их было 16.

На месте поселения роты создавали полевые укрепления – шанцы. Военнослужащие получали землю, которую должны были возделывать. Следовательно, кроме защиты границ в их обязанности входило ведение хозяйства. Поэтому на службу зачислялись, как правило, семейные, а холостые только в случае, если давали обязательства, что скоро обзаведутся семьей, чтобы земля не пустовала.

Новые поселения, возникшие на базе воинских подразделений, со временем получили и свои наименования. Так, 1-я рота образовала с. Серебрянку, 2 – Вергунку, 3 – с. Верхнее, 4 – Красный Яр, 5 – Приволье, 6 – Крымское (Крымский брод), 7 – Нижнее, 8 – Подгорное (впоследствии Донецк, Славяносербск), 9 – Желтое, 10 – Каменный Брод, 11 – Черкасский Яр, 12 – Хорошее, 13 – Калиново, 14 – Троицкое, 15 и 16 – Луганское (ныне Донецкой области).

Кроме полевых ротных укреплений – шанцев, для охраны поселения с

юга, юго-запада и юго-востока были организованы полевые караулы, оборудованы редуты. На водоразделе рек Луганчика, Белой Лугани (ныне р. Белая) и Миуса, планировалось построить крепость.

Местность, заселенная полками Прерадовича и Шевича, получила название Славяно-Сербия. Как и Новая Сербия, созданная в 1751 году полками генерала Хорвата в верховьях Буга, Славяно-Сербия не входила административно в состав губернии. Она непосредственно подчинялась Сенату и Военной коллегии. В 50-70-х годах 18 века она не охватывалась общероссийским ревизским учетом.

С началом поселения славяносербских полков оживилось проникновение на эти территории предприимчивых людей с левого берега Донца, которые, почувствовав смягчение опасности набегов кочевников, захватывали здесь земли, образовали хутора. Однако по требованию Шевича и Прерадовича все российские хутора на территории Славяно-Сербии были ликвидированы, либо выкуплены. В то же время возникали частные хутора офицеров названных полков. Так, в верховьях р. Верхней Беленькой возник хутор подполковника И. Р. Прерадовича, впоследствии названный Николаевкой. На берегу Лугани – хутор Сентенина, нынешняя Сентяновка. Хутор Родакова перерос в населенный пункт, ныне известный под тем же названием. По несколько хуторов организовали Шевич, Рошкович.

С 1764 года по соседству со Славяно-Сербией располагался вновь сформированный Луганский пикинерный полк. Ему была отведена территория от Бахмута в сторону Белева (нынешний Красноград) и Изюма, от устья р. Бухмут вверх по Донцу до Святогорского монастыря, а также на юг и юго-восток от Бахмута по р. Крынке, Сухому и Казенному Торцу. Луганский пикинерный полк с Юга и Запада прикрывал Славяно-Сербию. Возникло множество хуторов по берегам р. Бахмут, не входившей в Славяно-Сербию. Так что население Бахмутской провинции росло. В 1768 году в ней уже насчитывалось 19627 жителей.

В заселении южных земель России Крымское ханство и Турция увидели угрозу своим интересам. Кочевники время от времени беспокоили поселенцев, совершая набеги. А 25 сентября (6 октября) 1768 года Турция объявила войну России². В действительности военные действия начались в январе 1769 года вторжением войск крымского хана Крым-Гирея в Новую Сербию, Славяно-Сербию и другие районы южной Украины. Турецкий султан Мустафа III велел „начинать войну истреблением совершенным селений русских, заведенных в степи, а после продолжать ее как угодно будет богу и его пророку“. Орды крымских татар и нагайцев громили поселения, жгли дома,

убивали женщин, детей, многих увели в неволю.

Вторал русская армия под командованием П.А. Румянцева, прикрывавшая южные границы России от Днепра до Дона, отразила нападение татар, разгромила их и заняла побережья Азовского моря. В результате победоносных действий русской армии Крым в 1772 году был объявлен независимым от Турции и перешел под покровительство России, а в 1783 году Крымское ханство было окончательно ликвидировано.

С ликвидацией внешней опасности военные поселения славяно-сербских рот были переведены на положение казенных крестьян. Началось интенсивное заселение края. Источники его были различными. В начале 70-х годов здесь было поселено 3595 молдаван и волохов, сдавшихся в плен во время русско-турецкой войны. В 1772 – 73 годах переселенцами из внутренних губерний были основаны селения Фащевка, Петропавловка, Орехово, Чернухино, Городище и другие. Свободные земли государство в широких масштабах раздавало за службу. За десятилетия с 1774 по 1784 год в Бахмутском и Донецком уездах было роздано 478640 десятин земли – более одной трети всего земельного фонда.

Таким образом, все препятствия, которые мешали промышленной разработке каменного угля в Донецком бассейне, были сняты самим развитием жизни.

2. ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Попытки применить донецкий каменный уголь для вываривания соли предпринимались на Бахмутском солепромысле в середине 40-х годов 18 века. Окончились они, как мы знаем, безрезультатно. Добрый замысел оказался неосуществленным.

Спустя два десятилетия бахмутские солевары снова возвращаются к этой проблеме. К тому времени увеличилось население провинции, оживленнее стала в этих местах жизнь.

В ноябре 1764 года группа солдат была направлена для заготовки каменного угля на речку Белую Лугань (так стали называть теперь знакомую нам речку Беленькую, правый приток Лугани). Десять человек работали два с половиной дня, заготовили 199 пудов угля.⁴

На солепромысле подготовились к опыту. Из казенного сковородного железа, как сказано в документе, была сделана квадратной формы сковорода. Ее длина и ширина равнялись 14 вершкам без четверти. Высота бортов составляла три дюйма. По размерам сковороды сложили кирпичную печь. В нее было положено полплахи мелко колотых сосновых дров и „всыпано каменных угольев два четверика”. Потом на печь поставили сковороду,

налили на нее рассола два ведра с четвертью.

После того, как дрова были зажжены, девять человек с трех сторон стали раздувать мехами огонь в печи. Через 45 минут рассол закипел. В течение трех часов со сковороды было снято 6 фунтов 72 золотника соли.

В документе приводятся сведения о расходах на заготовку каменного угля. Солдатам платили по 2 коп. в день. За два с половиной дня они получили 50 копеек. За перевозку угля платили 4 рубля 20 копеек. Везли его 10 человек на 10 подводах, в которые были запряжены волы, в течение 7 дней. Девяти рабочим, которые приводили в действие меха, уплачено „15 коп. 3/4 с осьмью и 24 долями”.

Однако опыт остался незавершенным. Условия его проведения не позволяли сравнить результаты с теми, которые получали солевары при обычном процессе выварки соли на дровах.

В обычных условиях в Бахмуте соль вываривали на больших сковородах, которые вмещали по 350 ведер рассола. Такая сковорода давала в сутки по 130 пудов соли. На этот процесс расходовалось три с половиной сажени дров на общую сумму 12 руб. 25 коп.

К тому же во время опыта слабой была концентрация рассола. Все это мешало правильно сопоставить расходы на выпарку соли углем и дровами и сделать вывод – чем выгоднее.

Одно оказалось очевидным – уголь горит и его можно использовать в процессе выварки соли. Хотя его преимущества перед дровами и не были выявлены. В заключении по итогам опыта указывалось: „При раздувании того угля примечено, что они большого пламени и жару (против дров и деревянных угольев) не дают, а как разгорятся, то не скоро угасают.”

Чтобы убедиться в преимуществе каменного угля над дровами следовало провести многократные опыты и в более широких масштабах. А этого сделано не было. К тому же требовалось сделать и топку особого устройства. Тогда бы отпала необходимость применять меха для раздувания огня в печи, в содержании девяти человек для этой работы.

Так закончился первый опыт применения каменного угля в промышленных условиях.

1. Зародження робітничого класу на Україні. (середина XVIII ст.– 1861 р. 3б. док. Київ, Наукова думка, 1982, с. 22-23

2. Там же, стр.23

3. В ИНТЕРЕСАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА.

Существенные перемены на территории нынешнего Донбасса принесли и 70 – 80-е годы. Прежде дикий, незаселенный край оживал, активно включался в хозяйственную деятельность страны. Его жителям, число которых быстро росло, никто теперь не угрожал. Правда, обнаруживалось и отрицательное влияние происшедших изменений. Бахмутские и Торские соляные заводы, предъявлявшие прежде спрос на уголь, теперь не могли конкурировать с дешевой крымской солью.

В больших количествах ее стали доставлять из Крыма после присоединения его к России. И солепромыслы в Бахмуте и Торе закрыли.

Однако в этих условиях нашелся новый потребитель каменного угля – молодой Черноморский флот. Морские базы, возникшие на Черноморском побережье, – Таганрог, Херсон и Николаев – нуждались в топливе, в угле для кузниц. Древесный уголь и дрова, доставлявшиеся в Херсон и Николаев по Днепру из Белоруссии и Брянщины были слишком дорогими. Все больше трудностей в заготовке дров и древесного угля испытывал Таганрогский порт. Его заявку на 1784 год на заготовку и вывозку 7000 четвертей древесного угля и 100 тысяч сажень дров не обещали выполнить и наполовину.

В поисках топлива флот во все концы страны посылал своих гонцов. Естественно, шли и встречные предложения. На территории Донбасса осело немало бывших матросов, бывалых людей. Посещавшие западные страны и наблюдавшие применение там каменного угля, они сообщали адмиралтейству Черноморского флота о наличии его в Донбассе.

Немало людей пытливых, увлекавшихся разведками недр, встречалось и среди казаков. Отставной казак Войска Донского Василий Горин организовал группу единомышленников для разведки полезных ископаемых. В 1780 году вместе с тульским оружейным мастером Федором Левыкиным, казаками Радионом Наумовым и Еремеем Шапошниковым они обнаружили по речкам Талой, Каменке и Нагольчике месторождения каменного угля, железной руды и свинца. В январе 1781 года образцы найденных руд и минералов они отправили в Москву и просили опробовать их.

Результаты опробования оказались хорошими. Каменный уголь и железная руда были качественными. Можно было приступать к промышленной разработке залежей. Право на эту деятельность было на стороне Горина и его компаньонов. Дело в том, что по Берг-привилегии 1719 года полезные ископаемые разрешалось добывать тем, кто их обнаружил даже в чужих землях. Однако преимущественное право на разработку предоставлялось владельцам земли. В 1739 году был принят новый акт – Берг-регламент.

Главное его значение состояло в том, что он объявил „ горную свободу „ полной, т.е. предоставлял право разрабатывать полезные ископаемые тому, кто их первым обнаружил, даже если это произошло на чужой земле.

Но землевладельцы были недовольны этим. Со временем их влияние в государстве все более усиливалось. Все настойчивее добивались они права владения недрами. Нередко землевладельцы осуществляли его явочным порядком. Так было и в этот раз. Атаман Войска Донского Иловайский запретил Василию Горину и Федору Левыкину вести разработку каменного угля и железной руды, а затем и вовсе арестовал разведчиков недр. Правда, самому Горину вначале удалось бежать. Находясь в Москве, он стал ходатайствовать об освобождении своих товарищей и разрешении им продолжать работы. В итоге и сам он был арестован в Москве. В конце-концов Горин был освобожден из-под стражи, а его товарищи Левыкин, Наумов и Шапошников высланы за пределы земли Войска Донского.

К тому времени притязания землевладельцев были поддержаны правительством. В 1782 году Екатерина II издала манифест о свободе промыслов. Землевладельцы объявлялись полноправными хозяевами как поверхности земли, так и ее недр, а горная свобода отменялась. В манифесте указывалось: „ Право собственности каждого в имени его распространяем и повелеваем разуметь, но не одной поверхности земли ими благоприобретенной или по наследству пришедшей, но и в самых недрах той земли и в водах, ему принадлежащих, на все сокровенные минералы и произращения их на все делаемые из того металлы.”

Одним из первых в этот период о залежах каменного угля в Донбассе сообщил морякам купец Иван Фурсов. В 1783 году он нашел месторождение каменного угля недалеко от села Белого в Бахмутской провинции и прислал в Таганрогский порт его образцы. Командование порта встретило это сообщение весьма заинтересованно. Вице-адмирал П.А. Кислицев писал в рапорте адмиралтейству, что открытие каменного угля позволит облегчить решение топливной проблемы, которую остро ощущали в Азовской губернии. Важно, что залежи угля, притом в большом количестве, находились на небольшом расстоянии от Таганрога – всего в 130 верстах.

Качество найденного угля тоже вполне удовлетворяло моряков. Вице-адмирал отмечал далее в рапорте, что „ уголье по сделанной в адмиралтейской кузнице пробенайдено годным к употреблению и притом преимущественно перед деревянным, которого против одного с половиною четверика каменного употреблять надо шесть четвериков. ¹

Однако в организации добычи угля здесь возникли серьезные препятствия.

Жители села Белого не только сами не приступали к разработке месторождений, но и препятствовали делать это другим. Поэтому вице-адмирал Кисливцев просил ходатайствовать перед Азовской губернской канцелярией, чтобы дело с разработкой угля решить так: „ежели те местные жители не пожелают сами заготовливать в казну, то дозволить тому купцу Фурсову добывать собственным коштом.“

Годом позже, 23 июля 1884 года, в контору Таганрогского порта явился Войска Донского отставной казак Иван Двуженов. Он объявил, что на речке Крепенькой в балке близ хутора войскового отамана Платова нашел „земляноеуголье довольно число“. Казак Двуженов предложил поставлять морскому порту из той балки, и из других мест по р. Миусу каменный уголь по 25 копеек за пуд. В Таганрог казак приехал не с пустыми руками. На пробу он „привезиз того найденного уголья до 84 пуд, который и приказано инструментальному мастеру Никонову в здешней кузнице опробовать.“

В конторе порта прикинули, что „земляное уголье“ будет дешевле и выгоднее применять, нежели древесное, и решили привезенный Двуженовым уголь принять. Ему выдали деньги по просимой цене.“

Командование порта просило коллегия адмиралтейства принять предложение отставного казака о поставке порту каменного угля.

Указ коллегии адмиралтейства, последовавший 11 декабря 1784 года, одобрял действия командования Таганрогского порта. Ему разрешили проводить заготовку каменного угля для Черноморского флота. Важному делу был дан ход. Контора Таганрогского порта 8 февраля 1785 года подписала договор с Иваном Двуженовым. Казак обязался поставлять каменный уголь в порт за свои средства, как было сказано в документе, не требуя наперед от казны ничего.“

Договором предусматривалось, что Двуженов поставит в порт 3 тысячи пудов каменного угля по 20 копеек за пуд. В балках на речке Крепенькой, притоке Миуса, закипела работа. Донские казаки вовлеченные Двуженовым в дело, ломали уголь, возили его в Таганрог. Капитан Скорняков сообщал позже, что весь уголь казак Двуженов поставил в порт, деньги ему выданы сполна и „уголье все употреблено в дело.“

Так началась заготовка каменного угля для Черноморского флота, а с ней и новый, третий этап открытия каменного угля в Донбассе.

Потребности Черноморских портов в топливе постоянно росли. С 1791 года командование флота решило резко увеличить заготовку каменного угля в Донецком бассейне.

После выхода в отставку вице-адмирала П.А. Кисливцева генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин поручил М.Л. Фалееву, который занимался строительством Николаевского порта и кораблей, с целью поиска каменного угля и

и других полезных ископаемых организовать изучение недр. По его инициативе была создана горная экспедиция военно-морского ведомства. В состав ее вошли профессор М.Г. Ливанов, коллежский ассесор Н.Ф. Аврамов, М.И. Афонин.

Поиски полезных ископаемых они начали в Донецком уезде * из района с. Белое, о котором сообщалось уже ранее купцом Фурсовым, в нижнем течении речки Белой, правого притока Лугани. Отсюда экспедиция расширяла район исследования недр, продвигаясь вверх по течению речки Белой. Результаты поиска оправдали их ожидания. Здесь были открыты новые месторождения каменного угля.

Значительная работа по исследованию недр и разработке каменного угля в 1791 году была проведена Аврамовым в районе деревень Селезневки и Андрианополя, принадлежавших секунд-майору Яковлеву. В архивном деле „Описание приисков каменного угля и мрамора в д. Селезневке и Андрианополе сказано, что в Селезневке против господского дома по течению речки Белой на левой стороне открыт пласт от этого места на левой стороне р. Белой в одной версте и 200 сажнях. Его мощность от 6 вершков до 1¹⁴ аршина. Далее сообщалось, что в том районе уголь Аврамовым открыт в шести местах.

Недалеко от Селезневки была расположена другая деревня помещика Яковлева – Андрианополь. О ее месте расположения в документе сказано: в шести верстах при речке Мечетной. После описания хозяйственных строений этой дачи коллежский ассесор Аврамов отметил: „кругом есть уголь“.

Среди сообщений о находках каменного угля стала все чаще упоминаться речка Белая. Это уже знакомая нам речка. Лишь несколько изменилась ее название. В середине 18 века ее называли Белой Луганью, а еще раньше, в начале века – речкой Беленькой. Это та самая беленькая, на берегах которой в конце 1721 года Никита Вепрейский и Семен Чирков впервые в Донбассе открыли каменный уголь, а в 1722-23 годах разрабатывали его для Бахмутских кузниц. В декабре 1724 – начале января 1725 годов они показывали здесь, верстах в четырех-пяти месторождение каменного угля Йогану Никсону, и тот дал ему высокую оценку. А в 40-х годах 18 века на Беленькой побывали И. Морозов, У. Г. Райзер и другие.

Теперь, когда наступил третий этап открытия каменного угля в Донбассе, исследователи недр бассейна снова, в третий раз, проходят по речке Белой – Беленькой. Правда, в 1774 году здесь побывала экспедиция академика Гюльденштедта. Однако она только зафиксировала общеизвестный факт наличия каменного угля на речке Белой Лугани и в балке Скелеватой, не

проводя никакой работы по выявлению новых залежей угля или исследованию уже известных. Да она и цели такой перед собой не ставила.

Поиски угля продолжались и в других местах. Капитан Иван Скорняков сообщал в рапорте в адмиралтейство 20 августа 1791 года, что им „ в Донецких Дачах найден способный к доставлению в Таганрог земляной уголь ”... Вместе с рапортом Скорняков отправил „ восемь пудов угля для пробы. 4 Точного места, откуда он брал каменный уголь, И. Скорняков не указал. Присланный им уголь был опробован. Качество его оказалось высокое.

Через месяц после рапорта капитан Скорнякова, 21 сентября 1791 года князь Потемкин предписывал М. Л. Фалееву: „ Найденного капитаном Скорняковым в Донецких дачах земляного угля, которое по пробе оказалось годным к употреблению при адмиралтействе, прикажите заготовить до ста тысяч пуд и доставить в Таганрог 5.”

Во избежание препятствий со стороны местного населения Потемкин предписал атаману Войска Донского генерал-порутчику Иловайскому оказывать капитану Скорнякову всяческое содействие в организации разработки месторождений. Тут же решался вопрос и о рабочих. Для добычи угля Потемкин приказал в распоряжение И. Скорнякова „ отпустить из состоящих в Таганроге каторжных невольников сорок человек”.

Из документов видно, что в указанных местах разрабатывались угольные пласты, выходящие на поверхность.

Добыча производилась открытым способом. Горный специалист Аврамов в рапорте обер-штер-кригс-комиссару М. Л. Фалееву сообщал 21 сентября 1791 года, что с 17 июля, со дня прибытия первых работников, по 1 сентября того же года в горе добыто угля лучшей доброты до 12 тысяч пудов.” „ А после этого, если повелено будет добычу производить через всю зиму, необходимо уже будет разрабатывать штольнями 6.” Переход к разработке угля штольнями Аврамов объяснял тем, что пласт уходит вглубь, а „ „ снимать толстый слой земли и камня сверх угля лежащих ” делать вскрышу, он считал убыточным.

Для организации добычи угля штольнями требовалась серьезная подготовка, имелась нужда и в специалистах. Н. Ф. Аврамов указывал, что „ потребны будут горные служители”.

При копиях он предлагал построить сарай для угля. Кроме того, Аврамов просил прислать из Бахмута землемера для сочинения плана местоположения угольных копей и рудных приисков.

Селезевка, видно, очень понравилась Аврамову. Еще раньше, в июле,

сделав описание села и помещичьего имения, он настаивал на необходимости организовать здесь лабораторию, просил прислать лаборантов, приборы, пробирную печь с принадлежностями.

По своему времени Н.Ф. Аврамов, несомненно, был знающим специалистом горного дела. Он пользовался доверием адмиралтейства Черноморского флота. Не без его влияния М. Л. Фалеев посетил Селезевку и другие окрестные места на речке Белой. После возвращения он докладывал Потемкину, что посылает на его рассмотрение найденные там профессором Ливановым золотистые кварцы. Фалеев высоко ценил мнение Аврамова, который Донбасс по природным богатствам сравнивал с Сибирью. Фалеев писал Потемкину: „Горных дел ассесор Аврамов, живущей на даче капитана Яковлева, почитает места тамошние новой Сибирью, и все руды признает богатыми, а особливо железную”. Я поручил ему между тем, пишет далее Фалеев, открывать больше угля и руд, а притом по поверхности оных мрамор лежащий ломать... для отделки и строения?...”

Аврамов имел гражданский чин восьмого класса – коллежский ассесор, что в свое время по табелю о рангах соответствовало воинскому званию майора, а морскому – капитан-лейтенанта. Вскоре Потемкин в одном из своих писем назвал его надворным советником. Это значит, что Аврамов был повышен в чине.

Осознавая острую потребность юга России в топливе, Аврамов наметил целую программу поисков и разработки каменного угля в Донецком бассейне. В одном из рапортов он указывал: если повелено будет разрабатывать найденный в Донецком уезде каменный уголь, то добывать его надо „ по горным правилам, с надлежащим горе креплением. Вместе с тем он предлагал искать каменный уголь в других местах Донбасса. Для осуществления этих работ он просил прислать ряд специалистов, в том числе „ инженера, который бы знал крепление гор”, двух унтер-штейгеров, 24 рудокопов, 2 плотников и 2 кузнецов с инструментами. К своей просьбе он приложил список необходимых орудий труда и инструментов для оборудования лаборатории. В Селезевке и окрестных селениях на речке Белой в то время добывалось немалое количество угля. Как отмечено выше, только с одного пласта за полтора месяца было добыто около 12 тысяч пудов угля. А всего в Селезевке с 17 июля по 8 ноября 1791 года было добыто 41680 пудов угля.

В угольных копиях, где добывалось топливо для Черноморского флота, не было постоянных рабочих. На речку Крепенькую для разработки месторождения, найденного капитаном Скорняковым, по приказу Потемкина было отправлено 40 каторжников. В Селезевку и другие населенные пункты

по указанию губернатора присылали на разработку каменного угля жителей различных сел Бахмутского и Донецкого уездов.

В деле о добыче и перевозке каменного угля мы видим списки жителей многих сел, откуда направлялись они в Селезневку. Беглый подсчет показал, что в течение короткого времени в угольных копях работали из села Нижнее 122 человека, из Вышнего (Верхнего) — 18, из Приволья — 22. В числе добывающих для Черноморского флота уголь были крестьяне Серебрянки, Кременного, Троицка и других сел. Добыча угля в это время обходилась в $2\frac{3}{4}$ копейки за пуд.

Над крестьянами, присылаемыми в угольные разработки, ставились надзиратели. Екатеринославский губернатор писал М. Л. Фалееву: „Предложил я бахмутскому коменданту Утину об откомандировании из Бахмутского гарнизона шести унтер-офицеров или рядовых к г-ну коллежскому ассесору Аврамову для надзирания за производимыми горными работами”⁸

Добываемый в Донецком уезде и в Земле Войска Донского каменный уголь использовался не только в Таганрогском порту. Вскоре его стали доставлять морским путем в новые порты — Херсон и Николаев, которые быстро развивались и требовали все больше каменного угля на топливо и для портовых и заводских кузниц. Однако доставка туда была сопряжена с рядом серьезных трудностей. Уголь в пути приходилось несколько раз перегружать с малых речных судов на морские и снова на речные. Да плюс погрузка и выгрузка. В результате он дробился, измельчался, превращаясь в труху. Следствием этого были большие потери.

Все это заставляло искать новые пути доставки угля в Херсон и Николаев. Было принято решение из Селезневки и других разработок перевозить его подводами в порт Кичкас на Днепре, а оттуда речными судами в Херсон и Николаев. В этом случае производилась лишь одна неизбежная перегрузка.

Вскоре этот более предпочтительный путь стал интенсивно использоваться для доставки угля в Херсон и Николаев. Из ведомости об отправленном коллежским ассесором Аврамовым угле видно, что только с 12 сентября по 5 октября 1791 года из дачи помещика Яковлева в порт Кичкас на Днепре было отправлено восемь транспортов в составе 267 фур. На них погружено 15335 пудов угля для черноморских портов.⁹

Судя по рапорту бригадира флота Овчина М. Л. Фалееву 14 октября 1791 года, в порт Кичкас было доставлено 1323 пуда угля на 22 фурах из слободы Ящиково, принадлежащей секунд-майору Штеричу, и слободы Большой Александровки — вотчины генерал-порутчика Иловайского. Слобода Б. Александровка, вероятно, и есть то место, где нашел уголь Иван Скорняков.

А слобода Ящиково расположена на речке Белой, верстах в пяти выше Селезневки. Именно здесь в 20 годах 18 века, как и в балке Скелеватой, впервые в Донбассе был открыт каменный уголь.

Все-таки и этот путь не мог полностью удовлетворить организаторов добычи угля. Село Селезневка, где производилась разработка запасов угля, слишком далеко лежало от порта Кичкас. Поэтому предпринимались попытки найти залежи каменного угля ближе к Днепру.

По приказанию Екатеринославского губернатора Коховского надворный советник Аврамов в поисках новых месторождений каменного угля поздней осенью 1792 года совершил поездку по берегам Северского Донца. Она завершилась удачей. Аврамов открыл месторождение каменного угля на земле крестьян села Верхнего, в урочище Лисья балка. Этому месторождению суждено было сыграть важную роль в начале промышленной разработки каменного угля в Донбассе.

Сам Аврамов в рапорте Коховскому 4 декабря 1792 года об этом писал так:

„... Ездил я за прииском каменного угля по берегу реки Донца, начав от Серебрянки, вниз по течению до села Вышнего. И сколько нынешнее холодное время позволило, старался делать по примечаниям разработки в разных местах. Напоследок при помянутом селе Вышнем, от оногo вверх по Донцу верстах в четырех в казенных к тому селу принадлежащих дачах, в боераке, называемом Лисичьим, найден мною слой каменного угля толщиной в аршин. В длину открыт шурфами на 25 сажень”.¹⁰

Далее Аврамов рассказывает, что ввиду снегопадов и заморозков разработку угля дальше невозможно было производить. Он взял здесь образцы каменного угля, послал их губернатору для пробы. Исследователь недр убедился в перспективности открытого им месторождения. Оно содержало большие запасы каменного угля. Об этом он судил и по толщине пласта, и по наличию в том же боераке в различных местах других пластов достаточной мощности.

Аврамов сам опробовал уголь. Качество его оказалось высоким. Об этом с удовлетворением отметил он в рапорте губернатору. „... Да уголь, — писал он, — по чинимому мною опыту оказался несравненно лучшей доброты, нежели тот, который открыт был в Донецком уезде при речке Белой”.

Выгоду месторождения угля в балке Лисьей Аврамов видел и в его положении. Оно находилось на берегу Северского Донца. Аврамов рассчитывал, что каменный уголь отсюда можно будет отправлять в приморские города по реке.

Поскольку уголь в Лисьей балке, как сообщал Аврамов, лежал на глубине

сажень семи, то добывать его он предполагал по горному правилу штольнями. А раз так, то потребуется лес для крепления. Лес, по данным исследователя недр, имелся в наличии совсем рядом, в одной версте от месторождения угля на противоположной стороне реки Донца. Он просил губернатора „купить оногу лесу на первый случай хотя десятин до трех в вырубку и нынешнюю зимою перевозить на те места, при которых добыча угля происходит будет. . .” Для заготовки леса требовалось до пятисот рублей.

В письме тайному советнику В. С. Попову от 20 декабря 1792 года губернатор В. В. Коховский высоко оценил факт открытия Аврамовым каменного угля в балке Лисьей. По уверению трех голандцев – Волана, фон-Платена и Ферстера, – писал он, присланное от Аврамова уголье есть лучшей доброты. Для опыта мы сами топили им печку. Губернатор просил командировать к Аврамову знающих горное дело людей.

Чтобы ускорить дело, губернатор не стал ждать повеления сверху, пока разрешат ему финансировать добычу угля в Лисьей балке. Он писал: „Требуемые им ныне 500 рублей отправлю моих собственных, дабы не потерять времени удобного в рубке лесов и перевозке их через реку по льду. При наступлении весны отправлюсь я в оные места, где посововетовавшись с г. Аврамовым, помыслию о способах к непрерывному производству добывания уголья и, сколь то быть может, без дальних казенных издержек.

В 1793 году, после значительной подготовки, в Лисьей балке начались работы по добыче угля. Однако первые шаги оказались неудачными. Пройденный шурф залило водой. Аврамов бросил угольные залежи в Лисьей балке и перешел немного ниже по Донцу, в район нынешней балки Осьмушной. Там, в балке Ореховой, он вскрыл залежавший на поверхности пласт угля и стал его разрабатывать.

Нельзя не обратить внимания на то, что в некоторых работах, и в частности в книге Е. О. Новик, В. В. Пермякова и Е. Е. Коваленко „История геологических исследований Донецкого бассейна,” стр. 58, допущены неточности и противоречия в освещении времени открытия и первых опытов разработки каменноугольного месторождения в урочище „Лисья балка.” А главное – авторы книги, пользуясь неверными данными, без всяких на то оснований лишают Н. Ф. Аврамова приоритета на открытие месторождения каменного угля в этом районе. Напомним, что Г. Капустин никогда не был в районе нынешнего Лисичанска, как и вообще на территории Бахмутского уезда. На вопросы: когда, кем и при каких обстоятельствах был открыт уголь в Лисьчей балке, с исчерпывающей полнотой отвечает приведенное выше донесение Н. Ф. Аврамова В. В. Коховскому.

В начале 90-х годов 18 века было открыто несколько месторождений каменного угля в Донбассе. Одно из них связано с именами помещиков

Штерича и Шевича. Было это так.

Весной 1791 года Кубанский корпус русской армии шел с зимних квартир через Донецкий бассейн на Кубань для соединения с Кубанской армией. Владимирский драгунский полк этого корпуса некоторое время стоял в деревне Ивановке Донецкого уезда – на юго-востоке Донбасса. Квартирмейстер этого полка А. А. Вержель, немец, увидел в степи выход на поверхность каменного угля. Находясь еще в Германии, он видел уголь, знал о его применении. О своей находке он сообщил владельцу земли помещику П. Штеричу. Уголь в те дни найден и во владениях соседнего помещика Шевича.

Зная о законе, в силу которого нашедшие полезные ископаемые поощряются, помещики сообщили о находке каменного угля горному ведомству. В итоге они получили солидное вознаграждение, а их имена стали упоминаться в статьях в числе тех, кто открыл уголь в Донбассе.

А. А. Вержель оказался обойденным. Узнав об этом лет через семь, он из Копенгагена написал в Петербург письмо, в котором просил правительственные органы восстановить справедливость и вознаградить его. Письмо было передано на заключение Карлу Госкоину. Он сообщил в Берг-коллегию, что в то время, по его мнению, уголь уже широко был известен местному населению. Получил ли Вержель вознаграждение – неизвестно. Зато из его письма стало ясно, как Штерич и Шевич в своих имениях открыли уголь.

4. ПЕРВЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД О ДОНЕЦКОМ БАССЕЙНЕ

В середине 90-х годов 18 века в Донецком бассейне стали известны многие места, где был открыт и разрабатывался каменный уголь. Все шире применялся он в качестве топлива. И не только в быту. К этому времени относятся и первые попытки использовать каменный уголь в промышленности. Обо всем этом можно узнать из рукописного труда специалиста того времени и патриота Ивана Бригонцова „На существенную пользу внутренней государственной экономии”.

Это первое отечественное сочинение о Донецком бассейне, о разработке и применении каменного угля заслуживает того, чтобы о нем знали не только горняки. Труд Бригонцова имел длинный подзаголовок: „Руководство к познанию, разрабатыванию и употреблению каменного угля с показанием и изложением тех мест России, где оный преимущественно находится нужен к замене и вознаграждению недостатков в лесе. Написано Иваном Бригонцовым в Екатеринославе 1795 года”. Этот труд был адресован генерал-губернатору Новороссии П. А. Зубову, последнему фавориту Екатерины II.

Рукопись труда Бригонцова содержит пять глав. В первой речь идет о свойствах каменного угля. Вторая посвящена разделению горных пород. В третьей рассказывается о способах поисков каменного угля. В четвертой главе автор дает советы, как разрабатывать месторождения каменного угля. Пятая посвящена применению каменного угля.

Иван Бригонцов – специалист широких взглядов. При освещении темы он исходит из общегосударственных позиций. „Главная выгода от разработки каменных угольев, – утверждает он, – состоит в сбережении леса”. Особенно выгодно, по его мнению, использовать уголь в южном, безлесном крае. Он пишет: „Край Екатеринославской губернии и вновь открытой Вознесенской по своему малолесию ощутят преважные пользы от открытия в первой из них в разных местах каменных угольев”.

Далее он перечисляет ряд населенных пунктов Донецкого уезда, где в изобилии имеется каменный уголь. Это села Белое, Ольховое, Николаевка, Селезневка, Штеровка, Ящиково, Лозовая, Поповка, Красный Кут, Петровское.

Выделяя в Бахмутском уезде село Третью Роту (Верхнее), И. Бригонцов пишет: „Также в Бахмутском уезде в Третей Роте, где уже добыто было несколько тысяч пудов каменного угля отвалом через Таганрог морями Азовским и Черным в Херсон и Николаев. Такое же разрабатывание оно не правильно производится на речке Крепенькой, где в одной горе открыты два слоя угля, из коих один особенной плотности. Толщина угольных слоев во всех сих местах простирается от одного до трех с половиной футов.

О пользе снабжения каменным углем Херсона и Николаева Бригонцов говорит с чувством патриотической гордости. В развитии этих портов он видит важное условие для усиления России на Черном море. Думает Бригонцов и о том, чтобы организовать разработки каменного угля вблизи от Днепра и тем сократить дальние его перевозки. „Не в так дальном от губернского города Екатеринослава расстоянии находятся каменные уголья в Павлоградском уезде в селе Гродовке на речке Журавке, Святогородке, Экономической и еще в другом месте на речке Грусской и в Липовом буераке. Близость сих мест от Днепровской пристани Кичкасы, ниже порогов, заменить может дальнюю перевозку каменного угля морями Азовским и Черным”.

Автор подчеркивает, что добыча угля не является теперь уже новым или малоизвестным делом, она настолько усовершенствована, что все препятствия или затруднения, возникшие при разработке угля, могут быть разрешены изобретенными средствами.

Рассказывая о добыче каменного угля, И. Бригонцов называл различные

системы разработки каменноугольных пластов, которые тогда применялись. Он пишет: „Пройдя шахтами отвесной угольный слой, разрабатывают две его стороны штреками. Если же имеются сверх одного угольного слоя еще другие позади или впереди главного, то есть, преимущественно заслуживающего разрабатывания, то к ним проводят штреки, и также разрабатывают, стараясь препятствующую работе воду отводить по штольням. Где для стечения горной воды проведены штольни, так и насосы не имеют нужды поднимать воду к устью водоемного шахта, а только до штольни. Впрочем, при отвесных угольных слоях употребляют вспомоществующие средства те же, что и при горизонтальных”.

Рассказывая о способах поисков каменного угля, И. Бригонцов основное внимание уделяет бурению. Он подробно описывает различные способы подъема добытого угля на поверхность, прием вентиляции шахт, борьбы с загазованностью. Для подъема угля и породы из шахты, а также для отлива воды, Бригонцов рекомендует при большой глубине применять паровую машину.

В то время, естественно, большое значение придавалось использованию каменного угля. Бригонцов тоже не обошел этот важный вопрос. Указывая на многие отрасли, где возможно применение каменного угля, он писал: „Нет ни одного искусства или мастерства, где б нельзя было употребить тот или другой род земляных или каменных угольев. Бессмысленно было бы там истреблять лес, где есть каменный уголь, или где его удобно со сходною ценою иметь можно, в кузнечном и слесарном деле, на поташных и селитряных варницах, мыловарнях, винокурнях, пивоварнях, красильнях, при масляных и бумажных мельницах, при шляпном деле, в горшочных, фаянсовых, фарфоровых и трубочных печах, на обжигании извести, кирпича и вообще на всех тех заведениях, в коих нужно только действия огня”.

По свидетельству Бригонцова, жители многих безлесных мест применяют каменный уголь для отопления вместо дров в виде брикетов. Для этого они угольную мелочь смешивают с глиной, делают брикеты. Он описывает устройство печи под уголь в домашних условиях, а также на различных промыслах, показывает более высокую эффективность применения каменного угля по сравнению с дровами.

Много лесов в то время истреблялось для металлургического производства. Бригонцов в своей работе доказывает, что для металлургических процессов с успехом можно применять каменный уголь. Он подробно описывает процесс коксования каменного угля. „Железные руды, выплавляемые углем, писал Бригонцов, – дают превосходных доброт чугунов для отливок всех вообще военных орудий, снарядов и других. . . вещей”.

Труд Ивана Бригонцова свидетельствует о том, что среди специалистов России конца 18 века были люди, способные изучить и обобщить положение в горном деле Донбасса, дать обоснованные рекомендации практикам. Сам он работал на чулочной фабрике в Екатеринославе и сконструировал там печь для действия на каменном угле. Так что к тому же он являлся пионером применения донецкого каменного угля в промышленных целях.

5. НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОЙ РАЗРАБОТКИ КАМЕННОГО УГЛЯ В ДОНБАССЕ

Молодому Черноморскому флоту каменный уголь на первых порах требовался для отопления помещений и применения в кузницах вместо древесного. Дальнейшее развитие флота выдвинуло новые требования. Он нуждался в вооружении. Поэтому с открытием экспедицией Черноморского флота залежей каменного угля и железной руды в Донбассе было решено на юге России построить литейно-пушечный завод. Определение наиболее выгодных месторождений каменного угля и железной руды, выбор места будущего завода, и составление плана его строительства было поручено статскому советнику Карлу Госкойну.

Новороссийский генерал-губернатор граф Зубов 21 июля 1794 года писал по этому поводу:

„Для осмотра железных руд и каменного угля, найденных Екатеринославского наместничества в Бахмутском уезде, для испытания доброты того и другого, для составления плана о учреждении завода для снабжения орудиями и снарядами как флотов Черноморских, так и крепостей в тамошнем крае лежащих, ея императорское величество позволить благоволила отправиться туда на три месяца господину статскому советнику и кавалеру Госконю”.¹

К. Госкоин* был выходцем из Шотландии. При поступлении на службу русскому государству именованным императорским указом от 2 октября 1786 года ему была дана инструкция – искать местную огнеупорную глину и делать из нее огнеупорный кирпич, чтобы заменить ими привозные из Англии, совершенствовать плавку железа, способствовать изобретению машин.²

Некоторые исследователи прошлого века склонны были преувеличивать

* В документах его фамилия писалась: Госконье. Затем она трансформировалась, стали писать – Госконий, потом Госкоин.

роль К. Гаскойна, приписывая ему открытие каменного угля в Донбассе. В. Домгер в „Кратком очерке истории геологии Донецкого каменноугольного бассейна” (Харьков, 1881 г.), сообщив, о находке каменного угля капитаном Скорняковым и козаком Двуженовым на землях Войска Донского, писал: „В это же самое время в Екатеринославской губернии подобные же открытия были сделаны англичанином Гаскойном сначала по р. Белой, а потом в Лисичьей балке. . . (стр.13). На самом деле право открытия угля Гаскойну не принадлежит. Он и сам не претендовал на открытие.

В то время, когда ему поручили обследовать местность и организовать строительство литейного завода на юге страны, Госкоин состоял директором Олонецких металлургических заводов. Приехав в бассейн Северского Донца в начале лета 1794 года, Карл Госкоин ознакомился с местностью в нижнем течении реки Лугани, нашел удобным именно здесь построить Екатеринославский литейно-пушечный завод, который позже назовут по имени речки Луганским. Он осмотрел ряд месторождений полезных ископаемых, сведения о которых получил от горной экспедиции Черноморского флота, побывав в селе Белом и решил отправиться вверх по Северскому Донцу.

В одном из писем Госкоин рассказывал следующее. Ехал он вдоль берега Северского Донца. В трех верстах от села Третья Рота, вверх по течению, увидел команду Аврамова. В балке Ореховой она добывала каменный уголь, пласт которого выходил на поверхность и был обнажен на расстоянии 50 сажень. Этот пласт Госкоин назвал „воноющим”. До балки Лисьей, где Аврамов в конце 1792 года открыл каменноугольное месторождение, осталось полторы-две версты.

Разумеется, Аврамов исходивший эти места за два года вдоль и поперек, стал первым гидом Госкоина по прилегающим местам.

Так Карл Госкоин ознакомился с балкой Лисьей, глубоко разрезавшей крутой, гористый берег Донца, с живописными окрестностями урочища, с его подземными богатствами. Эти необычные места сразу привлекли, глубоко заинтересовали его. Не последнюю роль сыграл тут и сам Донец, который виделся ему как транспортная артерия для доставки угля на будущий завод.

Не лишне напомнить здесь границы села Верхнее (Третья Рота). На юго-западе его земли межевали с владениями с. Александровки. Затем по р. Верхней Беленькой граница шла с деревней Меловой (Секменевкой) на северо-восток до оврага Рязанцева. Повернув на северо-запад, она пошла по оврагу Рязанцеву, далее по Исаевой балке. С вершины Исаевой балки, оставляя на западе земли села Рубежного, прямой линией шла она до упора

в Северский Донец, образуя с рекой острый угол. Оттуда, с северной точки, граница земли Верхнего, круто повернув, шла вниз по Донцу. Перед селом Белая гора она совпала с Семкиным яром. Затем поворот на запад, через вершины оврагов Жиломчина и Станковича выходила до межи с землей с. Александровки. Следовательно, селу Верхнему принадлежали земли, где были расположены Лисья балка, Дурной яр, Осьмушина балка. Никаких поселений в то время здесь не было. Вскоре эта местность получит широкую известность.

Карл Госкоин писал директору берг-коллегии Соймонову: „В окружности 3-й Роты по берегам Донца уголь каменный показывается в разных местах на поверхности земли”. И далее: „Расположение поверхности земли и многие приметы угольные в сей окружности побудили меня зачать прииски и разработку в сем месте предпочтительно другим, которые хотя и были ближе к Луганскому заводу, но не представляли столь хорошей надежды. Все поныне сподобствовалось моему желанию. Я нашел некоторые новые слои в сей окружности при Лисьем Буераке”.³

Свое мнение, полученное в результате ознакомления с месторождениями каменного угля и железной руды в Бахмутском и Донецком уездах, Госкоин доложил генерал-губернатору Новороссии Зубову и Берг-коллегии. Его предложение построить литейно-пушечный завод на речке Лугани и открыть разработки каменного угля в балке Лисьей на земле с. Верхнее (3-я Рота) было принято высшими инстанциями. В итоге появился Указ Екатерины II от 14 ноября 1795 года „Об устронении литейного завода в Донецком уезде при речке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля”.⁴

В соответствии с этим указом на речке Лугани был построен литейный завод – первое на Юге России металлургическое предприятие. Для обеспечения Луганского казенного завода каменным углем на земле села Третья Рота (Верхнее) возле балки Лисьей была заложена шахта. Это была первая шахта Донбасса, положившая начало промышленной разработки каменного угля в бассейне. В апреле 1796 года она дала первый уголь.

Первая шахта была обозначена номером один. Выемка угля велась посредством горизонтальных ходов. С удалением выработок от ствола естественная вентиляция все более затруднялась. Тогда рядом проходили новую шахту. Уже с первых лет уголь на руднике добывали одновременно с двух-трех шахт. Каждая из них имела свой порядковый номер. Лишь с 30-х годов XIX века крупным шахтам стали присваивать имена.

О росте добычи каменного угля на первом руднике Донбасса директор завода Карл Госкоин писал Соймонову: „Честь имею представить Вашему

высокопревосходительству краткий счет о каменном угле добываемом при 3-й Роте в Луганском заводе по 3 число сентября 1798 года.⁵

Годы	Добыча угля	Пуды	Фунты
1796	Добыто каменного угля	13142	39
1797	”- ”- ”-	127018	10
1798	”- ”- ”-	190306	–
Итого:		330464	9

До 1802 года каменноугольный рудник в Лисьей балке был единственным предприятием угольной промышленности в Донбассе и в стране в целом. За первое десятилетие своей деятельности он выдал 2 миллиона 200 тысяч пудов угля.⁶ В 1799 году здесь был получен первый в стране кокс.

Первыми шахтерами, добывавшими здесь уголь, были бывшие работные и мастеровые Липецкого и Александровского металлургических заводов. Жили они в селе Верхнее, разрабатывали каменноугольное месторождение, в то же время из хвороста, глины и камня-известняка строили казармы и землянки, затем переселялись туда. Так руками самих горняков был заложен первый в стране шахтерский поселок – будущий Лисичанск.

По сообщению смотрителя угольной ломки Адама Смита в Лисичьем буераке в числе первых жилых зданий „было построено 10 казарм из дикого камня с тесаными углами вышиною 10 футов и 6 дюймов, длиною 42 фута, шириною 14 футов”. В казарме было шесть окошек и одна дверь.

Первое шахтерское поселение долгие время не имело определенного названия. На планах и в переписке его часто именовали селением мастеровых, а предприятие называли угольной ломкой при Третьей Роте. Об этом свидетельствуют первые планы рудника, рапорт директора горного ведомства царю.

На основе донесения Госкоина директор Берг-коллегии Соймонов 18 января 1798 года докладывал императору Павлу I о начале разработки каменного угля, о том, что построены „казармы для ста работников, действуют кузнецы и прочие цехи.” Остаток неиспользованного на заводе угля на сумму 8 тысяч 717 рублей, образовавшийся на 1 сентября 1797 года, решили реализовать Черноморскому флоту, а также объявили вольную продажу

всем местным селениям, кузнецам, известковым и винокуренным заводам по 4 коп. за пуд. Предполагалось также восстановить Бахмутские и Славянские соляные варницы, остановленные в 1782 году из-за дороговизны дров. В связи с этим количество шахтеров в угольной ломке при Третьей Роте решено было увеличить до 250 человек. Но для содержания рудника и довольствия рабочих требовалась земля. А так как угольная ломка, как тогда называли рудник, находилась на земле казенного села Верхнее (Третья Рота), то Соймонов предложил для „...угольной ломки уделить из земли, состоящей при казенном селении именуемой Третья Рота по пятнадцати десятинам на каждого“.

Павел 1 27 января того же года повелел Сенату осуществить предложения, внесенные директором Берг-коллегии. Однако предполагаемое количество шахтеров не набрали. Поэтому от земли крестьян с. Третья Рота было отрезано только 1200 десятин и передано казенному руднику (угольной ломке).

В 1801 году в поселке мастеровых угольной ломки уже было 19 казенных домов и казарм, 3 казенных землянки, 22 собственных дома и 7 личных землянок. В них проживало 556 человек, в том числе 162 мужчины, 149 женщин и 245 детей.⁷

На первом руднике Донбасса благодаря усилиям шахтеров получило значительное развитие горное дело. Здесь совершенствовались приемы и методы добычи угля, зародилось и развивалось отечественное горное искусство. Здесь было положено начало формированию одного из ведущих отрядов рабочего класса страны – шахтеров.

Наряду с разработкой, шахтеры рудника в Лисьей балке принимали участие в дальнейшей разведке каменноугольных залежей в Донбассе, в поисках новых месторождений угля во многих других районах страны. На рудник дважды в начале 19 века приезжал горный специалист, будущий академик Е. П. Ковалевский, изучал геологию края. В результате своих исследований он составил первую геологическую карту северных районов Донбасса. Возвышенной части бассейна Е. П. Ковалевский дал название – Донецкий кряж.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ архивных документов показывает, что процесс открытия каменного угля в Донбассе продолжался в течение почти всего 18 века, с 1721 по 1796 год. Это был настоящий коллективный подвиг многих сотен и тысяч людей, представителей многих классов и сословий России, людей целеустремленных, ищущих, самоотверженных. Закончился процесс открытия угольного бассейна промышленной разработкой угля в урочище Лисья балка, где в 1795 году была заложена первая шахта Донбасса.

В этом процессе можно выделить три этапа.

ПЕРВЫЙ ЭТАП – 1721-1725 ГОДЫ.

В 1721 году Никита Вепрейский и Семен Чирков впервые в Донецком бассейне открыли каменный уголь близ Бахмута – в балке Скелеватой и на речке Беленькой, ныне Бѐлой, правом притоке Лугани. Образцы угля и руд они отправили в Камор-коллегию, в ведении которой находился Бахмутский солепромысел.

20 января 1722 года президент Камор-коллегии Голицын переслал уголь и руды в Берг-коллегию – горное ведомство того времени. Этот факт, документально зафиксированный Берг-коллегией, отразил результаты первого открытия каменного угля в Донбассе.

В 1722-1723 годах Н. Вепрейский и Чирков организовали разработку открытого ими каменного угля, использовали его в Бахмутских казенных кузницах. Об этом в январе 1724 года они доносили Петру Первому.

Первый этап открытия каменного угля в Донбассе закончился обследованием каменноугольных месторождений на речке Беленькой (ныне Белой) и в балке Скелеватой экспедицией Иогана Никсона, которая побывала здесь в конце 1724-начале 1725 годов. Она подтвердила наличие названных месторождений в этом районе, Никсон отметил перспективность месторождения на речке Беленькой. Прогноз, данный месторождению, подтвердился на практике. Уже в 90-х годах 18 века здесь стали добывать уголь для Черноморского флота. В наше время здесь действует несколько шахт.

В восточной части Донбасса, в районе Кундрючьих городков на Оленьих горах (в пределах нынешней Ростовской области) в 1722 – 1723 годах предпринимал попытки найти каменный уголь Григорий Капустин. В 1722 году он привез руду. Каменного угля в этот раз не привез. Из второй поездки, которая продолжалась с января по апрель 1723 года, Г. Капустин привез три пуда угля и образцы руд. Однако при опробовании привезенный уголь оказался низкого качества. Этим и исчерпывается вклад Г. Капустина в открытие каменного угля в Донбассе.

В Бахмутской провинции Г. Капустин никогда не был, не посетил он ее и в составе экспедиции Никсона. Из села Белогорья, где вопреки его утверждению угля не оказалось, Капустин вернулся в С.-Петербург. Н. Вепрейского и С. Чиркова Капустин никогда не видел, ничего о них не знал, как и они не подозревали о существовании Капустина. Титул первооткрывателя каменного угля в Донбассе Капустину был приписан без всякого основания. В то же время всячески принижались заслуги действительных первооткрывателей каменного угля в Донбассе – Н. Вепрейского и С. Чиркова.

Умалять заслуги действительных первооткрывателей каменного угля в Донбассе и приписывать их Г. Капустину – по меньшей мере безграмотно. В этом не нуждается ни сам Капустин, ни тем более наша отечественная история.

Требуется более объективный подход и к оценке роли Никсона в экспедиции. Понимая, что приехал он в Россию с одной целью – заработать, при том как можно больше, что его знания были не столь высоки, как нам бы того хотелось, а его нравственность оставляла желать лучшего, мы все же не должны забывать, что Никсон кое-что знал об угле, как говорят, „ нюхал уголь ” и объективно, на уровне своего времени оценил месторождения каменного угля, которые ему удалось осмотреть. Время тому судья.

ВТОРОЙ ЭТАП – 40-е годы 18 века

В это время терсиские компанейщики Иван Морозов, Петр Кольцов и Иван Григорьев, а также бахмутские солевары прошли по тем же местам, что и их предшественники двадцатью годами раньше. Каменный уголь был обнаружен ими на речке Кундрючьей, в балке Скелеватой и на речке Беленькой, правом притоке Лугани. По просьбе Бахмутских солеваров и по заданию

Берг-коллегии Густав Ульрих Райзер провел детальное обследование месторождений каменного угля на речке Беленькой. В это время впервые была выдвинута идея применить уголь для варки соли.

ТРЕТИЙ ЭТАП ОТКРЫТИЯ КАМЕННОГО УГЛЯ В ДОНБАССЕ

Охватывает 80-е – 90-е годы. В это время расширяется территория поиска каменноугольных залежей, обследуются новые районы Донбасса. В деятельность по разведке недр включаются многие пытливые, предприимчивые люди. Если на первых двух этапах толчок к поискам угля дали Бахмутские солевары, то на третьем этапе поиски каменного угля проводились в интересах Черноморского флота.

В 1793 году купец Иван Фурсов сообщил морякам о найденном им угле вблизи села Белого Бахмутской провинции и привез в Тагонрог образцы каменного угля. Через год казак Иван Двуженов нашел „ земляное уголье ” вблизи хутора атамана Войска Донского Платова на речке Крепенькой и вскоре поставил в Таганрогский порт 3000 пудов угля.

В августе 1790 года капитан Скорняков нашел уголь на одной из дач в области Войска Донского. По указанию Потемкина с этой дачи было велено заготовить 100 тысяч пудов каменного угля для Черноморского Флота.

Работа по разведке недр Донбасса приобретает организованный характер. Была создана экспедиция Черноморского флота. В нее вошли профессор Ливанов, горный специалист Н.Ф. Аврамов, профессор М.И. Афонин, капитан Скорняков и другие.

В 1791 – 1792 годах надворный советник Аврамов развернул добычу каменного угля открытым способом в с. Селезневка на речке Белой и в окрестностях, организовал доставку его по Днепру в новые Черноморские порты Херсон и Николаев. В декабре 1792 года Н.Ф. Аврамов открыл новое месторождение каменного угля на берегу Северского Донца – в урочище „ Лисья балка ”.

Третий этап открытия Донбасса завершился началом разработки каменного угля в Донбассе. Этим он отличается от двух предыдущих.

В урочище „ Лисья балка ” на северных отрогах Донецкого кряжа была заложена первая шахта Донбасса. Она была и первой угольной шахтой в России. С нее началась систематическая промышленная разработка каменного угля в стране.

УТОЧНИМ МАРШРУТЫ

Ранее в нашей литературе неполно, а иногда и искаженно представлялась деятельность Н. Вепрейского и С. Чиркова, сильнопреувеличивалась роль Г.Капустина в открытии каменного угля в Донбассе. Поэтому некоторые маршруты экспедиций по исследованию недр Донецкого бассейна показывались неверно. В связи с этим есть необходимость уточнить маршруты экспедиций исследователей недр, места открытия каменного угля отдельными энтузиастами.

1. Места по речке Беленькой и в балке Скелеватой, где Н. Вепрейский и С. Чирков в 1721 году впервые в Донбассе открыли, а в 1722 – 1723 годах разрабатывали каменный уголь, используя его в Бахмутских казенных кузницах.

2. Маршрут первой поездки Г. Капустина на Дон (1722 г.) по заданию В. Лодыгина, из которой он привез только руду: С.-Петербург – Масква – с.Белогорье на Дону.

3. Маршрут второй поездки Г. Капустина на Дон, в казачьи городки на Оленьих горах (январь – апрель 1723 г.): С.-Петербург – Москва – с. Белогорье на Дону – Кундрючьи городки на Оленьих горах (в пределах нынешней Ростовской области).

4. Варианты маршрутов экспедиции Никсона в 1724 – 1725 г.г.:

а) Первоначальный (неосуществленный) вариант: С.-Петербург – Москва (Андреевский монастырь) – с.Белогорье на Дону – Кундрючьи городки на Оленьих горах – с. Петрово на Рязанщине.

б) Уточненный и дополненный вариант (осуществленный, за исключением Кундрючьих городков на Оленьих горах): С.-Петербург – Москва (Андреевский монастырь) – с. Петрово на Рязани – с. Белогорье на Дону – Кундрючьи городки на Оленьих горах – Бахмутская провинция (Беленькая, ныне Белая, балка Скелеватая).

в) Участие Г. Капустина в экспедиции Никсона: С.-Петербург – Москва (Андреевский монастырь) – с. Петрово на Рязанщине – с. Белогорье на Дону.

5. Места в Донбассе, где обнаружили каменный уголь в 1743 году. П. Кольцов, И. Морозов, Г. Феллов, а также бахмутские солевары, о чем сообщал Глебин: устье р. Кундрючьей, р. Беленькая, балка Скелеватая.

6. Маршрут экспедиции Г. У. Райзера в 1744 – 1745 году в Бахмутскую провинцию: С.-Петербург – Тор – Бахмут – р. Беленькая, Бахмут – Тор.

7. Места, в Донбассе, где был открыт каменный уголь в 80 – 90 годах 18

века: купцом И. Фурсовым в с. Белое в 1783 г.; казаком И. Двуженовым на речке Крепенькой в 1784 г.; капитаном И. Скорняковым в 1791 г. „ в Донецких дачах ”.

8. Месторождения каменного угля, открытые и разрабатываемые в 90-х годах экспедицией Черноморского флота во главе с надворным советником Н.Ф. Аврамовым: Селезневка, Адринополь, урочище „ Лисья балка ” на берегу Северского Донца возле села Верхнее (Третья Рота).

Х Х Х

Наш народ гордится первопроходцами, теми, кто в трудных условиях всегда первым шагнул навстречу будущему, проявляя смелость и мужество, выдержку и находчивость, а нередко и настоящий героизм. Они всегда служили образцом для подражания. Такими мы видим Вепрейского и Чиркова, таков Н.Ф. Аврамов и многие другие, кто немало сделал для того, чтобы богатства недр Донбасса поставить на службу человеку.

Все наши сегодняшние дела берут начало в прошлом, связаны с историей. И сегодняшний наш путь в будущее, несомненно, будет короче и легче, если мы будем лучше знать свое славное прошлое, чаще окидывать взглядом пройденный путь.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

ПЕРВЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ ОТКРЫТИИ КАМЕНЬЮГО УГЛЯ В ДОНБАССЕ

В Берг-коллегии выписка.

В прошлом 1722 году января 20-го дня в Берг-коллегию от президента государственной Камор-коллегии господина Галицына прислано для объявления разных руд для проб в двух бочонках да еще в бочонке земляного угля, которые де сысканы близ Бахмутских соляных заводов.

ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 71.

№ 2

Первые сведения о руде, которую нашел Г. Капустин.

По указу е. и. в. Берг-коллегия, слушав доношение рудоискателя Лодыгина, согласно приговорила:

О руде, которую нашел подъячий Капустин в Воронежской губернии в Острогожском уезде близ городка Середы за черкашным городком Белогородьем по реке Дону. И она руда из Берг-коллегии пробирным мастером Кашнеем Вейсом опробована. По пробе его явилось: она руда содержит центнер — один золотник серебра и три золотника золота. И из оной руды часть послать в Санкт-Петербург к ассесору Шлаттеру и велеть тое руды опробовать там же... и что по пробе явитца при сем в Берг-коллегию прислать ему, ассесору Шлаттеру, свое мнение... 13 ноября 1722 года

ЦГАДА, СССР, ф. Берг-коллегии, д. 91, л. 302 — 302 об.

№ 3

ПРИГОВОР БЕРГ-КОЛЛЕГИИ О ПОСЫЛКЕ Г. КАПУСТИНА НА ДОН, В КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ...

28 декабря 1722 г.

По вышеписанному е. и. в. имянному указу послать из Берг-коллегии на те места, из которых мест Лодыгин объявил каменное уголье и руду, подъячего, который был посылаем от него, Лодыгина, Григория Капустина и с ним солдата, а именно: на Дон, в казачьи городки, близ Кундрючьих городка в Оленьих горах, да в Воронежскую губернию близ города Середы под село Белогородье и велеть ему в тех местах оногo камня и руд копать в

глубину сажени три и больше и, накопав пудов по пяти, привести к Москве на ямских, а ежели ямских нет, на наемных. И чтоб в том копании в томашних местах ни от кого не токмо б помешания не было, вспоможение б чинили, о чем к губернатору Измайлову послать указ, а ему, Капустину, дать наказ и указ с прочетом, а в военную коллегию о посылке грамоты послать промеморию и дать ему для той посылки и скудности его имп. вел. жалования из Берг-коллегии от расходу пять рублей, да на наем работников и подвод десять рублей. Ему же и солдату дать до оных мест две ямские подводы, а от тех мест до Москвы давать им и под руды по три подводы. И на те подводы в оба пути выдать прогонные деньги по указу от расходу Берг-коллегии, а при возвращении ему, Капустину, об расходе тех денег подать реэстр с расписками.

ЦГАДА СССР, Ф. Берг-коллегии, оп. 1 д. 91, лл. 346-347

№ 4

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОЕЗДКИ Г. КАПУСТИНА НА ДОН, В КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ НА ОЛЕНЬИХ ГОРАХ.

А сего апреля 11 дня в обер-берг-амт при доношении оной Капустин руды объявил, которых по привозу явилось:

Угля каменного — три пуда;

Камня синего — 35 фунтов;

Руды признаку серебряной — 30 фунтов;

Золотой руды — пуд 5 фунтов.

И подписано на том доношении собственная рука Зыбина.

Из оных руд послано в Берг-коллегию по 5 фунтов да угля 1 пуд.

Да оным же его, Капустина, доношением об расходе денег, которым расписок не приложено, в расходе отказано. А именно, об копании угля и камня синего работным людям 15 человекам на 5 дней да об копании серебряной руды работным людям и на наем подвод 6 р. 5 д. Об копании золотой руды работным людям и на наем подвод 4 р. 27 д. Да из Москвы до Кундрючьих городка и до Оленьих гор и возвратно назад до Москвы прогонных денег на ямских подводах и на наем работников 15 рублей 27 алтын 4 деньги.

Сверх данных оной коллегией 20 рублей на расходы занял и задолжал. Излишние деньги издержал он, Капустин, 6 р. 26 алтын, 2 деньги.

Против е. и. в. указа, каков состоялся
в Берг-коллегии, повелено было выдал.

Подпись:
Канцелярист Василий Колесницкой

Примечание. На полях документа написано:
„По пробе золотой руды и серебряной содержат два золотника серебра и
золота, а прочие три руды ничего не содержат. Об уголье, что они годны, из
артиллерии еще ничего не получено”.

ЦГАДА, Ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 629
л. 27 об. 27, 1723 год.

№ 5

Сведения о качестве руд, привезенных Г. Капустиным.

И против сей пометы из вышеписанных пробных реэстров, что в них, в
пробах руд пробирных мастеров явилось разночисленного значится в
графах.

Звание руд и откуда браны	Те руды по пробам пробирных мастеров явилось		
В 722 году. Руда, которую объявил подъячий Капустин, взятая в Воро- нежской губ. близ гор. Середы за черкасским городком Белогородьем по р. Дону	По пробе в Моск- ве Вейса центнер содержит — один золотник серебра и три золотника золота.	По пробе в С. — Пе- тербурге И. Шлаттера. В пробе ни золота ни серебра, ни меди не содержится	По пробе мас- тера Альберта Тубера То же
Руда, взятая в Оленьих горах от гор. В. Кундрючья в 10 верстах.*	Центнер содержит 2 золотника сереб- ра и ползолотника золота	В пробе ничего не содержится	То же
Майя в 7 день 1723 г. При доношении присланы из Москвы берг-амт руды взятые в Воронежской губ. и найден- ные Капустиным. № 1. Руда, взятая с реки Дону.	По пробе Вейсовой	По пробе Шлаттера	По пробе Альберта Тубера
	Центнер содержит два золотника се- ребра да золотник золота.	В пробе ничего не содержится	То же

Звание руд и откуда браны

Те руды по пробам пробирных мастеров явилось

№ 2. Руда взята из Калинова буерака.	Сии три руды ни	В пробе ничего	
3. Жолтое уголье лежало в полувер- сте.	чего не содержат	нет	То же
4. Руда, взятая из-под камня сянего.			

ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, оп. 1.
д. 629, л. 39 об.

* Руда, взятая Г. Капустиным в январе 1723 года во вторую его поездку.

№ 6.

ЗАДАНИЕ М. РЕЭРУ НА ОПРОБЫВАНИЕ КАМЕННОГО УГЛЯ.

Сего 1723 июля 4 дня в протоколе написано:

Призвать в Берг-коллегию кузнеца Марка Реэра и дать ему для пробы
каменного уголья, которые сыскал на Донце подъячий Капустин, и велено
ему опробывать и что по пробе явитца, объявить в Берг-коллегию письмен-
но.

ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 29.

№ 7.

ОТВЕТ М. РЕЭРА О КАЧЕСТВЕ УГЛЯ ПРИВЕЗЕННОГО Г. КАПУСТИНЫМ.

Против упомянутого протоколу артиллерии иноземец кузнечный мастер
Марко Фреэр сказал: который земляной уголь дан ему опробывать, который
взят в Воронежской губернии в донских городках согласно доношением
подъячим Капустиным, и он, Фреэр, тот уголь обробовал. И по пробе яви-
лось, что от оногo угля действия никакого не показалось. Только оногo уголь в
огне трещит и только покраснеет, а жару от него никакого нет. И как вынеш
из огня, будет черно, как и первой. Разве в том месте буде оногo уголье
брать, а копать того места глубже. И не будет ли каков горно голонской
уголь, объявил он, мастер Берг-коллегии.

ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, ол. 1,
д. 629, л. 29 об.

№ 8.

Из кабинета е. и. в. в Берг-коллегию.

По указу е. и. в. вызваны из Англии через Вице-адмирала господина Гордона мастера, которые ищут земляное уголье, а именно: Георгий Никсон, Джон Маршал, Томас Краувин, Томас Кларк, Вилли Пирсон. Итого пять человек, которые определения к делу при сем посылаю в государственную Берг-коллегию, от коей с ними учинен контракт и почему договоренность жалования давал и что выдано о том надлежит сносить с ним, господином Гордоном.

8 ноября 1724 г.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 63.

№ 9.

ОБ ОТКАЗЕ КАПУСТИНУ В ОПЛАТЕ.

Капустин просил награду за привезенные руды и уголье по привелегии. И в оной ему, Капустину, отказано до указу для того, что по пробе пробирного мастера сысканных им другие руды ничего нет. И о том в обер-берг-амт для ведома послать указ. . .

1723 г. Октября, 4 дня.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, 629: л. 43.

№ 10.

**В ГОСУДАРСТВЕННУЮ БЕРГ – КОЛЛЕГИЮ.
ДОНОШЕНИЕ**

В нынешнем 723 году генваря в . . . день по е. и. в. указу из Берг-коллегии аздил я для выкапывания и взятия каменного уголья и руды в Донецкие городки с солдатом Никитой Столбовым и даны нам из Берг-коллегии до тех мест две ямские подводы, а возвратно до Москвы три подводы. И на те подводы дано нам прогонов 10 руб, з гривною, для копания уголья и руд на наем работных людей и подвод дано 10 рублей, да мне ж дано на пропитание 5 рублей денег и сверх тех денег издержал, займав своих денег на прогоны, на всякие наемные работные люди и подводы шесть рублей

двадцать шесть алтын четыре деньги.

А каменного угля взяв и в казачьем городке Быстрианске и в Туле и в Москве пробы чинили, делали кузнецы тем каменным одним угольем топоры и подковы новые, и они, кузнецы, то уголье похваляли и сказывали, что от него великий жар. А в Санкт-Петербурге по пробе иноземца, что подписались, что будто жару от них нет. Знатно, не сущую пробу чинили.

А в которую я руду привез и по пробе в Москве Вейс а, и иноземца, явилась золотая и серебряная руды и в том он подписался.

И сего 723 году, сентября, в день по имянному е. и. в. указу из Берг-коллегии велено по вышепоказанное каменное уголье и руды на Дон, в казачьи городки ехать иноземцу мастеру пробному для выкапывания и взятия, а для указания с ним ехать мне из Берг-коллегии. И по приговору повелено ехать и дать нам две ямские подводы только, а что на работников и на подводы и на подъем же иметь при себе в пути дневную пищу, ничего не показано.

Также и за показанную руду золотую за труд мой по писанному е. и. в. указу и по привилегии ничего мне не дано. Да которые деньги и свои издержанные и даванные за прогоны и на наем подвод и работников, и тех я по се нижеписанное число не получил. А за рудным промыслом ездю на своем коште осьмой год, а получил в те годы самое малое денежное себе награждение: сего году из Берг-коллегии пять руб. да в прошлых годах три рубля с полтиною. В городе я без жалования пришел во всеконечную скудость и разорение. И оные для указания и взятия того угля и руды ехать готов, только без награждения и денежного жалования ехать мне нечем. И на пропитание и на одежду себе взять негде, потому что я от того происку пришел во всеконечную скудость и разорение и ныне живучи в Санкт-Петербурге для подлинной пробы уголья и руд великими долгами одолжал и разделатца с долгами нечем, так же и о послушании на Дон указу и Донским казакам.

Того ради всепокорно прошу Берг-коллегию, дабы мне повелено было дать е. и. в. в награждение денежное жалование так же и подъем для пропитания в пути, которые мне задержанные деньги выдать. А для копания уголья и руд, на наем работников и подвод о прогонах как соизволит государственная Берг-коллегия, так же и о послушных указах.

О сем доносит происку рудных дел подъячий Григорий Капустин сентября в . . . день 1723 года.

К сему доношению происку рудных дел подъячий Григорий Капустин руку приложил.

ЦГАДА, СССР, ф. Берг-коллегии, д. 629,
л. 41-41 об.

87

Донесение Н. Вепрейского и С. Чиркова Петру 1 и Камор-коллегии о разработке каменного угля и о варении соли в Бахмутской провинции.

1724 г., января, 23.

Всепросветлейшему, державнейшему императору и самодержцу Всероссийскому Петру Великому, отцу отечества, государю всемилостивейшему, в государственную камор-коллегию з Бахмута от соляного правления.

ОТПИСКА.

По его императорского величества указу из оной коллегии повелено прислать из Белогородской провинции в Бахмут к соляному правлению для учинения вновь изысканных земляных угольев и соляных вод пробы рабочих людей сколько надлежит, но токмо из оной провинции означенных рабочих людей прислано стодевяносто четыре человека, и те присылались в разные числа, без подмоги, и без записные, и спустя летнее время — в августе и в сентябре месяцах.

И теми рабочими людьми оное уголье окопано в горе по мере: в длину пятнадцать сажень, в высоту десять сажень. И оное земляное уголье употребляетца ныне на Бахмутские соляные заводы в казенные кузницы на латание солеваренных сковород и на прочие поделки.

Токмо оное уголье в гору пошло в глубину, а сколько ево, о том неведомо, для того что сверх оного уголья велика гора — в высоту сажень десяти и больше. И меж того уголья проищискиваются и другие материалы. И окопать оного уголья такими малыми людьми в скором времени невозможно, также сыскано слюденное камень малое число.

Также в Рыбинском полку на речке Беленькой, которая расстоянием от Рыбного в полтора сажень верстах. И на оной речке Беленькой для пробы один соляной колодезь вертели большим колодезным буровом глубиною в землю пяти сажень. И как оной буровел вынесли и из оного колодезя пошла вода соленая. И на оной речке Беленькой соль варена на двух сковородах пробочных малых, которые деланы изнарочно, а не на таких, какие обретаются в варке на Бахмутских соляных заводах. И варили семеро суток. Соли выварено четыре бочки.

Да в Бахмутской провинции на речке Красной соль варили трое суток. Соли выварено две бочки, а она соль варилась в осеннее, непогожее время.

А каковыя по пробе явились земляное уголье и слюда и другие материалы, также и вываренная вновь изысканных соляных вод соль, и оные для

явного свидетельства посланы ныне в государственную Камор-коллегию. А сколько вышеозначенных каких порознь материалов прислано и в которых урочищах оные материалы изысканы, о том явствует в приложенном при сей отписке реестра. И выше означенному как уголью, так и соли пробу впредь чинить ли, и на соляных водах заводы заводить ли. И на которых урочищах будет оные заводы заводить, то откуда иметь рабочих людей. И о всем вышеозначенном е. и. в. указ что повелит.

У подлинной отписки пишет тако:

е. и. в. нижайший раб лантрат Никита Вепрейский.

е. и. в. нижайший раб капитан Семен Чирков.

Бахмут, генваря, 23 дня 1724 году.

ЦГАДА, СССР, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 187-188.

№ 12.

1724.января, 23 дня. Реэстр, что послано из Бахмута от соляного правления в государственную Камор-коллегию вновь изысканных каких материалов. А именно:

1

Уголья земляного и руд, которые изысканы в урочище Скелеватое, расстоянием от Бахмута в двадцати пяти верстах.

Земля подобно серебряной руде.

2.

Руда двенадцать фунтов, которая изыскана недалеко от вышесказанного земляного уголья в Скелеватом.

3.

4.

Десять фунтов. Изыскано в урочище на речке Беленкой расстоянием от Бахмута в пятидесяти верстах.

5.

Черной земли подобно камню, двенадцать фунтов. Изысканы на указанной речке Беленкой.

6.

Камень синий, три фунта. Изыскано на вышеписанной речке Беленкой.

Подобно руде медной, два фунта. Изыскано на вышеобъявленной речке Беленькой.

8.

...Вновь изыскано соляных вод соли в четырех бочках.

А именно:

В первом – речки Бахмут шесть фунтов...

Во втором – Речки Береки пять фунтов...

В третьем – речки...четыре фунта...

В четвертой – речки Беленькой четыре фунта ...

Подлинный реэстр лантрата Вепрейского и капитана Чиркова.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 188-189.

№ 13

Сведения о результатах опробывания пробирным мастером Вейсом каменного угля и руд, присланных из Бахмутской провинции Н. Вепрейским и С. Чирковым.

№ 4

Черная земля, подобная камню. Взята на той же речке Беленькой – уголь хороший.

Все присланные руды, по определению Вейса, не содержат ничего.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 190.

№ 14

УКАЗАНИЕ БЕРГ-КОЛЛЕГИИ, УТОЧНЯЮЩЕЕ МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ

Коллегию приказано лейб-гвардии унтер-офицеру Маслову и угольному мастеру Никсону с его помощниками на показанные места против именного указа в Воронежскую губернию конечно из Москвы поехать сего мая 21 дня и велел сначала заехать посмотреть земляное уголье в Переяславской провинции Рязанского, а потом в Воронежскую губернию на Оленьи горы. И как оные места осмотрены будут, ехать в Бахмутскую провинцию в урочище Скелеватое, которое объявлено промемориею. И оное место написать ему в реэстр.

И как они, унтер-офицер и угольный мастер, придут как в Переяслав Рязанский, так и в прочие места, и что где у них учтено будет, о том писать в

№ 14

УКАЗАНИЕ БЕРГ - КОЛЛЕГИИ, УТОЧНЯЮЩЕЕ МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ

Коллегию приказано лейб-гвардии унтер-офицеру Маслову и угольному мастеру Никсону с его помощниками на показанные места против именного указа в Воронежскую губернию конечно из Москвы поехать сего мая 21 дня и велел сначала заехать посмотреть земляное уголье в Переяславской провинции Рязанского, а потом в Воронежскую губернию на Оленьи горы. И как оные места осмотрены будут, ехать в Бахмутскую провинцию в урочище Скелеватое, которое объявлено промемориею. И оное место написать ему в реэстр.

И как они, унтер-офицер и угольный мастер, придут как в Переяслав Рязанской, так и в прочие места, и что где у них учтено будет, о том писать в коллегию обстоятельно, и с которого места уголья для пробы и с того по пяти при доношении присылать в Берг-коллегию, отдавать немедленно. И оные доношения и руды и уголья для отсылки в Берг-коллегию отдавать в губерниях губернаторам, а в провинциях воеводам. А губернаторам и воеводам дан из Берг-коллегии указ.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 193.

№ 15.

Письмо Никсона из Москвы в Берг-коллегию о результатах опробования им каменного угля, присланного из Бахмутской провинции.

1724 года мая, 5 числа. Показывали мне уголье в коллегии, которое я опробовал. И оное является изрядное.

Сравнив его с лучшим английским, Никсон пишет:

И если такого много уголья в той земле, то довольное удовольствие подает и на всякие потребности удобны. Далее Никсон говорит, что он „многое уголье видел в Англии и что это уголье (из Бахмута)“ ему понравилось.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 191.

№ 16.

Из письма в Берг-коллегию
из Бела города (Белогорья).

4 декабря 1724 г.

Ныне проб не имею послать, понеже вверх горы, которую Григорей показал, буровами вертели, но ничего не нашли. А вертели в той горе семь сажень. А ныне начал под той горой, и выверчено двести английских гарнцев...

ЦГАДА, СССР, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 629, л. 448.

Поскольку сам теперь не могу писать, то велел писать сие толмачу.

А ОН, КОТОРОМУ Б НАДЛЕЖАЛО ПОКАЗАТЬ УГОЛЬЕ, ТО ЗДЕСЬ НЕ ОБРЕТАЕТСЯ*.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 629, лл 445-446.

Последняя, подчеркнутая фраза, явно указывающая на то, что Капустина в Бахмуте не было, в сборнике документов „ Открытие и начало разработки каменного угля в России,“ Углетехиздат, 1949 год, была опущена.

№ 19

**РАПОРТ УГОЛЬНОГО МАСТЕРА ГЕОРГИЯ НИКСОНА.
МАЯ, 25 ДНЯ, 1725 ГОДА.**

1.

В селе Петрово при реке Черновне буравил и нашел уголья, а оные, что вынуть не мог, понеже след был водою наполнен. И оное место имеет фундамент и лесу изрядно. И по моему мнению, когда б шахты сделать и ход найден был, тогда не без пользы было.

2.

В Белом городе буравил я на четырех местах, и тамо лежит уголье в разных местах разсыпаны и никакой надежды до оных не имеется.

3.

При реке Белинке нашел я уголья. И оные лежат под водою. И ежели вниз до угля копано будет, то имеетца надеяние хорошее, ибо около томашнего места есть фундамент изрядной.

4.

При вышепомянутой речке расстоянием от того 3 версты обретается уголье, которое примешано с шифером. И от того оные уголья неясно горят. А буде повелено будет у того уголья впредь работать, то может шифер от того будет менее быть и уголья будут хорошие, ибо вверху есть фундамент добрый.

5.

При Скелеватове взяты уголья по той стороне, где капитан Чирков работал. И сверху прошел и ход впадает в глубину и иде по другой стороне

94

горы под воду. И, по моему мнению, надлежало уголье по сей стороне, а не по той стороне, где капитан Чирков работал, добывать.

Понеже при том есть фундамент...

Само изрядно, уголье хорошее, а как далеко оные простираютца, об том при сем объявить не могу, покамест ход глубже выкопан будет.

ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, оп.1, д. 629, лл. 396-396 об.

№ 20

Реестр найденным И.И. Морозовым с товарищи рудам и изготовленному из них железу.

Реестр сысканным рудным камням и сделанному железу по посланным образцам:

1. При реке Север.Донцу при местечке Ямполье и из оной сделано железо.

2. При р. Медведице...

3. Железо ис прочих при р. Медведице на ручному заводе делано

4. При р. Волге между Саратовом и Дмитриевым.

5. Разных видов камня за Бахмутом близ вершин речек Лугани и Беленькой.

6. Железная руда за Бахмутом же при тех же речках Беленькой и Лугани, а наче за оным, во отдалении от Бахмута стах в полуторе верстах и при речке Миус, где (при оных реках) сыскано в разных местах многое число горнов или сыродутных печей, которые зделаны и состоят уже все зарослею в земле, и делано в оных было железо в дальних годах, токмо какими людьми, о том знать и помнить никому не можно.

Иван Морозов.

ЦГАДА, СССР, ф. Берг-коллегии, оп.1, д. 1097, л.221.

№ 21

Рапорт пробирного мастера А. Дунилова в Берг-коллегию о пробах бахмутского угля и руды.

...Руда пробована, а по пробе содержит из центнера — чугуна сорок два фунта. И к плавке чугуна и к деланию железа годна.

А железо нехорошо зделано, а как оное прямою плавкою и кованием зделано будет, может быть лучше будет.

А уголь пробован же плавкою железа, а именно: угля взято один пуд, которым выковано железа десять фунтов. Да оной же уголь пробован

95

вторично, смешав с ординарным деревянным угольем, а именно: простого угля было взято один четверик, а каменного один пуд и оным выковано железа пятнадцать фунтов. И оный уголь в ковке железа имеет быть смешан с простым угольем, и к ковке железа удобно, что можно и одним им ковать, а з деревянным углем лутчее.

1744 г., 2 ноября.

ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 1097, л.251.

„Открытие и начало разработок каменного угля в России” 1949 г., с. 229.

№ 22

Указ Сената Соляной конторе о проведении опытной варки соли на одном каменном угле.

Подполковнику Спешневу и камерному советнику Юнкеру и отправленному туда офицеру обще учинить пробу соль варить одним каменным угольем возможно ль им, будет ли в соли от того угля какого противного запаха, или несколько и дров к тому уголю прибавлять надлежит?

Дешевле ли? Какую сумму?

1744 г., декабрь, 19.

ЦГАДА СССР, ф. Гл. соляной конторы, № 3 кн. 1, р. 1, л.л. 556-557.

№ 23

Репорт Г. У. Райзера в Берг-коллегию о результатах обследования залежей каменного угля и железной руды в Бахмутской провинции.

В Государственную Берг-коллегию

Прибыл 24 июля 1744 г. в Тор. Потом отправился в Бахмут, объявил коменданту подполковнику Спешневу указ из Соляной конторы, получил от него работников, но подъячего не получил. 4 августа поехал в Городни буераки, которые в 50 верстах от Бахмута, не очень далеко от вершины Мияса, в Азовское море текущей.

В сих Городних буераках освидетельствовал я по горному обыкновению и с небольшой работой:

1. Старинные горны в вершине р. Белинки, которые по шлаку или соку железному только узнать можно и в чертеже нум. 19 означвы. Также и ров старинный, глубиной в иных местах в одну сажень, по которым помяну-

тая комиссия шурфовала, но я ничего важного не нашел.

2. Шурф на железную руду в сажени глубиной, из которого по чертежу в № 1, 2, 3 и 4 под черною землею только глина с тонким слоем пещаного камня и темной глины находятся. С шурфа № 5 с одной стороны и к полудня – серой, синеватой дикой мрамор, который весьма много щелей имеет, в которых, щелях, и где он отделяется, руда железная добрая находится в полтора сажени глубиной. Но как мною далее прокопано было, то на всех сторонах руда потерялася.

3. Каменное уголье на двух местах:

Первое при речке Белинке, где на чертеже № 18 показан. Сей слой каменного угля открыт на 2 сажени. Зачин имеет от черной земли и падает в 50 градусов в зюйд-вест, толщиной в 1 аршин. Над ним глиняный шифер, в котором трава находится. Уголь весьма распадается, и хотя в слою 1 сажень глубиною шурфовал, однако крепче не достал. Упование есть об его довольстве.

Второй слой каменного угля, который крепче и более на смолу походит, лежит в малом буераке, несколько верст от прежнего, недалеко от речки Белинки, в чертеже № 20 назван. Оной открыт на 4 сажени вдоль и падает 15 градусов зюйд-вест, имеющий над собою под черной землею глиняной шифер, а под собой – серый песчаный шифер камень. Толщина слоя 1 аршин с чертвтерью.

И далее признаки сего слоя находятся, так что довольство немалое будет. Я от сего угля ничего не взял, потому что комендант и соляные комиссия оного довольно в Москву отправила. По пробам, в Бахмуте учиненным, он годится к ковке железа, ежели к нему горсти две деревянных углей к разгоранию прибавить.

При сем пробовал я в ковке вышеупомянутые каменные уголья из шурфа № 18 Городних буераков. Сии уголья не разгораютца, сырыи, а ежели высушены, очень мелко расподают, и для того их меха прочь отдувают. Чего ради прибавил я деревянное уголье по маленьку и порция вышла так, что равную часть углей в прибавку требуют, после разгорания можно было всякое железо варить...

О угольях из шурфа № 20 тех же Городних буераков уже выше упомянуто. Но находитца еще каменное уголье в Скелеватом буераке, 25 верст от города Бахмута. Сии уголья невозможно мне было освидетельствовать, понеже, степные дороги и буераки снегом занесло, так что и ради того посыланные казаки туды добраться не могли. Но я известие получил, что оные лежат слоем в 1 аршин шириною и наруже не крепки, распадается,

которые я получил, так же мелки. И ради недовольства я с ними пробу никакую учинить не мог.

К сему рапорту приключаю я три карты: Первая дана мне по моему прошению от Соляной Торской комиссии, чтоб видно было расположение мест всего дистрикта;

Вторая — о Городних буераках и третья — о рудниках при Бахмуте и Донце, которые я сам мерил и сочинил.

ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 1097, л. л. 257-263.

Открытие и начало разработки каменного угля в России. 1949 г., с. 302-308.

Примечание:

Документ дается в сокращении.

№ 24

ВЫПИСКА

Из журнала конторы Таганрогского порта.

Прошлого 1784 года, июля 23 во оной конторе являсь Войска Донского отставной казак Иван Двуженов и объявил: нашел он на речке Крепенькой в балке близ хутора войскового старшины Платова земляное уголье довольноное число. И буде оно надобно конторе, то и будет поставлять из той балки и из других по реке Миюсу войсковых мест ценою возместить по 25 коп. за пуд. Для чего на пробу привез из того найденного угля до 84 пуд., которое и приказано инструментальному мастеру Никонову в здешней кузнице опробовать.

Николаевский облгосархив, ф. 243, оп. 1, д. 61, л. 3-3 об.

№ 25

**СООБЩЕНИЕ ВИЦЕ-АДМИРАЛА КИСЛИВЦЕВА.
О КАМЕННОМ УГЛЕ, НАЙДЕННОМ КУПЦОМ ФУРСОВЫМ**

Вице-адмирал Кисливцев от 9 февраля уведомляет, что открывается весьма полезный случай по немалому облегчению претерпеваемого крайнего недостатка в Азовской губернии дров и угля и в соблюдении лесов

чрез представленное ему на рассмотрение каменное уголье, найденное купцом Фурсовым в Бахмутской провинции близ раскольничей слободы, именуемой Беленькая, на горе, отстоящей от Таганрогского порта не более как 130 вест; которое, уголье, по сделанной в адмиралтейской кузнице пробе найдено годным к употреблению. И притом преимущественно перед деревянным, которого против одного с половиною четверика каменного употреблять надо шесть четвериков.

Доносит при том, по признакам не сомневается о великом количестве каменного угля в окрестности той горы. Но жители того места не токмо сами не приступают к открытию оною, но и посторонних к тому не допускают. Для того просит он ходатайствовать приказания Азовской губернской канцелярии с тем, ежели те местные жители не пожелают сами заготавливать в казну, то дозволить тому купцу Фурсову добывать собственным коштом, которого нам немало надо, но чтоб производить ему без всякого принуждения и платы кому-либо за то денег.

Тогда оной поставку будет делать в казну за умеренную цену.

ЦГАВМФ СССР, ф. 172, оп. 1, д. 25,
л. 243-243 об.

№ 26.

Г. А. Потемкин — М. Л. Фалееву

На представление Ваше от 6 числа сего месяца в резолюцию предписываю: Найденного капитаном Скорняковым в Донских дачах земляного угля, которое по пробе оказалось годным к употреблению при адмиралтействе, прикажите приготовить до ста тысяч пудов и доставить в Таганрог. О нечинении же в селениях Донских в заготовлении оною препятствия, но напротив того, чтобы оказывано было капитану Скорнякову от стороны тамошнего начальства всевозможно по моему предписанию от меня войсковому атаману г. генерал-поручику и кавалеру Иловайскому, ровно и для разрабатывания штольной приказал я в ведомство его Скорнякова отпустить из состоящих в Таганроге каторжных невольников сорок человек.

Князь Потемкин-Таврический

Яссы. Сентября, 15-го дня. 1791 г.

№ 27.

О даставке каменного угля из Селезневки Донецкого уезда в порт Кичкас.

Порутчик Волошин докладывал Фалееву: 8 сентября 1791 г. от коллежского ассесора Аврамова по накладному регистру с Донецка, с дачи капитана Яковлева фурщики Донецкого уезда Петр Верещагин и Савва Озерский с товарищи на 22 фурах каменного угля 1179 пудов в Кичкасскую пристань доставили, из чего за перевесом способного явилось 793 пуда.

Николаевский облгосархив, оп, 1, ф. 243, д.59, л. 4.

№ 28.

ВЕДОМОСТЬ

сколько с 1 сентября по 8 ноября добыто угля и мрамора и по какой цене добытого стоит каждый пуд угля

	пуды
1. При копи над прудом добыто угля	10060
2. При той же копи открыто, но за наступившею неспособною погодою неподнятого применяясь к производимой добыче полагается по меньшей мере до	6600
3. Мелкого, который в розценку не полагается, 2182 п.	
4. При копе над большою горою при байраке Долгом добыто угля	6006
5. Да открытого при той же копе но за неспособностью погоды не поднято по меньшей мере до	26000
Мелкого	515 п.
А всего поднято	16060
Неподнято	48668
1. Плит мрамора всего добыто штук от 3/4 аршина до 3-х аршин длиной	1075
2. Да тонких плит мрамора штук	300

Николаевский облгосархив, ф. 243, оп.1, д. 59, л. 65.

* Речь идет о добыче угля в д. Селезневка Н. Ф. Аврамовым в 1791 году.

№ 29.

ВЕДОМОСТЬ

Сколько от г-на коллежского ассесора Аврамова фурщиками доставлено из дачи капитана Яковлева в Кичкасскую пристань казенного каменного угля, на скольких фурах, почему дописывано с пуда деньги и что за перевесом явилось мусору. Учинена октября, 20, 1791 года.

	число фур	отпуск с Донец- ка сколь- ко пу- дов	кам. уг. с перевесом	почем допла- чивать с пуда	Суммы облудо- вые р.	к.
1. Транспорт привести фурщик Саввы Озерского с товарищами сентяб. 17 дня	22	1179	793	386	к. 10	79 30
2. Сент. 25 фурщ. Максим Немец	27	1761	1209	551	к. 10	120 92 1/2
3. Сент. 27. фурщ. Вас. Чертухин с товарищами	10	579	366	212	к. 10	36 62 1/2
4. Сент. 28. Фурщ. Иван Личинский с тов.	20	1080	527	552	к. 10	52 75
5. Сент. 29. фурщ. Трофима Худолея с тов.	30	1643	842	800	к. 10	84 22 1/2
6. Сент. 29. фурщ. Конст. Горба	21	1361	992	369	к. 10	99 20
7. Сент. 30. фурщ. Ив. (Икса) бурда с тов.	69	3970	2856	1113	к. 10	285 65
8. Окт. 5. фурщ. Осипа Доринтеца с тов.	68	3762	2660	1102	к. 10	266
Итого:	267	15335	10246	5088	10	1024 67 1/2

Николаевский облгосархив, ф. 243, оп. 1.
д. 59, л. 11.

РАПОРТ НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА Н. Ф. АВРАМОВА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМУ
ГУБЕРНАТОРУ КОХОВСКОМУ

Во исполнение в-го п-ва приказа ездит я за прииском каменного угля по берегу реки Донца, начав от слободы Серебрянки, вниз по течению до села Вышнего, и сколько нынешнее холодное время позволило, старался делать по примечаниям разработки в разных местах. Напоследок при помянутом селе Вышнем от одного вверх по Донцу верстах в четырех в казенных к тому селу принадлежащих дачах в боераке, называемом „Лисичьим“, найден мною слой каменного угля толщиной в аршин, в длину открыто шурфом на 25 сажень. Далее же за наступившими нападшими снегами разработку производить было не можно.

Взятой для опыту уголь при сем в-му пр-ву представляя, осмеливаюсь доносить, благонадежность к получению одного в большом количестве есть уже несомнительно, что можно заключить и по толщине открытого слоя, и при том и примеченные в том же боераке в разных местах слои угля изрядной толщины доказывают одного изобилие. Да и уголь по чинимому мною опыту оказался несравненно лучшей доброты нежели тот, который открыт был в Донецком уезде при речке Белой. А сверх того и доставление одного в приморские города быть может водою, начиная по реке Донцу и далее через что как поставка способнее. Так уголь ломки и обращения в мусор сохранится.

И ежели в. п-во повелеть соизволите на будущую весну добывать уголь в помянутом урочище, то как оной лежит в земле глубиною в сажень на семь, почему и работу производить следует по горному правилу штольнями. Для крепления оных потребны леса, которых против самого того боерака расстоянием не более версты за Донцом имеется довольно количество в дачах г. оберштер-кригс комиссара и ковалера Фалеева. То не соизволите ли в. п-во приказать купить одного лесу на первый случай хотя десятин до трех в вырубку и нынешнюю зимою перевозить на те места, при которых добыча угля происходить будет. На какое изготовление потребно денег до пятисот рублей. Возчиков же обще и с рубкою в длинных ко оным лесам селениях за договорную плату уповательно сыскаться может довольно. И об оном в-му п-ву сим почтеннейше представляя, имею ожидать резолюции.

Записки Одесского общества истории
и древностей, 1881 г, т. ХП, с. 400-401.

Из письма В. Коховского тайному советнику В. С. Попову.

Отправленный от меня г. надворный советник Аврамов для приискания угля в казенных дачах, лежащих на реке Донцу, приискав оные. Какой прислал ко мне рапорт, представляю при сем копию.

Дабы для открытия сего для произведения природы нужного во всякое время иметь пользы и выгоды, то нужно, чтоб г. Аврамов снабжен был помощниками, а я повелением снабжать его деньгами. Требуемые им ныне 500 рублей отправлю моих собственных, дабы не потерять времени удобно-го к рубке лесов и перевозке их через реку по льду.

При наступлении весны отправлюсь я в сии места, где, посоветовавшись с г. Аврамовым, подумаю о способах к непрерывному производству добывания угля, и сколь то быть может, без дальних казенных издержек.

Я писал к г. Аврамову, чтоб он осмотрел берега рек Кальмиуса и Миуса. Род камней и грунт земли такой же самый, каков в Бахмутском и Донецком уездах, протягавшись через вышеупомянутые реки, простирается до речек Берды и Бердянки, что заставляет думать, что может быть найдется уголь и в сих местах.

По уверению трех голандцев Волана, фон-дер Платенца и Ферстера, присланное от г. Аврамова уголье есть лучшей доброты. Для опыта мы сами топили им печку. Я осмеливаюсь покорнейше просить в-го п-ва об употреблении вашего ходотайства о командировании к г-ну Аврамову знающих горное дело людей по внесенному моему представлению и о возврате мне посланных к нему 500 р. денег.

Дакабря, 20 дня, 1792 г. Екатеринослав.

„Записки Одесского об-ва истории и древностей“, 1881 г. т. ХП. с. 400-401.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ЧАСТЬ 1.

1. ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ОТВЕТОВ.

1. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. 1844 г., стр. 342.

2. А. А. Скальковский. Каменноугольная промышленность в Новороссийском крае. Журнал министерства внутренних дел, 1847 г. ч. 17-я, с. Пб., стр. 337-378.

3. П. И. Фомин. Горная и горнозаводская промышленность юга России.

Харьков, 1915 г., стр. 3-6.

4. Е. И. Заозерская. Поиски каменного угля при Петре 1. „Известия Всесоюзного географического общества”, 1943 г. т. XXV, вып. 2, стр. 49 – 56.
5. „Открытие и начало разработки угольных месторождений в России”. т. 1. 1949 г. М., Углетехиздат.
Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Углетехиздат, М.-Л., 1952 г.
6. Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. Госполитиздат, М. 1955 г.
7. Е. О. Новик, В. В. Пермяков, Е. Е. Коваленко. История геологических исследований Донецкого каменноугольного бассейна. Наукова думка, Е., 1960 г.
8. История технического развития угольной промышленности Донбасса. Наукова Думка, К., 1969 г.

2. БАХМУТСКИЕ СОЛЕВАРЫ

1. Грамота Петра 1 от 14 октября 1704 г. Изг. .скому полковнику Федору Васильевичу Шидловскому. . . Записки Одесского общества истории и древностей. 1844, т. 1, с. 351 – 372.
2. Учреждение коллегии. Док. № 1. Хрестоматия по истории СССР. ХУШ в. Соцэкгиз, М., 1963 г. с. 136.

3. ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ

1. Хрестоматия по истории СССР. ХУШ в. М. 1963 г. с. 44.
2. Центральный государственный архив древних актов СССР. (ЦГАДА СССР), ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 629, л. 71.
3. ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 629, л. 187 – 188
4. Там же, л. 190.
5. Там же, л. 191.

4. НА ДОН, В КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ

1. ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегия, оп. 1, д. 91, л. 346 об
2. Е. О. Новик и др. „История геологических исследований Донецкого каменноугольного бассейна”, стр. 21.
3. ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 91, л. 302.
4. Там же.
5. Там же, д. 629, л. 39 об.

6. Е. О. Новик и др. „История геологических исследований Донецкого каменноугольного бассейна”, стр. 21.
7. ЦГАДА, ф. Б. -коллегии, ф. 1, д. 91, л. 346 об. – 347.
8. Там же, д. 629, л. 41.
9. Там же, л. 27 об.
10. Там же, л. 39 об.
11. Там же, л. 29
12. Там же, л. 29 об.
13. Там же, л. 41.
14. Там же, л. 41 об.
15. Там же, л. 30.

5. ОШИБКА А. СКАЛЬКОВСКОГО

1. Записки Одесского общества истории и древностей, 1844 г., т. 1, стр. 32.
2. А. А. Скальковский „Каменноугольная промышленность в Новороссийском крае”, „Журнал министерства внутренних дел”, 1847 г., ч. 17-я, С-ПБ, стр. 337 – 378.
3. А. А. Скальковский „Опыт статистического описания Новороссийского края”, Одесса, 1853 г., стр. 508 – 509.
4. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. т. 1, М., 1949 г. стр. 13 – 14.
5. Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна”, М., 1955, стр. 77.
6. История технического развития угольной промышленности Донбасса, т. 1, Киев, 1969 г., стр. 24.
7. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 629, л. 39 об.
8. Там же, л. 193.
9. Записки Одесского общества истории и древностей, 1844 г., Одесса, т. 1, стр. 361.

6. ЭКСПЕДИЦИЯ ЕДЕТ В ДОНБАСС.

1. Открытие и разработки каменноугольных месторождений в России, 1952 г., стр. 34.
2. Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна, стр. 60.
3. Открытие и разработки каменноугольных месторождений в России, 1952

г., стр. 36.

4. ЦГАДА ф. Берг-коллегии, д. 629, л. 27. об.
5. Там же, л. 29.
6. Там же, л. 21.
7. Там же, л. 63.
8. Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна, стр. 61 – 62.
9. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 629, л. л. 52 – 52 об.
10. Там же, л. 55 об.
11. Там же, л. л. 140 – 142.
12. Там же, л. 248.
13. Там же, л. 287.
14. Там же, л. 448.
15. Там же, л. 396.
16. Там же, л. 465.
17. Там же, л. 445 – 445 об.

7. ГДЕ Ж ТЫ, РЕЧКА, БЕЛЕНКА?

1. ЦГАДА СССР, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 629, л. 396.
2. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России, 1952, М., стр. 44.
3. ЦГАДА СССР, ф. 271. Чертежи и планы, № 360.
4. Там же, № 358.

8. ПОЧЕМУ КАПУСТИН НЕ ПОЕХАЛ В БАХМУТ?

1. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 629, л. 446.
2. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России, 1952 г., стр. 45.
3. И. И. Каплан. „Первооткрыватель Донбасса Григорий Капустин”. Углетехиздат, М., 1949., стр. 31.
4. Там же, стр. 15.
5. Л. Губин. „Камень-уголь”. К., „Радянський письменник”, 1981 г., стр. 246 – 248.

ЧАСТЬ 2.

1. ПЕРСПЕКТИВА УХОДИТ В ДАЛЬ.

1. Советская историческая энциклопедия, т. 12, М. 1969 г. с. 375 – 376 .
2. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 247, лл. 234 – 235.

2. ПО СТАРЫМ СЛЕДАМ.

1. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 691, лл. 18-19.
2. Там же, лл. 43 – 46.
3. Там же, д. 1097, л. 211.
4. Там же, д. 1609, лл. 223, 224.
5. Там же, д. 1097, л. л. 212, 213.
6. Там же, л. 217. 7. Там же, л. 251.

3. СНОВА В БАХМУТ.

1. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 1097, л. 257 – 263.
Открытие и начало разработки каменного угля в России, 1949, М. Углетех издат, с. 302 – 308.
2. ЦГАДА, ф. 271, оп. 3, Планы и чертежи, № 360.
3. Там же, № 359.
4. Там же, № 358.

4. ЗАМЫСЕЛ ОСТАЛСЯ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫМ.

1. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 640, л. 115.
2. Там же, ф. Главной соляной конторы, д. 29, л. 436, 437.
3. Там же, ф. Берг-коллегии, д. 221, л. 204.

ЧАСТЬ 3.

1. ЗАСЕЛЕНИЕ КРАЯ.

1. ЦГАДА, ф. 248, д. 2732, лл 81 – 87.
2. Советская историческая энциклопедия. т. 12, 1969 г., с. 376.

3. В ИНТЕРЕСАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА.

1. ЦГАВМФ СССР, ф. 172, оп. 1, д. 25, л. 243.
2. Николаевский облгосархив, ф. 243, оп. 1, д. 61, лл. 3-3 об.
3. Там же, д. 59, лл. 68 – 68 об.
4. Там же, д. 61.л. 4.

5. ЦГАВМФ, СССР, ф. 245, оп. 1, д. 60, л. 37.
6. Николаевский облгосархив, ф. 243, оп. 1, д. 61, л. 13.
7. ЦГАВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 18 л. 3.
8. Николаевский облгосархив, ф. 243, оп. 1, д. 59, л. 31.
9. Там же, л. 1.
10. Записки Одесского общества истории и древностей, 1881, т. XII, с. 401.

4. ПЕРВЫЙ ТРУД О ДОНЕЦКОМ БАССЕЙНЕ

1. ЦГВИА СССР, фонд ВУА, д. 18076, л. л. 1 – 36.

5. НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОЙ РАЗРАБОТКИ КАМЕННОГО УГЛЯ

В ДОНБАССЕ

1. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 2188, л. 239.
2. Там же, д. 2181, л. 213 – 214.
3. Там же, д. 2222, лл. 247 – 248 об.
4. ПЗС, 1800, т. 23, с. 815.
5. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 1, д. 2222, л. 294.
6. История технического развития угольной промышленности Донбасса, К. 1969, с. 31.
7. Ворошиловградский облгосархив, ф. 1, оп. 1, д. 117, л. 110 – 112.

ПЛАНЫ И СХЕМЫ

План Бахмутского дистрикта. 20-е годы 18 века.

ЦГАДА СССР, ф. 271. Чертежи и планы. № 358.

План „Городни буяраки. Речка Белинка. От города Бахмута 50 верст“.

Показаны старинные горны, шурфы и рвы.

Сочинил Г. У. Райзер. ЦГАДА СССР, ф. 271. Чертежи и планы. № 360.

Схема № 1. Места, где в 1721 году бахмутские солевары впервые в Донбассе открыли каменный уголь.

Схема № 2. Маршруты Г. Капустина на Дон, в казацкие городки.

Схема № 3. Маршруты экспедиции по разведке каменного угля под руководством английского мастера Никсона.

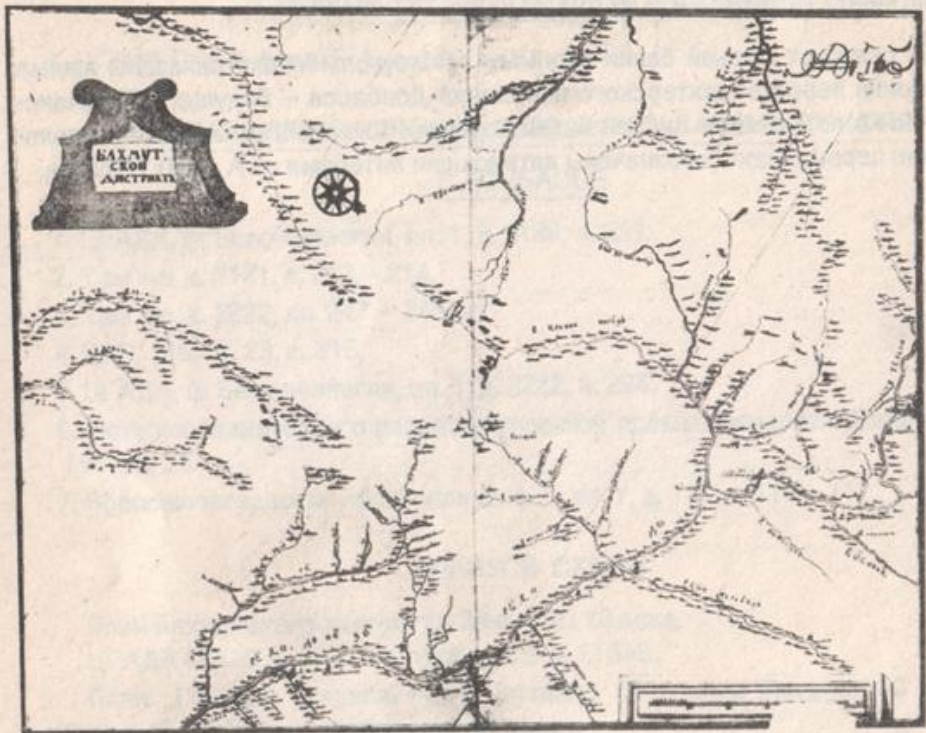
Схема № 4. Время открытия основных каменноугольных месторождений в Донбассе в 18 веке. Время и место первой разработки каменного угля для Черноморского флота. Место расположения урочища Лисья балка, где в 1792 году Н. Аврамовым открыт каменный уголь, а в 1795 году была заложена первая шахта в Донбассе.

ПРИМЕЧАНИЕ: схемы составлены автором.

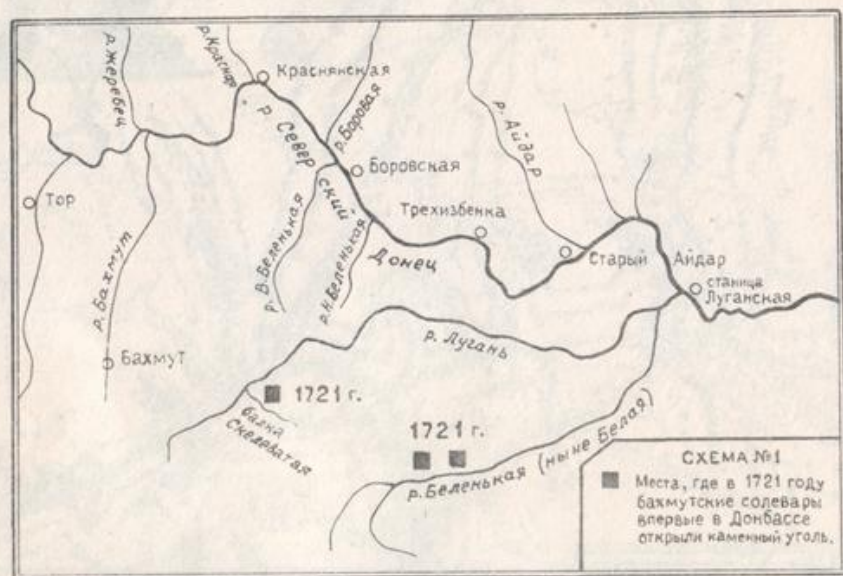
Геометрический план местоположения угольной ломки при 3-й Роте. . . (фрагмент). ЦГАДА СССР, ф. 271, № 3189.

На север от Лисьей балки черными прямоугольниками показаны жилые строения первого шахтерского поселения Донбасса – будущего Лисичанска. На южном склоне Лисьей балки черными точками показано местоположение первых шахт (обозначены латинскими литерами от А до Л) 1799 год.

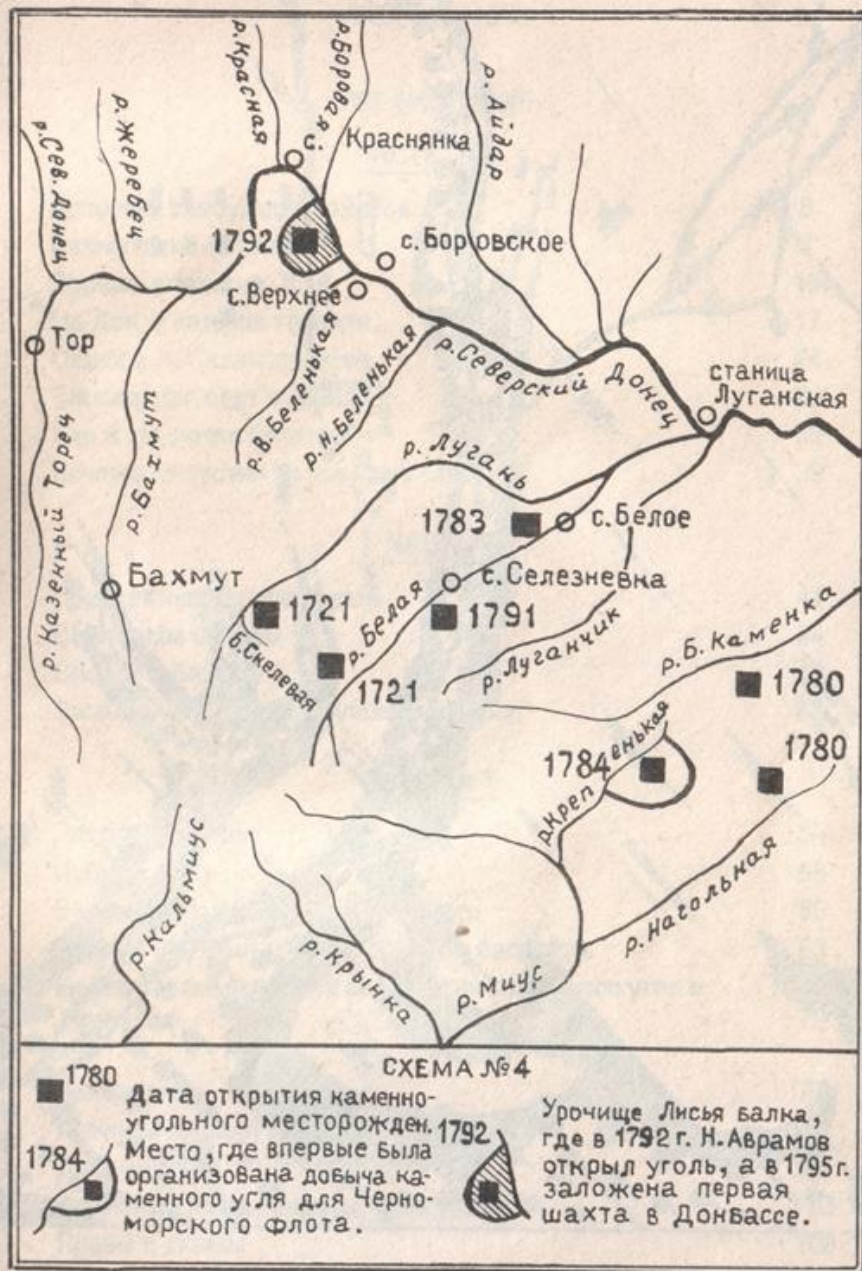

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

ЧАСТЬ 1

1.	Вопросы, требующие ответов	6
2.	Бахмутские солевары	7
3.	Первые открытия	10
4.	На Дон, в казачьи городки...	17
5.	Ошибка А. Скальковского	24
6.	Экспедиция едет в Донбасс	28
7.	Где ж ты, речка Беленка?	35
8.	Почему Капустин не поехал в Бахмут?	39

ЧАСТЬ 2

1.	Перспектива уходит в даль	41
2.	По старым следам	44
3.	Снова - в Бахмут	48
4.	Замысел остался неосуществленным	53

ЧАСТЬ 3

1.	Заселение края	55
2.	Первый опыт	58
3.	В интересах Черноморского флота	60
4.	Первый научный труд о Донецком бассейне	69
5.	Начало промышленной разработки каменного угля в Донбассе	72
	Заключение	77
	Уточним маршруты	80
	Документы	82
	Архивные источники и литература	103
	Планы и схемы	108

Владимир Иванович Подов.

Открытие Донбасса. Исторический очерк. Документы.

Научно - популярное издание.

Сдано в набор 12.11 91г. Подписано в печать 15. 01 92 г. Бумага типографская
N 2. Формат 60x84 1/16 Тираж 5000 экз.

Заказ N 1451.

Цена

Ответственный за выпуск - В.И. Подов

Рубежанская городская типография.